

А. С. Генкин
А. Е. Молотников

ЗАХВАТ

*Корпоративные шахматы:
игра на выживание*

 СТАРТАП

*А. С. Генкин,
А. Е. Молотников*

ЗАХВАТ

**Корпоративные шахматы:
игра на выживание**

Роман основан на реалиях корпоративных войн в России.

...Белые и черные сошлись в странной шахматной партии. На кон поставлена судьба Завода, судьба его владельца — Николая Топа, судьба города Николаевска и населяющих его людей. Кто-то пытается захватить Завод. Советник хозяина, молодой юрист Никита Бирюков, пытается разобраться в происходящем и защитить Завод от рейдерской атаки.

Авторы — доктор экономических наук, профессиональный консультант и кандидат юридических наук, эксперт в области слияний и поглощений.

Книга основана на реальном опыте авторов в сфере защиты от враждебных поглощений.

*Предприятие стоит ровно столько,
сколько стоит его отнять*

Оглавление

Пролог. Воспоминания: хроника штурма.....	9
ЧАСТЬ I. ДЕБЮТ.....	23
Глава 1. Звонок из ниоткуда.....	25
Глава 2. Информация к размышлению: явление Тона.....	31
Глава 3. Французская защита.....	39
Глава 4. Охранная грамота.....	47
Глава 5. Воспоминания Никиты: первый рейд.....	54
ЧАСТЬ 2. ЗАВОД.....	63
Глава 6. Разбор дебютной стратегии.....	65
Глава 7. позиционное маневрирование.....	71
Глава 8. Черные вступают в серьезную игру.....	76
Глава 9. Развитие дебютной инициативы.....	83
Глава 10. Ответные шаги белых.....	90
Глава 11. Разговор с меценатом.....	97
Глава 12. Переправа.....	105
ЧАСТЬ III. ПРОТИВОСТОЯНИЕ.....	115
Глава 13. Первые признаки оживления.....	117
Глава 14. Смешились в кучу кони, люди.....	128
Глава 15. Попытка контратаки на флангах.....	132
Глава 16. Миттельшпиль.....	137
Глава 17. Редиска выходит из игры. Испанская партия.....	157
Глава 18. Размен фигур защитников.....	168
Глава 19. Угроза подчеркивает слабость позиции.....	175
Глава 20. Сеанс одновременной игры. Никита уходит в фриланс.....	181
Глава 21. Спасшийся.....	186
ЧАСТЬ IV. ФИНАЛ.....	193
Глава 22. Замыслы соперников открываются.....	195
Глава 23. Запоздалое сопротивление.....	204
Глава 24. Решительное вскрытие позиции.....	207
Глава 25. На острие атаки.....	213
Глава 26. Market trap.....	224
Глава 27. Ультиматум.....	225
Глава 28. До голых королей.....	230
Глава 29. Партия.....	237
Глава 30. Последняя.....	241

Предупреждение:

Все использованные в настоящей книге имена, фамилии, клички, географические названия, наименования финансово-промышленных групп, компаний и организаций, а также описанные в книге события, являются вымышленными.

В то же время все, что случилось с описанными в книге героями, происходит каждый день и однажды может случиться с вами...

Основные действующие лица:

Белые:

Николай Оттович Топ, российский предприниматель, хозяин Николаевского машиностроительного завода

Никита Бирюков, юрист, специалист по защите предприятий

Феликс Поливанов (прозвище Редиска), юрист, друг Никиты, игрок по натуре

Генерал Савенко, сейчас в отставке

Аня Савенко, дочь генерала

Валерий Бирюков, отец Никиты

Олег Рукавишников, адвокат

Вадим Николаевич Ивахненко, предприниматель, отбившийся от рейдеров

Виктор Петрович Петраков, предприниматель, жертва рейдерского поглощения.

Черные:

Заказчик (сохраняет инкогнито)

Федор Столетов, федеральный чиновник средней руки

Георгий Иванович Черносветов, руководитель инвестиционной компании

Василий Панов, юрист, специалист по захвату предприятий

Андрей Кадышев и Олег Капустин – сотрудники Панова

Рейдеры из компании «Акапулько»

Жанна Самойлова, политтехнолог.

Николаевская элита:

Иван Дмитриевич Каманин, бывший директор Николаевского завода

Борис Всеволодович Рокотов, бывший замдиректора Николаевского завода

Август Майер, директор училища

Виктор Майер, директор завода «Счетмаш», местный лоббист

¹ Цвета фигур указаны первоначальные и с течением времени могут меняться.

Коля Серебро, местный авторитет
Ирина Теплакова, Колина любовь
Ирина Серебро, Колина жена
Игорь Теплаков, мэр Николаевска, брат Ирины Теплаковой
Федор Ильич Карнаухов, лидер местного отделения Компартии.

Прочие фигуры:

Рефат, водитель Никиты
Алик, водитель Василия
Савелий Альбертович Бехтерев, знаток искусства и рейдер
Еремей Санников, мастер похоронного дела
Жюстин, мачеха Никиты
Элина Тенишева, банкирша
Лиза Ахтыркина, махинаторша
Эдуардо Муньес, российско-латиноамериканский бизнесмен
Консильери баночного короля
Пьяница-шахматист с московского бульвара.

ПРОЛОГ.

ВОСПОМИНАНИЯ: ХРОНИКА ШТУРМА

«Вопрос заключается в том, смогут ли черные удержать завоеванное?»

(Василий Смыслов)

Когда партнеры опаздывают на встречу, а все деловые газеты уже давно прочитаны, остается медленно пить эспрессо, задумчиво чертить ложечкой по малиновым салфеткам, лежащим на столике, и вдыхать запах кофе. Если бы Василий Панов курил, наверное, он закурил бы сигарету и, лениво разглядывая парочки, сидящие за соседними столиками, стал бы думать о всякой чепухе. Но он не ведал вкуса сигарет, поэтому ему оставалось довольствоваться лишь кофе, аромат которого погрузил его в воспоминания.

...Шел девяносто девятый год. Была осень. Сентябрь.

В воздухе пахло увяданием, желтые листья неторопливо кружились и чуть слышно опускались на крышу большого черного джипа, стоявшего под старым кленом. Из динамиков автомагнитолы доносилась Земфира. Василий сидел на заднем сиденье, за водительским креслом. В одной руке у него был бутерброд с вареной колбасой, в другой — крышка термоса с ароматным и очень сладким кофе.

— Ты ешь бутерброд-то, не стесняйся, — говорил водитель. Как же его звали? Вроде бы Андрей, а может Сергей. Василий уже не помнит. Хотя нет, его звали Сергей, точно — Сергей.

— Лёнь, — водитель обращался к молодому человеку лет тридцати, из-за подголовника был виден его ослепительно белый свитер с горлышком, — что у вас в Москве — юристов совсем не кормят, вон какой худой сидит.

— Конечно, не кормят, чтоб злее были, — рассмеялся Лёня.

Запиликал мобильный, Лёня махнул Сергею рукой: «Надоела эта песня про ворон с московской регистрацией! Сделай потише! — И затараторил в трубку, — Все документы в порядке. Конечно, кто бы сомневался. Нет, никто еще не проходил. Послушай, я бы заметил. Ты вот что еще сделай: раздай им какие-нибудь повязки, чтобы различать, кто свой, кто чужой. Где взять? Ну, у тебя голова есть на плечах? Зайди в аптеку, купи бинтов, вот тебе и опознавательный знак. Под кайфом есть народ? Фигово. Если их всего пятнадцать, гони. Говорю тебе, гони, мне геморрой на объекте не нужен. Ты не соображаешь? А если забьют кого, ты понимаешь, какой хай пойдет? Ладно, все, мы тут на аллее Славы стоим, сообщи там своим. Ну, все, давай. Ждем».

Несмотря на веселый нрав, Лёня Старков очень серьезный молодой человек. Он доверенное лицо президента банка, в который Василий устроился работать два месяца назад. Лёня по образованию не юрист, он историк, кандидат наук, коллекционирует иконы, но разбирается и в юриспруденции, хотя в мелочах путается, поэтому Василия и послали вместе с ним в Бочаровск. Лететь должны были другие, более опытные, но кто-то женился, кто-то не вернулся из отпуска, а еще проект в Озерске пошел, в общем, полетел Василий. Сначала он немного побаивался Лёню, но потом это прошло.

По возвращении из Бочаровска, Лёня взял своеобразное шефство над Василием, что сулило весьма серьезные перспективы. К весне Василий стал вторым замом начальника отдела. Все чаще именно его вызывали на четвертый этаж — место дислокации топ-менеджеров банка. Неизвестно как бы сложилась судьба Василия, если бы Лёня, улетев на Камчатку в мае двухтысячного, не утонул там на рыбалке. Дело было темное. Сначала нашли перевернутую лодку, потом и самого Леонида Дмитриевича. Говорили всякое...

Но это будет через полгода, а пока шеф и подчиненный сидели в машине и ждали, когда подъедут автобусы с группой си-

ловой поддержки. Группу набирали местные ребята, помогавшие Лёне добиться цели, поставленной президентом банка, — получить контроль над Бочаровским трубным заводом. Доверенное лицо, он же вице-президент банка, жил в городе третий месяц с небольшими перерывами. За это время удалось не только скупить двадцать семь процентов акций у мелких акционеров, но и наладить хорошие отношения с ментами и бандитами.

Директор завода ни за что не хотел расставаться с заводом. И это несмотря на то, что Леня вел себя с ним по-джентльменски: предложил продать завод за два чемодана, набитых тугими хрустящими долларами. Директор отказался. Число чемоданов увеличилось до трех, директор оставался непреклонен. Тогда в дополнение к чемоданам ему предложили пост пожизненного председателя совета директоров, но и здесь переговоры потерпели фиаско. Наивный капиталист не успел усвоить основной принцип послекризисной России — актив стоит ровно столько, за сколько его можно отнять.

Пришлось приводить совсем иные доводы. Прежде всего, был скуплен солидный пакет акций. Однако зарегистрировать переход права собственности на акции в реестре было нереально: несмотря на пять тысяч акционеров, реестр почему-то велся обществом самостоятельно. Любые попытки представителей новоявленных акционеров проникнуть на территорию предприятия жестко пресекались. Пришлось воспользоваться доверенностями, которые собственники ценных бумаг отдавали покупателям вместе с акциями.

Времени было мало. Президент банка торопил, контроль над предприятием обещал стратегическое преимущество в многоходовой партии, разыгрываемой в преддверии думских выборов. Поняв, что мирно решить дело не получится, Лёня решил идти на захват завода. Василий написал протокол внеочередного собрания акционеров о досрочном прекращении полномочий старого состава совета директоров и генерального директора. Здесь же говорилось об избрании нового состава совета директоров и руководителя завода. На основании этого протокола и планировался штурм. Сразу после него нужно было провести общее собрание акционеров. В большинстве го-

лосов на собрании Леня был уверен, главное — установить контроль над реестром, а там уж его можно переписать под себя.

С дальнего конца аллеи послышалось надрывное чихание выхлопной трубы. Это подъезжали ПАЗики с «пехотой», которая должна была штурмовать завод. Костяк нападающих составляли бойцы одной городской бригады. Остальные бойцы набирались где придется: по деревням, ночным клубам, спортивным школам. Пока подъезжали ПАЗики, из малиновой «девятки», припаркованной за джипом, вышли два крепких молодых человека в коротких кожаных куртках и встали рядом с джипом. Это были Антон и Ренат — личные телохранители Лени, которые опекали его и в Бочаровске, и в Москве. Кстати, Сергей тоже был не просто водитель. Его делегировала дружеская братва для урегулирования возможных конфликтных ситуаций с местными.

Автобусы стали неуклюже парковаться параллельно доскам почета с фотографиями передовиков производства. Колонну автобусов замыкала зеленая «десятка».

— Леня, — водитель снова приглушил музыку, — пойдем перетрём с пацанами. По ходу там и Гудвин приехал.

— Ну а как же без него, — произнес Леонид, — все-таки мы его директором делаем. А вдруг телевизионщики приедут, кто с ними говорить будет: ты или вон они? — он кивнул в сторону ПАЗиков, из которых выходила толпа разношерстной молодежи. — Вась, ты пока посиди, послушай вон Земфиру, а мы поговорим с народом.

Василий остался в машине один. Из окна было видно, как Леонид разговаривает с приехавшими на «десятке». Одним из них был новый генеральный директор Борис Валерьевич Гудым, прозванный коллегами Гудвином. Несмотря на компрометирующие его связи, Борис Валерьевич не был бандитом, к тому же лет десять проработал на комбинате начальником лаборатории, поэтому идеально подходил на роль нового директора. Однако не он руководил штурмом со стороны местных союзников. Реальным предводителем агрессивных туземцев являлся некий Дима. Про него Василий практически ничего не знал, кроме того, что на заднем сидении его «девятки», со слов Лёни, всегда валялся «Калашников» и несколько рожков к нему.

Мужчины что-то оживленно обсуждали. Потом подъехал грузовик, из которого начали выгружать металлические прутья и арматуру. Сергей и Леня вернулись в машину.

— Я бы их не стал недооценивать, Сереж. Хорошо хоть ментов на проходной нет. А правда, что у них там собаки есть? Если они нашу ВОХРу пошлют, да еще своих волкодавов спустят, как эти гоблины себя поведут?

— Собакам яйца отстрелим. Не переживай, Леня.

— «Отстрелим», — передразнил Леонид. — Не знаю, как вы тут живете, чуть что, сразу за стволы хватаетесь. Какой-то Дикий Запад. Ладно, давай, поехали, тихонько только, впереди наших демонстрантов.

Когда джип обгонял нестройные ряды корпоративных штурмовиков, Василий обратил внимание на то, что у каждого из них на левой руке была повязана белая ленточка из бинтов. Некоторые прикалывали белые ленточки на свитера. Все это чем-то напоминало ноябрьскую демонстрацию, не хватало только красного цвета. Василий еще не знал, что это всего лишь дело времени.

Дальше состоялся успешный штурм. Хотя, если честно, штурм как такового и не было, что сильно расстроило Василия, мечтавшего посмотреть на «реальную жизнь». Была пятница, управленцы из административного корпуса разошлись еще в четыре часа, на территории оставались только вечерние смены да человек пятнадцать охраны, из которых большинство были отставными военными или сотрудниками органов и годились только на то, чтобы проверять багажники выезжающих с территории завода автомобилей и не пускать на предприятие юристов. Охранники могли вести себя нагло с рабочими, останавливая забывших пропуск одним командирским окриком. Однако грозные стражи совершенно растерялись, когда на КПП ввалились несколько физически крепких молодых людей и не обратили никакого внимания на их приказание.

Из окон КПП не было видно, что происходит за поворотом, поэтому основная ударная группа осталась вне зоны обзора охраны. По первоначальному плану предполагалось, что на КПП пройдут двое смысленных ребят, обезвредят усатых старперов и откроют ворота. Остальная группа должна была зайти на тер-

риторию предприятия и осуществить зачистку завода. Однако за несколько дней до штурма Лёня решил смягчить действия нападающих и постарался максимально вывести их из-под сферы действия Уголовного кодекса. В связи с этим Гудвину была поставлена задача: найти выход на начальника районного ВОХР. Доброму волшебнику это удалось. Двух тысяч американских рублей оказалось достаточно для того, чтобы начальник подписал договор на оказание охранных услуг с вновь избранным генеральным директором трубного завода. Ситуацию значительно облегчило то обстоятельство, что прежний директор услугами ВОХР не пользовался, доверяя ЧОПу «Горгона».

На повороте демонстрантов уже поджидала милицейская «буханка». Новый генеральный директор махнул служителям правопорядка рукой, и автомобиль с ВОХРовцами последовал за зеленой «десяткой». Беседа с заводскими охранниками прошла на удивление спокойно. Начальник смены изучил удостоверение милиционеров, связался с постом, выяснил, что означенные сотрудники действительно выехали на задание по охране трубного завода, мельком взглянул на охранный договор и отдал ключи от охраняемого объекта. Самые мрачные опасения Лени не сбылись: охранники оказались стоворчливыми, не пришлось даже пугать их демонстрантами.

Час спустя на КПП стоял ВОХРовец в бронежилете и с автоматом, а непосредственно пропускные функции осуществляли молодые люди с белыми ленточками. К удивлению нападавших, старый директор с несколькими членами совета директоров находился на территории заводоуправления — в небольшой сауне. Видимо топ-менеджеры планировали отметить окончание рабочей недели: в предбаннике был накрыт стол, в бассейне плескалось несколько девушек. Однако к тому моменту, когда новые руководители завода дошли до сауны, ни прежнего директора, ни его боевых товарищей там не оказалось: видимо, предупредил кто-то из охраны. С территории предприятия старый директор уехал через северную проходную, до которой не успели дойти бойцы с белыми ленточками.

Бегство директора расстроило нападавших, однако их настроение кардинально улучшилось, когда стало известно о нетронутости стола и резвящихся в бассейне русалках, которым в

принципе было все равно, с кем проводить ближайшую ночь. Правда, Василию в доступе к сауне было отказано. Леня задумчиво взглянул на подчиненного и велел срочно идти в заводоуправление — надо было изучать документы предприятия и искать реестр.

— Не расстраивайся, Васек, — сказал ему вслед водитель Сергей — у тебя один недостаток — ты еще молод, но, знаешь, это легко поправимо...

Прошли рабочие выходные (всю субботу и воскресенье Василий копался в заводских бумагах). Понедельник неторопливо тянулся к своему завершению. Рабочие все еще обсуждали смену директора и появление на территории предприятия новых охранников, вместо камуфляжа предпочитавших пузырящиеся спортивные штаны и кожаные куртки. Реестр находился в стадии исправления, очень скоро у завода должен был появиться новый мажоритарный акционер. Все шло по плану, и от этого Василию было тошно: больше всего он не любил размеренности и однообразия. Он надеялся, что рабочие устроят митинг, протестуя против смены директора. Но, видимо, все были настолько прибиты борьбой за выживание на нищенскую зарплату, что к изменениям в составе менеджмента относились так, словно это была смена времен года: после осени приходит зима, и на это повлиять невозможно, можно только порассуждать на тему, холодная будет зима или теплая.

На заводе помимо нескольких вечно заспанных ментов с автوماتами дежурило человек пятьдесят любителей бокса. По колючей проволоке, опоясавшей заводской забор, пустили электрический ток. Технически это мог сделать еще прежний директор, но как-то не решался. В этом деле Гудвин был более дерзок. Кроме того, за выходные по периметру с внутренней стороны заводского забора выстроили загончики для кавказских овчарок. Теперь любой смельчак, пытавшийся перелезть через ограду, попадал в нежные объятия лохматых сторожей. Можно было, конечно, попытаться зайти через ворота, но на центральном и северном входе помимо милиции находились мрачные пацаны, которые не пустили бы на объект и самого Генерального прокурора. Как сказал Дима, всего этого было достаточно, чтобы отразить любые атаки извне.

Обстановка ленивой безмятежности исчезла внезапно, за несколько минут. Василий услышал какой-то глухой удар, похожий на взрыв. В другое время он не придал бы этому значения, мало ли какие звуки слышны на промышленном предприятии, но той осенью страну охватила эпидемия терактов, поэтому он забеспокоился и не поленился подойти к окну. Благодаря тому, что кабинет был на пятом этаже и окна выходили на центральную проходную, Василий оказался одним из немногих, кому удалось увидеть все детали происходящего. Мощный армейский грузовик долбил тяжелые металлические ворота проходной. С первого раза сбить ворота не удалось — они только покосились, но устояли. Грузовик отъехал назад и резко рванул вперед. Снова раздался глухой удар. На этот раз ворота оказались поверженными, и грузовик проехал по ним на территорию завода. Наперерез автомобилю выбежали двое милиционеров. Уже привычных автоматов почему-то у них не наблюдалось. Грузовик, очевидно, чтобы не загораживать проезд, повернул направо и остановился около забора. Из кабины выскочил водитель и побежал в сторону проходной. Милиционеры бросились было за ним, но, увидев, как в пробитую брешь вбегает орущая масса штурмовиков, ошалело попятились назад. Из здания КПП выбежал охранник и понесся к административному корпусу. Буквально через мгновение несколько человек ворвались внутрь КПП, выволокли оттуда двух охранников и начали избивать. Милиционеры стояли, прижавшись к покосившемуся сарайчику около КПП. Никто из нападавших к ним не подходил, только однажды из здания КПП вытащили два автомата с вынутыми магазинами и бросили к их ногам.

Все это произошло за несколько минут. Василий как зачарованный смотрел на происходящее, пока в его сознании не сверкнула леденящая мысль — все увиденное не сон и происходит на самом деле. Он бросился к выходу, задержался около письменного стола: сгреб раскиданные документы и, на ходу записав их в портфель, выбежал из кабинета. Спустившись двумя этажами ниже, он ворвался в пустынную приемную и, миновав ее, влетел в директорский кабинет. Видимо, за минуту до Василия в кабинет вошел Ренат. Он стоял на ковровой дорожке пе-

ред длинным столом, за которым сидели Гудвин и Леонид, последний сосредоточенно тыкал пальцем в кнопки мобильного.

— Алло, Дима, ты? — голос Лени звучал как-то высоко и, казалось, немножечко дрожал. — Да, я. Дим, у нас проблемы. Эти отморозки «Уралом» снесли ворота... Откуда я знаю, кто. Наверное, бывший организовал. Их много, не меньше трех сотен. Твоих ребят с КПП вусмерть там метелят. Откуда я знаю, где менты, обосрались, наверное, а может их уже закопали... Смысла нет к северному выходу ехать. Да и на чем? Серега на джипе в город уехал. Одна «девятка» осталась; если там они тоже все перекрыли, то мы на ней не прорвемся. Короче, мы закрываемся в здании. Что будет дальше — не знаю. Нас тут человек семь. Где твои пацаны, не знаю, но боюсь, что им тяжело будет. Переловят их, как кроликов. Да, еще связь не работает: они АТС отключили или кабель перебили. Так что только на мою мобилу звони, здесь ни у кого больше сотовых нет. Все, надеюсь, до скорого.

— Леня, дело дрянь, — Гудвин нервно барабанил пальцами по поверхности стола. — Там внизу твой телохранитель и пара Димкиных бойцов. На окнах решетки есть, но выдернуть их можно минут за десять — трос привязать к тому же «Уралу» и газануть как следует. Да и двери они снесут минут за пять. Думаю, ребят нужно поднимать наверх, закрываться в приемной и ждать помощи. Тут мы хотя бы не будем силы распылять, все вместе закроемся.

— Хорошо, Борь, ты прав. Ренат, пулей вниз! Скажи пацанам, пусть дверь припрут там чем-нибудь и быстро сюда.

Пока Ренат бегал за остатками обороняющихся, Леня начал обзванивать все службы, начиная с милиции и заканчивая ФСБ. Получив везде вежливый отказ, он стал звонить каким-то серьезным милицейским и эфэсбэшным чинам. Однако со стороны силовиков интереса к проблеме завода не наблюдалось. Либо их просто-напросто не было на рабочем месте (было уже около семи вечера), либо, вежливо выслушав Старкова, они ссылались на то, что это не в их компетенции.

— Борь, по нулям все. Никто ехать не хочет. Говорят, пока трупов нет, никто не сунется. Блин...

Гудвин стоял у окна и внимательно смотрел вниз.

— Там внизу уже человек сто стоит. Чего-то ждут. Думаю, сейчас главный подойдет.

Как и предсказал Гудвин, через десять минут к нападающим присоединилась группа из трех уже немолодых мужчин, один из которых взял мегафон и, задрвав голову, закричал в него:

— Боря, ты меня слышишь? Ау, Борис!

Гудвин рванул на себя оконную раму и, высунувшись в окно, крикнул:

— Чего тебе надо? Ты кто такой?

— Я директор службы безопасности завода — Ковалев.

— Я тебя не назначал.

— А это, Борис, никого не волнует. На нашей стороне правда, и ты это знаешь. Предлагаю освободить здание как можно скорее.

— Нужно подумать...

— Думай скорее. Все оставшиеся в здании по истечении пяти минут огребут таких люлей, что надолго пожалеют о факте своего рождения. А чтобы тебе быстрее думалось... — Ковалев махнул рукой, и многоголосая толпа стала скандировать:

— Раз, два, три — Гудвин, умри! Раз, два, три — Гудвин, умри!

Гудвин оглянулся, обвел глазами комнату, взглянул на Василия, на вошедшего Рената и нескольких охранников, посмотрел на Старкова:

— И что теперь, Леня? Когда они в комнату полезут с таким настроением, мне бы не хотелось их здесь принимать.

— Ну, во-первых, Борь, какого хрена ты из окна высунулся? Так бы они нас еще долго по зданию искали, а теперь знают точно, что мы в твоём кабинете. А во-вторых, ты, когда на эту должность подписывался и бабки от меня получал, прекрасно понимал, чем рискуешь, — с этими словами Леня кивнул в сторону окна, — разберемся, пацаны будут стрелять, — он повернулся к охранникам:

— Антон, Ренат, рука не дрогнет? Пару обглодков поцарапаете?

Молодые люди утвердительно кивнули.

— Вот видишь, Борь, это не проблема: по ногам постреляют — не вопрос.

— А если их это не остановит?

— А если нет, тогда в брюхо и в морг, тогда к нам точно мен-ты приедут: все-таки трупы, — Леня нехорошо засмеялся.

— Я прошу прощения, — в разговор вступил Василий, — может, нам в помещение кассы, которая в бухгалтерии, пойти, двумя этажами ниже? Там дверь бронированная и решетка. Войти туда сложно.

— Какая на фиг касса?! — взорвался Гудвин. — И оттуда выковырят...

— Подожди, Борис, — прервал его Леня, — там окно вообще есть? А ключи от кабинета, где мы возьмем?

— Окна есть, правда, с решетками, — ответил Василий. — А ключи...

— Ключи у меня, — буркнул Гудвин. — от бухгалтерии мне вечером сдали — я приказал.

— Так какого хрена мы тут мотаемся? — Леня решительно встал из-за стола. — Это идеальный вариант: они нас даже дымом оттуда не выкурят. Идем в кассу, быстро. Пять минут уже кончаются, сейчас эти гоблины на штурм пойдут.

Вскоре обороняющиеся уже спускались по лестнице. Впереди шел Гудвин, за ним Ренат и Леонид, сзади шли Антон с Василием и уцелевшие охранники из бригады Димы.

То, что произошло дальше, Василию запомнилось очень хорошо. Видимо, господин Ковалев не думал, что захватчики завода так легко сдадутся. Поэтому приказал начать штурм заранее. Скорее всего, нападавшие пробрались в здание через окна на первом этаже с той стороны, которая была не видна из окон директорского кабинета. Гудвин первым услышал, как шумят поднимающиеся навстречу штурмовики. Идти назад, практически добравшись до бухгалтерии, было глупо, поэтому директор просто побежал вперед, его примеру последовали остальные. Разумеется, противники услышали топот наверху и тоже ускорили движение. В результате, когда беглецы оказались около дверей бухгалтерии и Гудвин дрожащими руками начал подбирать ключи, пытаясь отыскать нужный, с другой стороны появились первые бойцы. Лица нападавших не внушали никакой надежды на мирный исход приближающейся встречи. В руках штурмовиков были какие-то металлические прутья.

— Стоять! — выдохнул Ренат, сделав шаг вперед и достав оружие.

— Пошел на... — выкрикнул кто-то. Один из нападавших рванулся к дверям бухгалтерии, выставив вперед металлический прут, за ним побежали остальные. Василий в ужасе закрыл глаза, через мгновение раздался выстрел, потом еще один и еще... Внезапно все стихло. Василий открыл глаза и увидел на полу два тела, у одного вместо головы было кровавое месиво, другой чуть дергался на полу, все еще сжимая свой прут. Штурмовики остановились и, быстро взглянув на мертвых товарищей и на Рената, стали медленно пятиться назад, пока не скрылись за поворотом, ведущим на лестницу.

В течение следующего часа спасшиеся от агрессоров сидели в бухгалтерии и молчали. Только Леня позвонил в милицию и сильным голосом сказал, что на территории комбината произошло убийство. На этаж больше никто не поднимался. Из окон бухгалтерии было видно, как в спешке расходятся нападавшие: штурмовики не хотели рисковать жизнью, да и Ковалев не захотел ввязываться в эту нехорошую историю с убийством и дал приказ к отступлению. Ни нападавшие, ни оборонявшиеся, несмотря на смелые заявления до начала штурма, не могли и предположить, что все кончится смертью двух человек.

Леня шепотом поговорил о чем-то с Ренатом и Антоном, потом они вышли в коридор. Минут через пять раздалось три выстрела. Василий с ужасом предположил, что Старков избавился от Рената, но его подозрения развеялись, когда в кабинет вернулись все трое, правда у Антона под глазом был синяк, губа была разбита.

— Значит, так, — Леня не смотрел в глаза собеседников — запомните раз и навсегда, как все было. Мы бежали к бухгалтерии, за нами эти, — он махнул головой в сторону двери. — Антон бежал последним, его сбили с ног, ударили по лицу и отобрали пистолет. После этого один из жмуриков начал стрелять в нашу сторону. Ренат застрелил его, а заодно и еще одного, который пытался арматурой ударить Антона по голове. Всем все ясно?

Тут Леня поднял глаза и обвел взглядом притихших слушателей:

— Предупреждаю, если кто-то решит, что было по-другому...

Потом приехала милиция, прокурорские и эфэсбэшники. Среди силовиков были и товарищи с очень крупными звездами. Один из них двумя часами ранее сказал Лене, что помочь ничем не может, ведь идет спор хозяйствующих субъектов и трупов нет.

Выходя из здания, Василий слышал, как один из ментов бросил своему напарнику:

— Был завод трубный, а стал трупный...

ЧАСТЬ I

ДЕБЮТ

ГЛАВА 1

ЗВОНОК ИЗ НИОТКУДА

«Вечный мыслитель и искатель, вечный оптимист никогда не останется в роли художника, удовлетворенного настоящими достижениями».

(Арон Нимцович)

Звонок. Значит, утро. Надо поднять трубку.
— Профессор! Сколько лет, сколько зим! Не узнаешь? Богатым буду! — голос на том конце провода лучится энтузиазмом.

«Кто это?» — с трудом пытается вспомнить молодой перспективный юрист Никита Бирюков, мучаясь от не вовремя прерванного сновидения.

В детстве у Никиты было отличное зрение, и он был «жаворонком». Обычным для него делом был подъем в шесть утра и чтение книжки под присмотром тусклой лампочки до сборов в школу. Теперь на носу у Никиты модные очки (хотя на чтение времени уже не остается), а в душе «совиное» раздражение — кто посмел будить в восемь утра! Ночь была долгая и бессонная. Возвращение за полночь из Египта, с семинара по проблемам защиты бизнеса, мучительные поиски багажа, расставание с попутчиками, езда по ночной Москве... Никита не отдохнул. Недосмотрел сон, в котором фигурировала одна тайка из его студенческой юности. Не ждал звонка. И главное, даже не догадывается, кто из многочисленных друзей-приятелей в очередной раз напоминает его вечную школьно-институтскую кличку «Профессор». Это значит — натягивать на лицо маску профессионального удачника, яппи, балагура, который даже после недосыпа всегда на связи,

на страже интересов своих потенциальных клиентов и не откажется от заказа незнакомца, каким бы тот ни был (все в рамках закона и профессиональной этики, разумеется).

— Слушаю! И с кем имею, так сказать, честь?

— Поливанов Феликс Витальевич, помните такого, милейший?

Как же не помнить!

Никита, грешным делом, графоманит. Так, короткие записки для себя «в стол». Вот и его друг фигурирует в этих заметочках...

Феликс Поливанов. Кличка «Редиска» (нехороший человек). Парень из моего дома, потом переехал в новостройку. После школы я поступил в МГИМО, он — в Экономическую академию. Пообщаться удается редко, примерно раз в год.

У Феликса оловянные глаза. Он белогвардеец-поручик по жизни, но ни одной его подлости история не упомнит. Он как Базилашвили из «Служебного романа». Феликс одинок, хотя развязен и речист с девушками. Его компания бражники и циники, впрочем, все из благополучных семей. Они получали экзамены автоматом толпой в 5-6 человек. Их (и родительского) влияния хватало, чтобы выпрашивать у декана удаление неугодных преподавателей. Своей многоголосой клакой они могли сорвать любое начинание или обеспечить ему успех. Источники их заработков первое время были неопределенны: то ли дружеские взаимные межбанковские кредиты, то ли масштабная спекуляция билетами в Большой театр.

У Поливанова талант имитировать голоса совпартдеятелей.

Вот что случилось на дне Академии (Редиска загодя дал мне приглашающий билет со словами: «Сегодня мы вам, а завтра вы нам»). Редиска по своему обыкновению пародировал Горбачева. Незадолго до спектакля Феликс по-всамделишному сломал ногу, катаясь на горных лыжах. Грустный, побитый Горбачев в шляпе и с костылем был по-михоэлсовски мудр. Чрез грубый задор Редиски промелькнуло вечное. Зал замер, потрясенный. А известный телевизионный сатирик, бедняга, выступал с пародией на Горбачева после Редиски. Нуль эмоций.

Феликс уже много лет как осел в крупной инвесткомпании, в отделе «по борьбе с крупными клиентами». Где-то раз в год

двое приятелей, не очень-то любившие друг друга, ведь именно Редиска первым приклеил Профессору кличку, встречались за рюмкой водки и бизнес-ланчем в русском трактире «Медведь» на Петровке и обсуждали виды на урожай. Иногда перекидывали друг другу работенку. Чаще, кабинетный червь Редиска — жирного гуся-клиента на ощипывание — поджарому волку Никитке. Тот никогда не забывал отблагодарить. Иногда поток заказов тек в обратном направлении: Никита приводил Редиске товарища коммерсанта на составление бизнес-плана для венчурного финансирования. «Будет ли у нас сегодня пыща?» — заговорщицки перемигивались друг с другом герои. «Без пыщи нынче никак», — отвечал один другому. И «пыща» была, не жирная, но питательная.

— Итак, будет ли у нас сегодня, чем полакомиться, милейший Феликс Витальевич? С какой вкусностью пожаловали после годичного отсутствия?

— Профессор, тут такое дело... Надо помочь одному человеку. Очень хорошему человеку. В долгу он не останется. Поможем — или бросим его на съедение акулам консалтинга?

Феликс играл в свои игры. В нем пропадал театральный актер калибра Олега Табакова. Последнюю фразу он произнес голосом провинциального соблазнителя.

— У хорошего человека что, нет своего штатного юриста? И что ему вообще нужно? И как ты сам с ним познакомился?

— Не по телефону. Есть важные обстоятельства, о которых тебе надо знать еще до встречи с ним. Пахнет пыщей, чувак! Так я скажу ему, что ты согласен встретиться? — зачистил-заторопился Редиска.

— Хорошо. В 13-00 на старом месте. И принеси документы, какие есть. Надо же выяснить, что, как и где болит у хорошего человека.

— Йес, мэ! И не забудь помыть уши!

«Что возбуждает его, кроме денег? — подумал Никита, отключив трубку. — Пожалуй, только игра. Игры, в которые играют люди. Игры, в которые играю и я сам. А так, конечно, с любых жизненных оценочных позиций, кроме денежной, Редиска — несчастный мужичонка: толстый, некрасивый, одинокий». Через минуту Никита уже проваливался в сон — у него было еще пол-

часа до запланированного начала трудобудня, почти как у Штирлица. На этот раз ему достался короткий тревожный сон. Ему снилось, что декан поймал его курящим на пожарной лестнице МГИМО и выгоняет за отсутствие галстука. Никита идет по длинному коридору, а из несуразной потрепанной сумки, висящей на плече, выпадают шахматные фигурки. Видимо, раскрылась заветная коробочка. Тук-тук...

9.30. Рефат, водитель Никиты, деликатно звонит в домофон и стучит пальцем по микрофону, сообщая о готовности умчать патрона в любые дали.

У Рефата одна особенность (первое время она раздражала Никиту, а потом стала забавлять): он не знает новые названия улиц. «Покровка? А это где?» — спрашивает он на полном серьезе. А Никитка, даром, что потомственный москвич, уже позабыл старые названия. И то ведь, что считать старым? Мархлевского или Маросейку? Кирова или Чистые пруды? Никита и сам неоднократно пытался найти всплывший вдруг из памяти переулок Стопани, где красногалстучные пацанята проводили шахматный турнир памяти безвременно погибшего на войне мастера Белавенца. И с немалым удивлением обнаружил, что в новой жизни переулок обернулся Огородной слободой, а Дом пионеров — чопорным швейцарским посольством... Чтобы не запутаться, Никита старается развивать у Рефата другие способы запоминания. Как водитель тот безотказен и показывает рекорды скорости даже при московской запруженности улиц и мании городских властей за ночь ставить новые «кирпичи» на прежде проездных переулках.

Оставив Рефата разбираться с назойливыми парковщиками и соблюдая стандартное столичное опоздание в три с половиной минуты, Профессор появился в «Медведе». Ресторан располагался типично по-московски, между ночным клубом, по уверенным слухам — «пацанским», и Инвестиционной милицейской компанией. На втором этаже ресторана, в отдельном кабинете, отгороженном от остального пространства замурованными лиловыми шторами метровой высоты, сидел, задумчиво нахохлившись за ледяным графинчиком, Редиска. Глаза его смотрели странно. Они явно излучали недостаток текущей пыщи и в то же время являли собой настроенное ожидание и намек на близость нового крупного улова.

— Никак схлопотал бонусы за результативность портфеля инвестиций, Редисыч?

— Никак получили пинка под зад от баночного короля, милейший Никита Батькович? Стганно, батенька, стганно... Ведь судя по газетным отчетам, вы — цитирую — «идеально справились с заданием клиента, отсудив у налоговой инспекции казавшиеся безвозвратно потерянными деньги». Так и-де-аль-но, батенька, или не и-де-аль-но?

Редиса — язва. Завистник. Но неплохой чел. И по самолюбию умеет погладить. Действительно, все центральные СМИ откликнулись на прецедентное дело по возврату экспортного НДС, выигранное личным юристом самого Юрия Круглова («пиво «Круглофф» — в семье всегда Любофф!»).

А юристом-то был Никита. Пока не выпал из «круга доверия» по прихоти визира клиента. Но это уже другая история.

***Отставка.** История с продувшими дело налоговиками и роль в ней Никиты произвели на публику самое благоприятное впечатление. Никита получил конфиденциальное предложение от телевизионщиков стать «говорящей головой» в аналоге программы «Час суда», которую тайком готовил Новый семейно-развлекательный канал. Ему прислали приглашение в американское посольство на лекцию нобелевского лауреата «Демократия или свобода?» С ним сделал интервью вертлявый журналист из газеты «Деловое право и бизнес». И наступил штиль.*

На второй неделе штиля Никиту навестил консьержи баночного короля и прямо в прихожей протянул пухлый конверт. В нем лежала, как он выразился, «компенсация за прекращение сотрудничества». «Сам панимаешь, дарагой, — искусно прорезал обычно спрятанный акцент давно обрусевший «советник президента по общим вопросам», — суд выигран, все хорошо, все путем... кроме газетный шумиха. Газеты шумят, шумят, про тебя пишут... А мы не любим шум, мы банки делаем, нам скорей бы тишина наступил».

В конверте была платежка. Оговоренная сумма была переведена на официальный счет Никиты. Еще там лежала пачка стодолларовых бумажек. Их было сто пятьдесят. Не в вакуумной упаковке, но чистенькие, как и полагается премии. Еще в конверте

была фотография. Незвестный фотограф запечатлел баночно-го короля и Никиту, оживленно беседующих, на выходе из зала суда. На обороте фотографии размашистым почерком консьержи было написано: «Носи с собой. Если что, покажешь разный люди — поможет. Он разрешил».

Еще через неделю Никита укатил на четырехдневный семинар.

А наутро по возвращении раздался звонок...

ГЛАВА 2

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ: ЯВЛЕНИЕ ТОПА

«Тонкости шахматной теории для меня лишь средство достижения цели, то есть победы над противником».

(Рудольф Шпильман)

— Понимаешь, — виновато говорит Редиска, — предполагалось, что я за полчаса введу тебя в курс дела, а потом ты увидишься с Топом. Но Топ задерживается в мэрии, поэтому чаевничать водкой с салатом и обсуждать проблемы бытия будем вдвоем. If you don't mind...

«Мне по фигу, — думает Никита про себя, — I don't mind, в каком составе и от кого получать информацию по делу. Главное, чтобы она была краткой, детальной и сопровождалась подтверждающими документами. И еще важно, чтобы дело показалось мне интересным. А оно кажется интересным уже хотя бы из-за странной клички отсутствующего заказчика. Встречались мне разные прозвища, как только не называет начальника «за глаза» его челядь: Папа, Главный, Хозяин... Но чтобы величать своего работодателя садомазохистским словом «Топ»!¹»

— Феликс, а ты в каких отношениях со своим Топом? Только не говори, что ты боттом по лайфстайлу, не замечал в тебе такого.

¹ Термины «топ» и «боттом» в садомазохистской тусовке обозначают соответственно подчиняющего и подчиняющегося субъекта. «Лайфстайл» подразумевает исполнение этих ролей не в ограниченной временем обстановке игры, а в течение долгого времени, в повседневной жизни.

— Вот ты и купился, дурашка, — снова играет роль Редисыч, откровенно наслаждаясь тем, что Никита попал впросак. — Он топ не по имиджу, а по фамилии. Николай Топ. Русский немец. Член ЦК партии либеральных аграриев. Вот с кем ты сегодня не выпьешь на брудершафт русской водки, но горести его душевные все равно узнаешь и, надеюсь, поможешь излечить.

— Что же это за Топ такой?

— А вот смотри. Я тут, чтобы ты быстрее вошел в курс дела, подобрал журналистское досье.

Редиска протягивает плотную папочку.

Топ Николай Оттович. Год рождения — 1963. Закончил филологический факультет Волгоградского университета. 1987-1991гг. — второй, а затем первый секретарь Советского райкома ВЛКСМ города Волгограда. 1991г. — вышел из компартии. 1992г. — уехал по линии воссоединения семей в Германию. 1995г. — вернулся в Москву; зарегистрировал вместе с бывшими однокурсниками ООО «ТОПиК» (фирма занималась развитием сети магазинов розничной торговли с низкими ценами). Проявил интерес к складскому бизнесу. Активно привлекал кредиты. В конце 1998г. зарегистрировал фирму ЗАО «ТОП-Управляющая компания» на себя как единственного учредителя. 2000г. — ООО «ТОПиК» не прошло перерегистрацию и было ликвидировано. 2001г. — принял участие в Учредительном конгрессе Партии либеральных аграриев. Предложил внести в законодательство изменения об увеличении разрешенного минимума земли, выделяемой для «упорядочения оборота земельных ресурсов». 2002 г. — ЗАО «ТОП-Управляющая компания» стало владельцем обанкроченной Ильинской свинофермы и Николаевского машиностроительного завода в Северном районе Московской области. В настоящее время оба предприятия превращены в современный таможенно-складской комплекс. Топ считается одним из наиболее информационно закрытых политиков и бизнесменов. Разведен. Сын живет с матерью, учится за границей.

— И чем мы этому Топу с его «топиками» можем быть полезны? Ведь все кредиты, как тут сказано, он привлек еще до августовского кризиса, а фирму свою, должника по кредитам, четыре года как утопил? Что же его тревожит нынче?

— Вот уж не думал, Профессор, что вы настолько политически неграмотны. Впрочем, что взять с узкого профессионала, работника сидячего труда! Тучи государственного контроля сгущаются нынче над крупным бизнесом. Особенно над теми, у кого рыльце в пушку, над теми, кто банкротил и за бесценку приобретал государеву собственность. А еще больше (кто из нас выступает в судах: вы или я? — следите за моей отточенной аргументацией, Профессор) над теми, кто говорит от имени либеральных аграриев, имея как минимум три гражданства. И уж тем паче тучи сгустились над теми, кто топчет наши, Профессор, расейские сельскохозяйственные земли. А Вы спрашиваете, что его тревожит!

— Мда... Ему, должно быть, несладко спится.

— Да у нашего клиента тысячи неврозов! Он не спит ночами. Он то хочет сдаваться, но не знает кому, то хочет бить врага, но не знает, где неприятель и откуда ждать удара. Нас едят. Мы едим. И внутри нас явно завелась крыса. Кто-то должен во всем этом разобраться.

— Обычно в такой ситуации нанимают штатных юристов...

— Юристы у Топа не усжимают, меняются с невероятной быстротой. Топ-менеджеров он выгоняет по одному в неделю. Последняя жертва — начальник отдела делопроизводства. Вылетела она, правда, по беременности, но уверяю тебя — Топ не имеет к этому отношения. О его личной жизни мне ничего неизвестно, и плодить домыслы не стану. Короче говоря, — Редиска резко рубанул ладонью воздух, — с начала прошлого месяца я начальник департамента корпоративного развития ЗАО «ТОП-Холдинг», а ты — мой советник с окладом шесть тысяч бакинских плюс бонусы и разъездные. Согласен?

— Редисыч, прежде чем окончательно сломить мое сопротивление, скажи одно: где ты заарканил столь жирную птицу?

— Не поверишь. Он пришел к нам покупать опционы на акции металлургических компаний. Я его, как водится, разговорил. Тут-то он меня и спросил, может ли наша компания проводить для него сделки по поглощению, при условии полного и своевременного финансирования? Само собой, я сделал стойку.

Редиска просмаковал последний глоток, вялым жестом пухлой ручки позвал официанта, промокнул ротик платочком и подытожил:

— Если ты согласен поучаствовать в дележе шкуры неубитого клиента, айда сейчас на его угоды. Осмотришься, выберешь себе условия для работы, одним словом, вольешься в трудовой коллектив. Да и ехать тут недалеко. От Кремля часа полтора при средних пробках.

Никита не решился ему возражать. Напор и энергия старого товарища, странность и опереточность всей ситуации (либеральные аграрии, свиноферма, немец-складовщик со смешной фамилией), наконец, перспектива на ближайшие два-три месяца поправить свое финансовое положение не позволили ему сказать нет.

Был у Никиты и один мотив личного характера. В середине 90-х он общался с неким Борисом Всеволодовичем Рокотовым, замдиректором по экономике Николаевского машиностроительного завода, который теперь был в руках Топа. Они встречались не на заводе, а в Москве, в прокуренном кабинете Дедушки.

Дедушка. Директор оборонного предприятия, где моя юридическая компания в течение семи лет арендовала офис, был руководителем профсоюза работников оборонных отраслей и негласным лоббистом интересов отрасли в высших сферах. Поэтому «красные директора» оборонки среднего ранга приезжали из регионов не только на коллегии и расширенные президиумы, но и просто посоветоваться со старшим по званию и более опытным товарищем. Юристы моей компании за довольно скромный гонорар помогали регионалам требовать долги со смежников, составляли слезные просьбы наверх, чтобы заводики, КБ и НИИ могли вовремя получать финансирование по госзаказу, вели претензионную работу с коммунальщиками и поставщиками, грозившими за неплатежи удушить безденежных оборонщиков. За это Дедушка не повышал нам арендную плату. После проверки Управлением налоговой полиции по Восточному округу двадцать четырех из двадцати семи Дедушкиных арендаторов как ветром сдуло (включая крупнейшего производителя легальных компакт-дисков), и лишь немногие оставшиеся, в том числе наша компания, с гордостью смогли продемонстрировать проверяющим официальный договор аренды с вменяемой, не копеечной, ценой. В 2003 году Дедушка вышел на

пенсию с орденом «За заслуги перед Отечеством», профессорской степенью, кафедрой в техническом вузе и статусом личного советника нового министра. Я не виделся с ним уже лет пять, но с теплым чувством вспоминал посиделки у старика, тогда еще бабовитого и грозного. Рокотов же запомнился по тем встречам рабочим интеллигентом немножко непредставительного вида. Он только близился к 50-летию, которое давало неформальное право голоса среди старожиллов оборонки, поэтому явно держался в московских коридорах скромно и был на вторых ролях.

«Видимо заступничество Дедушки не помогло, и Рокотова все-таки задушили неплатежи, раз его завод оказался банкротом. Но для этого вначале он должен был приватизироваться, а кто бы ему это позволил, зная его продукцию? Наверно Рокотов или директор завода Каманин сами возглавили процесс. Впрочем, — решил Никита, — не надо делать скоропалительных выводов. Информации явно недостаточно, и мое дело ее найти. Итак, был завод, был Советский Союз, был Дедушка, были Каманин и Рокотов. Нет завода, стал склад со свинофермой в придачу, нет Советского Союза, стала демРоссия, нет Дедушки, Каманина и Рокотова, зато есть Топ и его топ-менеджеры, — Никита мысленно отругал себя за пошлый каламбур, — и один из них Редиска».

Дорога по полуденной Москве уравнивает в скорости все виды транспорта. Даже триколорам, несмотря на все их ухищрения и спецсигналы, бывает негде протиснуться. Молчаливое братство неподвижных. Безбрежное, как море, колыхание столичных дорог — приговор выскочкам, стремящимся поперек батьки в пекло.

Никита отказался от приглашения Редиски ехать в топовском джипе и задремал в поспешающей за ним белой «Нексии» Рефата, купленной ему в кредит в счет будущих зарплат. По трудовой книжке Рефат числился водителем при государственном наркологическом диспансере, на практике это оборачивалось ежемесячным визитом к заместительнице главного бухгалтера этого заведения с подарочным набором импортного бухла, против которого заведение и должно было бороться.

Дорога вывернула на Ленинградку, пролетела мимо розового дворца (по слухам, переделываемого в гостиницу), памятника вождю немецкого пролетариата Эрнсту Тельману, проскочила развилку между мирным «Гидропроектом» и конструкторским бюро, производящим ракеты средней дальности, и зазмеилась вон из Москвы, в сторону аэропорта Шереметьево. «Что ж, неплохая мысль рядом с международным аэропортом устроить складской терминал на месте свинофермы, — подумал Никита. — Пока не похоже, чтобы герр Топ был шестеркой в колоде. Скорее он джокер. Еще непонятно, как сыграет».

Через обещанные полтора часа, оставив позади шереметьевский комплекс и попетляв километров семь–восемь по шоссе средней убитости, джип и дэушка притормозили перед неказистыми воротами КПП завода. На воротах плавилась потускневшая пятиугольная звезда, рядом с ней были цифры «1953». «Видимо, год основания завода, — подумал Никита, — наверно, детище бериевского оборонного проекта». Слева от КПП на трехэтажном здании красовался огромный ядовито-желтый рекламный щит «Учебники, полиграфическая продукция, журналы. Оптом. Дешево».

— Крупный арендатор, — объяснил Никите Редиска, уже десантировавшийся из джипа в придорожную грязь и проследивший за направлением его взгляда. — До сих пор ни хрена не платил за этот щит. Странно тут поставлены дела, в Москве бы арендодатель как минимум двушку в месяц за такое запросил. Впрочем, здесь многое стганно, батенька, — мигом перешел он на шутливый тон, — вот и разберись, помоги нам.

Основной корпус топовского завода напоминал прибежище главного отрицательного героя бондианы. Он был серебристым, современным и со всех сторон бескрайним. Как позднее узнал Никита, советское здание было реконструировано по авторскому проекту испанского дизайнера. В этом был свой расчет. Дело было так: у Топа случилось временное сродство душ с директором по СНГ крупной компании Unifood. Те готовы были занять до 15 000 квадратных метров на площадях Николаевского завода, при условии соответствия этих площадей их требованиям. Тем временем маркетологам Топа удалось установить странный факт: все творения одного архитектора-ис-

панца беспрекословно принимались Unifood-СНГ для размещения офисов и складов. Естественно, Топ сделал ставку на испанца: его отыскивали, привезли на завод, выделили переводчика, мастерскую и, не торгуясь, выдали первый чек. Работа испанца оказалась дорогой, как и все европейское после роста курса евро, но в целом качественной и достойной. Тем не менее, Unifood на приманку не клюнул, предпочтя разместиться неподалеку в свободной экономической зоне, принадлежащей московскому холдингу. В итоге, завод полгода жил, затянув пояс, зато на открытие корпуса приехал сам губернатор. Завод и неплохой пиар получил на логистическом рынке, и в первый раз вызвал ревность конкурентов-завистников.

На крыльце главного корпуса стоял человек и смотрел на подъезжающие автомобили. Никита был на сто процентов уверен, что это Топ: было в лице его что-то особенное, отличавшее от остального заводского люда, собравшегося перед зданием. Когда-то Никита любил «Библиотеку приключений» в старом детгизовском издании и частенько засыпал в обнимку с «Тайной двух океанов», «Прекрасной Маргарет» или «Гиперболоидом инженера Гарина». Он подумал, что герр Топ внешне очень похож на инженера Гарина, который хотел накормить человечество золотом по цене песка, уничтожив с помощью секретных лучей заводы конкурентов. Белогвардейская борода на умном разночинском лице придавала директору неуловимо дореволюционный расейский вид.

Как вскоре выяснилось, и разговаривал Топ необычно. Легкое поволжское оканье в сочетании с методичным немецким интонированием скрашивалось быстрым московским темпом речи, так что при желании Топ мог считаться одним из наименее косноязычных российских златоустов. А сказать ему было что, в этом Никита скоро убедился.

«Мировой опыт показывает, что все земли в радиусе 15–20 километров от аэропортов становятся золотыми — это раз. Губернатор заставляет «Шереметьево» перерегистрироваться в области — это два. У меня — единственный крупный участок земли с ровным рельефом, электричеством и удобными для строительства почва-

ми — это три. И еще я единственный из местных землевладельцев не поддержал на прошлых выборах кандидата от коммунистов Крупнова. А губернатор добро помнит. Как, впрочем, и зло. Это четыре», — говорил Топ. Они сидели в кабинете, со стены на них смотрели три портрета: за спиной Топа — президент страны, по левую руку — Дэн Сяопин, по правую — сам хозяин кабинета. «Будешь работать со мной на постоянной основе или продолжишь сшибать разовые заказы? — неожиданно обратился Топ к Никите. — Мои пиарщики сделали подборку его статей, — продолжил он, глядя поверх Никиты на Феликса (эта особенность миллионов была знакома Никите — разговор о тебе, но не с тобой). — Владеет он, конечно, словом, но вот есть ли за словом внутренний стержень? А крепкий тыл? А идеалы имеются? Или это «подайте бедному юристу, кто сколько сможет, на пропитание?»

У Феликса не вовремя заурчало в животе. Визитеров не покормили. «У меня хлеб с икрой подается на регулярной основе, — словно подслушав невысказанные мысли молодых людей, откликнулся Топ. — Но в ответ требуется немало. Гори на работе, придумывай, ошибайся, пробуй. Исключены три вещи: ложь, трусость и предательство. Тогда со временем можно рассчитывать на место в совете директоров. Когда мне будет 60 лет, капитализация этого комплекса превысит миллиард долларов. Если подходить к его развитию с умом. Твой кабинет через один от моего. По оперативным вопросам спрашивай Феликса, по стратегическим пиши мне на мейл или сразу заходи. Твой гарант-то стратегического пороху, поди, еще и не нюхал», — казалось, что Топ нарочно не замечал мгновенно погрузневшего Феликса, или создавал на будущее болевой раздражитель в административной системе сдержек и противовесов, на всякий случай искусственно разъединяя приятелей.

Аудиенция была закончена.

— Он всегда такой? — Спектакль даже для видавшего виды Никиты был чрезмерен.

— Как сказал товарищ Дэн Сяопин, с которым вы уже знакомы: «Ибу ибу татао мути!» Что означает: «Маленькими шажками к великим свершениям!» — отвечивал Феликс, мгновенно принявший после экзекуции прежний самодовольный вид. — Судебное досье ждет на твоём столе. То ли еще будет!

ГЛАВА 3

ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАЩИТА

*«Нет одиночества безвыходнее, чем одиночество в Париже.
Для всех пришедших издалека этот город есть род изгнания».*

(Исаак Бабель, «Улица Данте»)

Наши воспоминания имеют сказочное свойство, позволяя в одно мгновение переноситься в прошедшие дни, заново проигрывать уже случившиеся ситуации, оценивая происходящее с позиций всезнающего завтра. Никиту воспоминания унесли более чем на десять лет назад, в далекий 1993 год...

Отец Никиты Валерий Бирюков, кадровый дипломат советской школы, был человеком крутого казацкого нрава. В детстве в первом он был одним из немногих, кто послал приветственную телеграмму членам новоявленного ГКЧП. Вся Смоленская высотка была потрясена этим актом политического самоубийства. Но новая власть мстить не стала. Через три месяца Валерий тихо попросился на пенсию по состоянию здоровья, а потом, закончив бытовые дела, уехал в Париж, где основал фирму «Евро-Россия». Аккредитованная при посольстве и Торгово-промышленной палате, «Евро-Россия» организовывала бизнес-семинары, лекционные туры для российских чиновников, обмен студентами, однажды даже с блеском провела круглый стол для приглашенных за валюту «архитекторов перестройки» и парижских студентов. Впрочем, умные французы «сделали» русских, забросав их острыми вопросами, на которые «гарвардские мальчики» не сумели найти отве-

тов. Никитин отец не удивлялся поражению «комиссаров», как он их называл.

Вопреки слухам, Валерий не служил ни Лубянке, ни «Аквариуму». Хотя Никите за спиной отца часто чудился незримый покровитель, снабжавший его удивительно точным прогнозом ситуации. На прямой вопрос Никиты отец хмыкнул и протянул ему томик Бжезинского: «Мидовские работники — не паркетные шаркуны, знаешь ли. Мы всегда были вольнодумцами, сынок. Мы и Солженицына не по спецхранам изучали. В мире нарастает напряжение. Грядет новый крестовый поход за нефтью. Советская империя попадает под раздачу. И, как ни жалко, старушка Европа, кажется, тоже. Ты не читал «Войну с саламандрами» чешского юмориста Карела Чапека? Как же вы живете вслепую, молодежь? Или у вас одни марсы-сникерсы в головах?»

«Войну с саламандрами» Никита читал, отец его недооценил. Сюжет был незатейлив. Однажды капитан Ван-Тох открыл на островах Тихого океана племя саламандр. Эти зверьки легко поддавались обучению, были неприхотливы в еде и строили под водой роскошные города за считанные месяцы. В мире начала распространяться мода на саламандр, их стали разводить везде, им дали технику для подводных работ, а затем и оружие для создания саламандровых армий. В результате, саламандрам стало не хватать жизненного пространства, и они предъявили людям ультиматум: отдавайте нам каждую неделю по кусочку вашей земли, а не то половина мира уйдет под воду. И под танцевальную музыку темные бестии резали и кроили мир, который их так опрометчиво взрастил.

В тот год Никита жил в Париже, на канале Сен-Мартэн. Полвека назад по обеим сторонам канала были пестрые магазинчики, а по вечерам он освещался. Сейчас же доходные дома и паркинги отняли половину живости у этого местечка. За Никитой начинался квартал турок и курдов. На местной мини-площади бок о бок стояли четыре телефонных автомата, в которых, как пойманные в аквариум рыбы, беззвучно трындели степенные негритянки.

Университет, куда отец определил Никиту вольнослушателем, готовил специалистов по гражданскому праву. В этот

французский вуз засовывали, в основном, карьерных переростков лет 26–30, которым надо было или идти на повышение, или в отстой. Они были инфантильны и при этом удивительно старообразны, потрепаны жизнью. Они могли разыграть обезьяньей мимикой живую сценку и тут же надуться-обидеться. Наряду с простым наущничеством, нередок был и отказ дать списать: ты же сам заинтересован, чтобы оценили именно твои знания, камрад! Университет располагался рядом с Плас Пигаль, так что тружениц передка будущие юристы знали в лицо уже ко второй неделе обучения и чуть ли не раскланивались с ними. Хотя те, безусловно, смотрели свысока на школяров, у которых не было даже социальной страховки, фи!

Дома осталась совсем другая жизнь, непохожая на французскую реальность и сны. Никита уезжал, слыша канонаду, когда по московскому Ботаническому саду рассеивали «мятежников». В кассах «Аэрофлота» дежурили спецназовцы в камуфляже с автоматами наизготовку, просеивая взглядом каждого «беглеца». Мать соседки Иринки, метрдотеля «Аркада-Балчуга», избили и ограбили мародеры. Ребята из бывшей Никитиной школы собирали гильзы у телецентра, в пятистах метрах от его дома. Неужели это могло повториться?

Смог бы генерал де Голль направить орудия на Национальную ассамблею, подведя ночью танки по бульвару Сен-Жермен? Верится с трудом. А переступив красную черту в аэропорту «Шереметьево-2», оказываешься в стране, где возможно все.

Война может опалить и Москву, и Санкт-Петербург-Ленинград, и остров Крым.

Из записей Никиты:

На телевидении скетч о банке «Credit Lyonnais». Приходит к президенту солидный клиент. Тот его засыпает вопросами о детях, о здоровье. А клиент о детях мельком, а все больше о проблемах: там кассовый разрывчик в десять миллиардов франков, тут закрыть бы семеркой до конца квартала, а здесь и всеми двенадцатью неплохо бы. Президент, хохоча, выписывает чеки. Следующий посетитель — несолидный лузер с дебетовым сальдо в триста франков. Ему президент банка грозит годом исправительных работ.

А по московскому каналу в это время батюшка поет многую лету «Эф-банку» на шоу «Лотто-Миллион».

В Париже пессимизм: недвижимостъ падает и падает в цене, до того монотонно и тоскливо, что некоторые горячие головы от отчаяния начинают пророчить резкий подъем.

Другое время нынче во Франции. Время убийц. Каждый хочет остаться на рынке в одиночестве, максимум в небольшой компании. А служащий, это загнанное животное, хочет жить прошлыми заслугами. Не тут-то было.

Люди в метро бегут, спешат — боятся, что не успеют вовремя пробить табельную карточку.

Плакат: «Служащие! Уходите в отпуска по образованию. Вы имеете полное право на их оплату!» Бедные, они держатся за свои 2-3 тысячи долларов и лучшей доли не ждут: удержатъ бы это!

Трудовое право. Нас учат так. Коронная ошибка служащего — подать в отставку. Неправильное решение дирекции — уволить его. Оба теряют деньги. Лучшие сохранять статус-кво и ждать, пока ошибется другой.

Бедных соискателей заставляют проделывать алхимические тесты на время. Данные о профпригодности черпают прямо из подсознания, заставляя испытуемого выбирать псевдослучайные фигуры, цвета и ассоциации. Чтобы не успел приготовить-срешетнуть правильный ответ.

Кадр (служащий) вынужден жить не по средствам, ведь все равно из кадров не выбратъся, так лучше уж казатъся кем-то, мимикрировать, сохраняя ненависть съемщика квартиры в 16-м аррондисмане (округе) к собственнику.

Здесь санаторий. Париж тихо помешан на покупках, деньгах, карьерном росте — вещах в высшей степени разумных. Безумие этого города нормально. Но скоро мы снова будем помещены к буйным. У них мания величия, отягощенная бредом преследования, им уже привычна кровь, у них не утихает вражда. И, увы, это — в России.

Воскресенье. Семейный день. Никита с визитом у отца. 16-й округ, съемная пятикомнатная квартира, соседи — богатые поляки и арабы. Чопорный усатый консьерж. Цветы на пешеходной крыше. Позолоченная табличка «Maitre Biryukoff» на две-

рях подъезда. Вторая жена отца — Жюстин, тоненькая, как тростинка, преподавательница международных экономических отношений в Университете Пари-Дофин.

Родители Никиты развелись, когда ему было пять лет. А в 1980-м, выйдя со Смоленки погулять на Арбат, Валерий встретил Жюстин. Это была любовь с первого взгляда. Жюстин была правоверной коммунисткой и приехала на Московскую Олимпиаду в составе многочисленной галльской делегации по линии Комитета советской молодежи. Взгляды прекрасной француженки резко изменились, когда ее попытался завербовать советский ловец человеческих душ. А вот любовь к Никитиному отцу осталась. Переписывались они только через верных знакомых, оказии приходилось ждать месяцами.

Уйдя из МИДа, Валерий осмелился послать ей весточку. Жюстин ответила, что свободна и ждет. Теперь они составляли довольно нетипичную для буржуазной Франции пару. На бесчисленных полках стояли книги и диски с классической музыкой. Экран во всю стену. Шесть советских каналов и вдобавок большая фильмотека.

Когда вошел Никита, они как раз смотрели «Свадьбу с приданым».

— Ну, здравствуй, шер ами, — отец смотрел ласково и как-то виновато. — Познакомься с моей маленькой копинной (отец любил русифицировать французские слова, отчего они звучали как-то несерьезно, игрушечно), — так тут называют особ, с которыми сожительствуешь в гражданском браке. Жюстин, покажись, милая.

— Бонжур, Никита, — энергичная узкая рука легла в Никитину ладонь. — Я как раз говорила вашему отцу, что если мы успеем оформить наш брак в мэрии до моей смерти, то ему не придется платить огромный налог на наследство. А вы с кем изволите жить?

Никиту всегда поражала бесцеремонность французов, то, что они демонстративно не признавали неприкосновенность личного пространства и могли обсуждать сверхсерьезные вещи с усмешкой. Жюстин была ВИЧ-инфицирована и знала это. Отец любил ее, и Никите этого было достаточно, чтобы относиться к маме с симпатией.

Почувствовав, что Никита смущен, отец увлек его за собой в кабинет.

— Слышал о твоих успехах в институте. Тебе прочат блестящую карьеру, — начал отец, потягивая «самый лучший в мире чай» — смесь лучших индийских сортов. — Только стоит ли метать бисер перед свиньями? Нет, я все понимаю, тоже классику читал: «Шумим, братец, шумим», — но вовремя ли шум?

Отец знал... Ничего удивительного... Учитывая количество стукачей на потоке, событие сразу получило резонанс. На семинаре по политической истории Никита сказал преподавателю, что сталинский тезис об усилении политической борьбы был людоедским и стоил России десятков миллионов жизней. Историк, заросший седыми волосами, закудахтал и выбежал из аудитории. Он попал в стены МГИМО в совсем не вегетарианском 1951 году, сам еле уцелел во время кампаний по борьбе с низкопоклонством и теперь экономил свои нервы. Никита же, вспоминая о своей выходке, был полон жеребьячьего самолюбования до этих слов отца.

— Я хотел с тобой серьезно поговорить, мой мальчик.

Никита вдруг заметил, что у отца серое, землистое лицо. Что он такое собирается сказать, чего не решился доверить телефону?

— Ты думаешь, что сейчас происходит в стране? Торжество демократии? Похороны ретроградов? Братание народов и апофеоз свободы? Как бы не так! — Отец говорит тихо, но концентрированная ярость его слов ужасает Никиту. — Позавчера мне нанес визит один странный посетитель. Если бы я не видел его лет пятнадцать назад в погонах, я бы решил, что передо мной совершенно чудесный человек. Благообразный, седовласый, как будто профессор университета, а не та белобрысая сволочь, которая в 1980 г. грозилась упечь мою Жюстин в Мордовлаг к активным лесбиянкам. Он приехал якобы на мой семинар «Уроки демократии» и заявился ко мне с букетом роз, как к старой знакомой шлюхе, представляешь?

Отец задыхался от возмущения, и Никита живо представил сцену встречи бывшего палача и жертвы.

— И чего эта тварь от тебя хотела, пап?

— А она перепродалась новым хозяевам и работает теперь на черноморскую группировку. Но желания у этой твари, — отец с видимым удовольствием ухватился за слова сына, — остались

прежние. Эта тварь, сынок, хотела ежемесячно иметь на своем столе детальный доклад обо всех, кто по линии «Евро-России» приезжает в Россию на деловые мероприятия. Подробные характеристики на французских официальных деятелей. Ну и данные о последних приобретениях недвижимости русскими в Третьей республике. Чтобы новые Корейко не забывали делиться с черноморскими рэкетирами после выезда из Отечества, понимаешь?

— И ты согласился?

— Я выставил его вон. И сказал, что если уж его лубянских хозяев не испугался, то и черноморских не побоюсь.

— А он?

— Он улыбнулся особенно гадливо и сказал, что я наверно не в курсе новых веяний. Если в советской системе санкцию на «несчастный случай» с зарубежным беглецом приходилось пробивать на уровне начальника управления, то теперь большие боссы полагаются на инициативу рядового исполнителя и с идеологическими соображениями не менжуются. А еще эта нелюдь вдруг спросила: «А ваш сынок, Никита, любит слушать Галича? Вы его при встрече спросите, мы же знаем, что он здесь».

— Папа, Галича я люблю, а к беседе его приплели вот зачем: он эмигрировал (вернее, был вышвырнут властями за вольнолюбивые песни) из России во Францию и умер, получив смертельный разряд тока от короткого замыкания, слушая проигрыватель. Тебя шантажировали мной!

— Я понимаю, сынок. Но даже ради тебя предателем не стану. Хватает и того, что я тут отсиживаюсь в тепле и уюте, когда у вас из башенных орудий разносят парламент. Ничего в России не изменится, сынок, неважно, красные победят или белые. Мы зачумлены. Можно выбраться в Париж, Нью-Йорк или Мельбурн, но зараза рабства будет тянуться за тобой по пятам. Этот сменивший масть подлец по-своему прав. По его мнению, мы в любой точке земного шара остаемся бессрочными рабами Системы. Мы как бы дали им раз и навсегда подписку о неразглашении. Вы ведь и так наш, что же вы кобенитесь? Они мне так и сказали в 1991-м, перед тем, как выпустить к моей Жюстин.

Отец закашлялся, его глаза покраснели, он показался Никите похожим на старого усталого боксера, которого жизнь много раз лупила по щекам, а он все не мог уйти с ринга.

— Никита, я очень тебя люблю! Послушай моего совета. Не верь им. Вся их пропагандистская ложь — обман. Не бывает демократии в Освенциме. Нет свободы на погосте. Не бойся их.

— Это ведь сложно, пап...

— Они будут воевать друг с другом за последнюю бензоколонку до полного уничтожения, но ты должен быть умнее и сильнее их. И не проси у них пощады. Ты другой. Мой сын не унижится до дружбы с нелюдьё. Каков бы ни был соблазн, шер ами. Каков бы ни был соблазн.

Москва, третий день по возвращении.

«Завтра казнь, но без боязни он мыслит об ужасной казни», — напевает Никита, бреясь в ванной, хотя на душе у него беспокойно. Его ждет экзекуция. По возвращении, на неприветливой таможне Шереметьево-2, невозмутимый таможенник с ловкостью фокусника извлек из пакетика, который Никиту просил передать родным посольский весельчак Серега Шуриков, незадекларированные десять тысяч франков. Никите светит статья «Незаконные валютные операции». Серега, как назло, уехал в Бретань на каникулы и к телефону не подходит. Если он даст правильные объяснения, то, может, все и обойдется. А пока...

«Вы же сами все понимаете, — печально говорит декан. — Вы вытянули счастливый билет. Столько сыновей послов, генералов и даже мой собственный сын, — тут голос декана влажнеет, — хотели бы оказаться на вашем месте. Как же вы так неосмотрительно!»

Они быстро договариваются. На пятый курс Никиту тихо переводят на заочное, и он сам ищет себе распределение, не претендуя на посольства и консульства развитых стран.

«Я снова все знаю, сынок, — отцовский голос в трубке утешает, заговаривает боль, как в детстве, когда Никита на юге упал с лошади и расшиб коленки. — Не отвечай, просто слушай. Тебе позвонит мой старый товарищ. У него есть идеи насчет твоего будущего. У него, кстати, дочка на выданье. Пообщайся с ней, девка головастая. Ну, всего. О ревуар, мон шер».

Отец отключается, щелчок разъединяет сердца.

ГЛАВА 4

ОХРАННАЯ ГРАМОТА

«Прикрытие — тактический прием: белые ограждают своего короля от возможных шахов».

(Николай Зелепукин. Словарь шахматной композиции)

Четвертый Никитин послепарижский день.

— Здравствуйте, Никита Валерьевич! — телефон зазвонил ровно в 11.00, и ответить на звонок не удалось. Протирая сонные глаза, Никита машинально попытался охарактеризовать голос звонящего (в эту игру они часто играли с отцом после того, как прочли роман Солженицына о научной шарашке, которая, пользуясь уникальной методикой распознавания человеческого голоса, прослушивала телефоны миллионов советских людей). Голос был мужской, энергичный, молодцеватый, с легким грассированием.

— Генерал-лейтенант Савенко на проводе. Никита Валерьевич, ваш отец сказал, что вы как-то скисли на российских просторах после возвращения. Позвольте вас сегодня выгулять.

Генерал жил у метро «Фрунзенская». Привыкший к вольготным просторам Останкино Никита понимал, что строгая сталинская архитектура Фрунзенской набережной свидетельствует о принадлежности жильцов к партийно-государственной элите.

Генеральская дочка, открывшая Никите дверь, протянула бочком ладонь, назвалась Аней и, прежде чем Никита успел представиться, скрылась в недрах квартиры. Аня была миловидной, но имела заметный недостаток — хромала.

Генерал встретил Никиту в просторной библиотеке. Его рукопожатие было крепким и приятным, но морщинки вокруг глаз и кожа рук выдавали настоящий возраст.

— Я пришел на свою работу по партийному распределению, при Хрущеве, — словно угадав мысли Никиты, начал генерал. — Тогда была общая линия на обновление крови: старые кадры, ответственные за репрессии, должны были уступить место молодым. Мы с твоим отцом долго спорили, когда я решил распределиться в закрытый военный институт. Он мне доказывал, что я зарываю талант в землю, что надо реформировать систему, делать ее более дружелюбной к окружающему миру. Время было такое. Мне до сих пор многое из того, что он говорил, кажется правильным.

— Анечка, сделай нам с гостем чайку, — неожиданно прервался генерал. Аня, тихо стоявшая все это время в дверях, улыбнулась и вышла.

— Вы нашли себя в работе? — неожиданно для самого себя спросил Никита.

— Я нашел в работе не себя, Никита Валерьевич, — генерал в, казалось бы, дежурном вопросе распознал живой интерес и хотел ответить искренне. — Я нашел в работе свободу. Простого работягу за слово правды могли посадить в тюрьму. Твоего отца за первый же честный поступок сняли с дипломатического поста. А я каждый день говорил, что «король-то голый», и мне за это не было ничего, кроме поощрений, наград и прочих побрякушек системы. Мой отдел предсказал нефтяной кризис 70-х и распад Бреттон-Вудской системы. Мне дали звание полковника. Мы вычислили падение шахского режима в Иране — ЦК нас обласкал. А вот когда мы напророчили Сумгаит и Нагорный Карабах, терпению наших идеологов пришел конец. Меня вызвали на Старую площадь и в приказной форме потребовали «прекратить апокалиптическое кликушество». Любили они эдакие формулировочки! Везде, мол, даже среди людоедов, одерживает верх всепобеждающее ленинское учение, а вы тут толкуете про национальную резню, сведение счетов между населением двух братских советских республик! «Да если б вы не были *оттуда*, я бы сам поднял трубку и сдал вас прямо *туда* как махрового антисоветчика», — брызгал на меня слюной наш цеховский куратор. Через три года его похоронили в Кремлевской стене, а наши прогнозы в очередной раз подтвердились.

Аня принесла вазочку медовых тульских пряников, три чашки душистого чая и села на массивный стул напротив Никиты.

— Папка, ты совсем заговорил нашего гостя! А у него, наверно, и свое мнение есть по жгучим вопросам современности, — Аня лукаво улыбнулась Никите, словно бросая ему перчатку вызова и приглашая к спору.

— И правда, дочка, послушаем нашего визитера. Вот вы, молодой человек, как считаете: какой класс, иначе говоря, социальный тип в первую очередь воспользуется выгодами нынешней демократической волны перемен?

Никита почувствовал серьезность вопроса за шутливым тоном. Надо было выдержать проверку хозяина кабинета. А Аня, нарушая все законы приличия, смотрела прямо в глаза, мешая найти правильный ответ.

— Что ж, — Никита медлил с ответом. — Пролетариат как спал, так и спит. Все эти денежные реформы, ваучеры, денонсации только сбили его с толку и ничему не научили. Крестьянство зажато голодом и холодом в своих деревнях. Ни тех, ни других мы не считаем победителями и хозяевами новой демократической страны, верно?

— Круг сужается. Продолжайте, молодой человек, — генерал барабанил костяшками пальцев по столу. Казалось, он подводил Никиту к решению какой-то важной задачи, над которой долго думал сам.

— Бывшие бюрократы пока являются изгоями нового общества, но, я думаю, рано или поздно вернуться в старые кабинеты. Коммунистическая власть их здорово выдрессировала, уж очень долго томила сравнением с западным раем, и воровать они будут люто (тут Никита вспомнил о двенадцати сортах йогурта в парижском супермаркете). Другое дело, что они еще не знают, как извлечь пользу из телефонных связей.

— Вы удивительно прозорливы, молодой человек, правда, Анечка? — Генералу, похоже, нравилось играть в интеллектуальные шахматы с неглупым партнером. — Если пролетариат и крестьянство спят, а бюрократ разевает рот, но не знает, как укусить, то на сцене появляется...?

— Человек с ружьем? — по-женски снижая накал поединка, предположила Аня. «Она не хочет, чтобы я провалил экзамен, —

шестым чувством понял Никита. — Поэтому и подбросила отцу непроверенную версию, чтобы я успел подготовиться».

— Почти, но не совсем так, милая. Важно, кто ему это ружье в руки вложил. Простой-то бандит с обрезом долго на свободе не проходит, как в песне поется: «скоро их повыловят всех до одного». Анархия, то есть неорганизованный разбой, демократам не нужна.

— Тогда что у нас остается? — спросил совсем сбитый с толку Никита.

— Вы никогда не увлекались чтением исторических романов, молодой человек? Вы случайно не в курсе, кем было сделано большинство географических открытий?

— Первооткрывателями, пап, а зачем ты сменил тему? — снова пришла Никите на помощь Аня.

Генерал подошел к шкафу, выхватил оттуда запыленный том, похожий на энциклопедию, открыл на заложенном месте и прочитал: «Рейдер (английское raider, от raid — налёт, набег) — военный корабль или вооружённое торговое судно, ведущее самостоятельные боевые действия по уничтожению военных транспортов и торговых судов противника».

— Ну вот, папка, в тебе опять заговорил старый милитарист, — засмеялась Аня. — Эка невидаль. Мы все читали про истребление инков, про зверства конквистадоров, но при чем здесь нынешние политические страсти? Где ты увидел рейдеров в нашей жизни? Они что, твою булочную захватили или Никитин институт?

«Первый раз она назвала меня по имени», — с некоторой долей удовольствия подумал Никита.

— А известно тебе, моя всезнайка, что давало рейдерам законную силу?

— Нет, расскажите, пожалуйста, — Никита вдруг почувствовал, что генерал его переигрывает, он явно собирался вытащить из-за пазухи какой-то очень сильный аргумент, сделать выигрышный ход, но какой?

— Все зверства рейдеров, все их грабежи и захваты осуществлялись с благословения монарха. У каждого командира рейдерского корабля (в неделями не стираном нижнем белье) хранилась охранная грамота, выданная монаршим величеством и

заранее одобрявшая все, что он совершит. А вернувшись на родину, рейдер делился награбленным с королем. Случалось, правда, что награбленного было слишком мало. Тогда незадачливого рейдера держали в окопах в тюрьме, пока он не вспомнил, на каком острове зарыл недостающие дукаты. А иногда рейдеры сталкивались в борьбе за одну и ту же добычу. Впрочем, «Остров сокровищ» вы и без меня читали, пиратские песни Юлия Кима тоже слушали, не буду проводить ликбез.

— Погодите, — Никита был удивлен тем, как повернулся разговор. — Вы считаете, что главным бенефициаром новой России будет...

— Правильно, юноша, да не совсем. Главным героем новой России будет Ермак Тимофеевич. Ушкуйник. Рейдер, который разоряет туземные земли во славу короля или во имя торжества демократии, не суть важно, и приносит собранную дань. А главным получателем прибыли от разбоя, то есть бенефициаром, — кстати, учись, Анечка, как ловко твой коллега употребляет юридическую лексику, — будет совсем другой тип, невидимый, тот, кто дает рейдеру охранную грамоту и определяет направления для очередного набега. Одному кресты на грудь, а другому — курки, яйки, млеко и молодые невольницы, куда же без них? Этот дуэт, ребята, еще покажет вам кузькину мать и до булочных ваших доберется.

Генерал закашлялся.

— Все, молодежь, баста. Старому курильщику вредно читать долгие лекции. Чай выпит. Прогуляй, Анечка, Никиту до метро.

Видимо, хозяин выпроваживал гостя.

В душе Никита остался доволен разговором, кажется, он выдержал экзамен.

— Ты в курсе, наши отцы хотят, чтобы мы поженились?

Ребята, словно сговорившись, пошли не в сторону «Фрунзенской», а к «Парку Культуры». Никита заметил, что при ходьбе Аня почти не волочит ногу. Но ботинки у нее были странные: войлочные, домашние. От Аниной неожиданной прямоты он сбился с шага и поперхнулся.

— Никогда ничего о нашем династическом браке не слышал, даже в проекте. А ты сама к этой идее как относишься?

— Я считаю, что династические браки — это для сук и кобелей ценных пород. Я не хочу спариваться с сыном папиного друга. Даже с таким симпатичным, как ты. — Аня виновато улыбнулась.

— Тогда какие у тебя планы на будущее? — Никита не почувствовал смущения от искренности девушки и почему-то не был обескуражен столь нарочитым отказом.

— Смотри. Я некрасива — молчи, не перебивай, — это раз. Умна — я же не дала тебе срезаться на папином экзамене — это два. И, наконец, третье обстоятельство — наличие человека из папиной, как мы ее называем, корпорации в приемной комиссии каждого вуза. Что нам это дает в сумме, молодой человек?

«Дразнится отцовской интонацией, — подумал Никита. — Какого черта, она же только что отказала мне, что за наваждение? Или игра продолжается?» Ему вспомнилась старая песня с припевом: «Играю черными... Ты сделай первый ход сама!»

— Это зависит от того, какие пристрастия живут в душе юной Софьи Ковалевской.

— Скорее уж Софьи Перовской, Никита. Как ты уже, наверное, заметил, я правдолюбка. Ненавижу, когда на моих глазах совершается несправедливость. Я поступлю на юрфак МГУ и буду биться с системой, на деньги которой меня выкормил мой милый папочка.

Никита хмыкнул, он никогда не любил пафос, а уж слышать такое от вчерашней школьницы...

Аня вспыхнула:

— Да что вы там понимаете в своем заоблачном далеко? Ты хоть знаешь, что сейчас в стране происходит?

— А что происходит? Лето 1994 года от рождества Христова.

— Происходит, балбесина, первоначальное накопление капитала. В каждом городе десятки трастовых компаний, инвестиционных фондов, обществ на доверии и товариществ с очень ограниченной ответственностью манят обещаниями несбыточных процентов. Ручейками текут к ним деньги населения, чтобы, превратившись в реку, исчезнуть навсегда. Да ты знаешь, что я, пигалица, помогла отцу и отсудила его деньги у трасто-

вой компании Черносивтова (Никита отметил про себя до боли знакомую фамилию)! Правда, когда папа пошел туда получать деньги, то встретил своего сослуживца на должности зама по связям с общественностью и вернулся очень расстроенный.

— Аня, — Никита поймал себя на мысли, что ему приятно произносить имя девушки, — послушай, а причем тут справедливость? И что могло так расстроить твоего отца?

— Ты в моем обществе явно глупеешь. Справедливость тут при том, что миллионы семей по всей стране отдали этим мошенникам последние сбережения и теперь разорены. И я иду в юристы, чтобы помочь честным людям отстаивать свои права. А отца расстроило то, что «лев прыгнул». Так он и сказал. Рейдеры, о которых он сегодня читал, не могут возникнуть на пустом месте. Для грабежей им нужен первоначальный капитал. И опыт первого разбоя нужен, для куража. Так вот, нам с отцом кажется, что этот первый опыт они уже получили.

Беседуя, ребята сами не заметили, как дошли до метро.

— Сусанинский долг я не выполнила, — сказала Аня и, прижавшись к цыпочке, неловко поцеловала Никиту в лоб. — Береги себя. Тебя не исключат, проректор по международным связям в курсе, — неожиданно в ее голосе прорезалась мудрость взрослой женщины, — но ты все равно не шуми. Или приходи к нам и шуми у отца в кабинете. Мы оба будем тебя ждать. Жени-их!

Приласкать и унизить одним словом, это она умела.

Никита не знал, что вспомнит этот разговор примерно через 10 лет.

ГЛАВА 5

ВОСПОМИНАНИЯ НИКИТЫ: ПЕРВЫЙ РЕЙД

«Центр как орудие для атаки!»

(Арон Нимцович)

Все свершилось как по щучьему веленью. Не прошло и трех дней после визита в генеральское семейство, как Никиту вызвали на интервью в «Наш-банк», иначе говоря, Банк по содействию развития национальной авиационной и шиппинговой промышленности. В 1994-м году, далеком и прекраснородушном, территориальные управления Центрального банка РФ еще не ввели цензуру на предлагаемые владельцами названия кредитных учреждений. Одному из банков причудливая фантазия владельцев присвоила горделивое имя «Уникал». Но это к слову...

Из записей Никиты:

В те же дни я стал «ка-мэ-эсом». Кандидат в мастера спорта — первое профессиональное звание в шахматах. В Москве таких красавцев в то время было порядка 500 душ. Я боролся-боролся за титул, а перед последним туром имел с Виталиком А-яном отложенную чуть в лучшем положении партию и необходимость победы. Но победа была нужна и Виталику. Мы не могли не превратить поединок интеллектов в веселый тототиник. На кону стояли выигрыш в партии и 40 советских рублей (сумма моей стипендии). Хотя Виталик записал проигрывающий ход, договор был выполнен. Он получил деньги, а я партию и заветную короч-

ку. Поиск взаимно беспроигрышных (win-win) вариантов, в контраст царящему вокруг беспределу, в дальнейшем стал моим жизненным кредо. Как писали в некрологе Иннокентия У-ва, «жизнь прошла в поиске компромисса».

Банк со столь длинным и двусмысленным названием располагался в районе Масловки в помещении бывшего заводского детского сада. Позднее, работая три месяца в должности помощника председателя правления «Наш-банка», Никита убедился, что детсадовское прошлое учреждения неистребимо. Время от времени оно всплывало в виде деталей, достойных американского или японского ужасика. То в батарею обнаруживали разложившийся труп кролика, за год до банкротства завода сбежавшего из детского уголка. То на дне персонального (не совмещенного ни с чем!) санузла руководителя «Наш-банка» появлялась оторванная головка куклы (хотя это больше тянуло на диверсию со стороны недовольных зарплатой тружеников совка и метелки).

Председатель правления банка г-н Мамонтов был крепким советским инженером, выдвинутым со стороны акционеров второй буквы названия банка, то есть авиационщиков. Смоля вонюче-душистые дешевые сигареты (банкиры, на период до победы коммунизма, принципиально выписали себе невысокие зарплаты), кряжистый архангелогородский старовер Мамонтов легко решал коммерческие вопросы деятельности банка, не особо сверяясь с таблицей ответов, то есть преимущественно по наитию и сиюминутному расположению к тому или иному просителю.

Циничный и небрежно одетый, как и полагается юному дедушке двадцати одного года от роду, племянник зампредседательницы и одновременно начальник отдела ценных бумаг и автоматизации Вадим Морковкин на досуге объяснил Никите тонкости формирования акционерного капитала «Наш-банка». В начале 1993 года, когда банк создавался в форме АО, по требованию Центробанка оплаченный уставной капитал не мог быть менее 100 тысяч долларов. Это примерно равнялось зарплате его председателя за 30 лет. Поэтому, энтузиаст-одиночка Мамонтов и его будущая зампред, Ирина Ивановна Кошкина (в ту

пору зам. начальника отдела в центральном аппарате Сбербанка) узнали много горя со своей светлой идеей открытия банка. В каких только квартирах, банях и спортзалах не пришлось им расписывать прелести банкирского ремесла, особенно в свете предстоящего неминуемого расцвета российской экономики! Денег, впрочем, дали в трех местах. Сосед Ирины Ивановны, кооперативщик Колька Бакин, расчувствовавшись, достал из загашника временно свободные от прокруток восемь тысяч баксов и проникновенно вручил их новоявленной банкирше. Из подвального офиса «Русской шиппинговой компании», чьи руководители были когда-то отчислены из института Мамонтовым (в бытность его замдекана) за неуспеваемость, банкиры вынесли 43 250 долларов. Эта некруглая сумма была всей прибылью «Шипов» (как их, не сговариваясь, стали называть Мамонтов и Кошкина) от рискованной, но оправдавшей себя операции по завозу в Питер под Новый год экзотического фрукта маракуйи.

Остальные недостающие до ста тысяч деньги (плюс пять тысяч на подарки в Центробанк и пять тысяч «себе на молочишко»), после многочасового банкета в честь работников авиационной промышленности, вручил Ирине Ивановне под столом руководитель профсоюза работников авиации Юрий Жвалов и со словами: «Дай я тебя поцелую, красная банкирша!» — полез лобызаться, но увлекся и потерял равновесие. На вопрос Ирины Ивановны о происхождении суммы протрезвевший Жвалов отвечал вполне осмысленно, говорил об изменении коэффициентов образования резервных фондов в отрасли с первого января и о том, что, не будучи вложенными «в банку или другую склянку», эти деньги все равно бы сгорели. За свой джентльменский поступок Жвалов получил: откат в сумме трехлетнего заработка, пост председателя совета директоров «Наш-банка» и, возможно, поцелуй «красной банкирши». Кстати, не по этой ли причине первый период банкротства в России позднее назовут романтическим?

Через три месяца после формирования уставного капитала лицензия была получена, договоренность об аренде детсада с заводом-балансодержателем достигнута, и у банкиров началась новая необычная жизнь.

Колька Бакин не принимал участия в деятельности банка, ограничившись взятием под льготный процент необеспеченного учредительского кредита под поставку партии «Сникерсов». А вот остальные две группы: «Авиаторы» и «Шипы» — активно участвовали в управленческом процессе. Они кредитовались и перекредитовывались в «Наш-банке», делегировали в его штат детей, любовниц и родственников (своих и «нужных людей»). Нельзя сказать, чтобы отношение к банку было чисто потребительским. «Авиаторы» привели в банк крупный провинциальный вертолетостроительный завод. «Шипы», разжившись пятилетним контрактом по доставке в Россию замороженных свиных туш, окрылились и перевели в «Наш-банк» все счета своего московского представительства. Соперничество двух учредителей порой напоминало соревнование двух одинаково усердных «новых русских»: кто красивее оденет и причешет любимую собачку, перед тем как выгулять ее в общем дворе, хвалясь, формально, медалями и экстерьером, а фактически — потраченными на любимую игрушку деньгами? Аналогично и штат банка разделился на две примерно равные группы ставленников разных акционеров. При этом и председатель, и зампред в разговорах с Никитой в большей степени делали ставку на полугосударственных и солидных «Авиаторов» и посмеивались над «подвальными коммерсантами» за их авантюризм и неопытность.

— Понимаешь, Никит, — вещал, бывало, Мамонтов за чашкой дурманящего кофе, который он поглощал в невероятных количествах на пару с сигаретами, — у Жвалова отрасль — десятки предприятий, сотни цехов, десятки тысяч работников, многомиллионный оборонный заказ. А у «Шипов» что? Купи-продай корабль с презервативами? Вот погоди, найдем инвестора, продадим ему 25% акций за большие деньги и расширим уставный капитал. Тогда твоих «Шипов» поминай, как звали. Они за свои сорок тыщ баксов уставного взноса уже тыщ на двести кредитов взяли. Мы перед ними свой моральный долг сполна отработали. Только обо всем этом, чур, никому ни слова.

Никита кивал. У него и в мыслях не было подвести благодетеля.

Идиллия кончилась неожиданно. Мамонтов на целый день уехал совещаться за город, в Московскую областную инвести-

ционную компанию. Никита был оставлен на хозяйстве, в кабинете председателя правления, с наказом не отпирать без особой нужды. Моральный климат в банке в последние недели стал предгрозовым. Циркулировали слухи о просрочке выплат по кредитам сразу двумя крупнейшими заемщиками. Начальница кредитного отдела которые сутки ходила с печатью непреодолимого отвращения к реальности на лице.

Никита играл в Тетрис на компьютере председателя, когда в дверь кабинета вкрадчиво поскреблись.

— Кто там? — произнес Никита сакраментальную фразу.

— Следователь Печкин. Пришел донос на вашего мальчика. — У незнакомца явно было недюжинное чувство юмора. Никита любил таких светлых людей и немедленно впустил шутника.

Дальнейшее чаепитие с сушками и соевыми конфетами лишило Никиту остатков веры в человечество. Следователь Печкин по долгу службы курировал авиационную промышленность. Точнее, письменное творчество масс. Еще точнее, доносы. Этот вид политического творчества расцвел в годы правления КПСС и благополучно здравствует до сих пор. Жены обличали в гулящих мужьях агентов иностранных разведок. Лаборанты мстили завлабам, которые в одиночку нарушали нормативы усушки технического спирта. Обрюхаченные секретарши искали поруганной чести в парткомах и у «тех, кому до всего есть дело». Тишь да гладь затянули бурой тиной болото совка.

Ситуация осложнилась, когда монстры авиастроения стали участвовать в сотнях малых, мелких и средних предприятий и кооперативов. И уж совсем насторожились «те, кому надо», когда стук пошел из «дочернего банка развития национальной авиационной и ши... шинной... тьфу, шипованной промышленности, — с трудом одолел название изучаемой конторы следователь. — С таким ответственным названием сидели бы тихо, так нет».

«Председатель правления практикует сомнительные религиозные обряды, крестил дочь, моржует, бегает по морозу босиком», — это пропустим, — «зам.пред на официальную зарплату 150 долларов содержит дома 7 кошек», — что за бред! Вот! — «Правлением «Наш-банка» за взятки в иностранной ва-

люте активно выдаются крупные кредиты под сомнительное обеспечение, чем наносится ущерб в особо крупном размере авиационной промышленности и обороноспособности государства в целом!» — Печкин на едином вздохе дочитал последний абзац анонимки и посмотрел на юного хозяина кабинета

— Что делать-то будем, Никита Валерьевич?

— С автором произведения? На доску почета повесим. Как, кстати, его фамилия?

— Хорошая у него фамилия и, главное, редкая! Доброжелатель.

— Ну, тогда в приказе благодарность объявим. За освещение неизвестных сторон жизни нашего банка. Про семь кошек зампредши я, честно, не знал, товарищ Печкин. А что, можно не больше пяти? — Никита развеселился.

— Вы сами-то тут давно, Никита Валерьевич?

— Четыре недели.

— И как у вас тут? Тихо?

— Как в младшей группе детского сада в мертвый час. До появления этого опуса, во всяком случае, было тихо.

— Мой вам совет, как старшего младшему, Никита Валерьевич. Смывайтесь отсюда по-тихому. Здесь случатся большие и скорые перемены.

Вечером Никита доложил Мамонтову о визите и получил полное одобрение своей взвешенной позиции в разговоре с представителем власти.

А обещанные Печкиным события действительно последовали скоро и начались уже в выходные:

Председатель правления и все члены совета директоров получили почтовое извещение со смазанным штампом о назначении внеочередного собрания акционеров на ближайший четверг. Повестка дня — перевыборы правления банка. Инициатором собрания был обозначен председатель совета директоров «Наш-банка» Жвалов.

Кольку Бакина посетили два молчаливых шкафа, которые вместо ожидаемых люлей выложили на стол восемь тысяч долларов и заполненное распоряжение, в котором Бакина вежливо просили собственноручной подписью засвидетельствовать продажу им своего пакета акций «Наш-банка». Более мелкий шкаф оказался нотариусом.

Юрий Жвалов исчез с телефонов и из мест постоянной дислокации до момента собрания (в духе булгаковского Степы Лиходеева).

Вся верхушка банка получила на домашние адреса полуофициальные требования о возврате в недельный срок всех взятых в банке беспроцентных кредитов. Требования были подписаны витиевато: «Группа контроля акционеров «Наш-банка»».

Собрание состоялось в новой штаб-квартире «Русской шиппинговой компании», где акционерам пришлось пройти «100 метров почета» до ступенек здания, окруженного двойным караулом спортивных инструкторов «Шипов». Мамонтова они выхватили на пару минут на беседу, после чего он, побледневший, вернулся к Никите и приказал тому ехать домой и ждать дальнейших инструкций. Бакина, который по какому-то странному недомыслию все же явился на собрание, турнули с порога: «Чмо, иди отсюда. Тебя в списке гостей нету!»

Итоги собрания были просты.

Большинством голосов был переназначен председатель правления. Им стала начальница кредитного отдела. Перетрясли и все правление, включив туда двух сотрудников финотдела и заместителя начальника службы безопасности «Шипов». Была принята резолюция о выдаче Председателю Совета банка Жвалову Ю.П. беспроцентного кредита на погашение неотложных нужд в размере пяти тысяч долларов. «Юрочка в своих расценках постоянен, как б...» — сказала, узнав об этом, Ирина Ивановна. Из банка было уволено восемь человек, причем Никиты в их числе не было. Уволенным было предписано вернуть беспроцентные кредиты в течение недели под угрозой пересмотра дальнейшей ставки по рыночным условиям, а именно подъема ее с нуля до 170% годовых.

Никита еще раз сходил в банк. Кредитчица сидела на мамонтовском месте, положив ногу на ногу и раздувшись от сознания собственной важности. Она предложила Никите сохранение статуса личного помощника председателя правления с ненормированным графиком. «Но только, Никитушка, с одной существенной разницей. Теперь в этом кресле сидит женщина в полном расцвете сил. И она, в отличие от этого инженеришки, точно знает, кого и чего ей в этой жизни нужно», — промурлы-

кала она и, потянувшись, как сытая кошка, откровенно посмотрела на Никиту. Тот обещал подумать и зайти на днях. Новоявленная председательница, как показалось Никите, посмотрела на него с обидой и плохо скрытым женским разочарованием.

Пообщался Никита и с новым зампредом банка по безопасности. 25-летний Витька Махненко начинал в далеком Львове с шитья шапок на заказ. До перехода в банк он обеспечивал «Шипам» функционирование сложного и полного риска лотерейного бизнеса. Банкирскому статусу Витька обрадовался и принял сумрачного Никиту как родного. Тем более что оставшегося в банке Морковкина привычный к выпивке Витька морально разложил за первую неделю. Для установления доверительных отношений Махненко всучил Никите телефон своей любимой 30-долларовой проститутки и пригласил заходить, обещав выторговать скидку.

У Махненко была странная для человека его профессии этика.

— Никитос, что бы ты ни делал, бойся обидеть старушек, — поучал он Никиту, сидя с ногами на столе и потягивая «Амаретто». — Коммерсанты пугливы. Вон как нам Бакин принес пакет акций в зубах, поджав хвост! Красные директора тупы и полны предрассудков. Согласие Жвалова играть на нашей стороне стоило мне три бутылки такого же «Амаретто», плюс два часа пьянства и его слюнявой откровенности. У него в квартире, Никитос, есть только две вещи. Антикварные иконы и мышеловки. Домушнику нечем поживиться, тьфу! И этот ничтожный человечиска вас продал. Кредит с процентами мы с него все равно снимем, через годик, когда все уляжется.

— Так что со старушками? — напомнил Никита.

— А старушки, Никитос, это сила. Стадо бизонов. В этой стране их могут гнобить разрухой, голодом, ваучерами, реформами, но тихо. И не дай Бог кому-то заявить, что он их на самом деле грабит! Тут же начнется буча, набегут опера, и герой романа «Идиот» Родя Раскольников сядет за одну пришитую никчемную процентщицу!

Никита, покидая в последний раз негостеприимный детский сад, удивился тому, как причудливо бандитское сознание, одурманенное парами алкоголя, препарировало творческое наследие Федора Михайловича Достоевского.

На следующий день после Никитинога исхода приглашенный новыми владельцами банка батюшка пафосно окропил по периметру здание детского сада и заговорил его от нечистой силы и дурного глаза. Через неделю реклама «Наш-банка» шла по всем каналам центрального телевидения — взлетающий реактивный истребитель с развевающейся надписью «Наш-банк» — это ваш банк!»; банк начал собирать в долгосрочные вклады деньги российских старушек.

Еще через семь месяцев у «Наш-банка» за пренебрежение нормами обязательной отчетности и рискованную кредитную политику была отозвана лицензия.

ЧАСТЬ 2

ЗАВОД

ГЛАВА 6

РАЗБОР ДЕБЮТНОЙ СТРАТЕГИИ

*«Попытка разрубить гордиев узел энергичным ходом
не лишена известной логики».*

(Петр Романовский)

Братья Август и Виктор Майеры появились в Николаевске сразу после парада Победы. Близнецы носили непривычную для здешних мест фамилию. Несмотря на юный возраст (им было всего шестнадцать), братья проявили недюжинный дар предвидения. Победившую страну накрыла очередная волна сталинских чисток, и соплеменники Августа и Виктора отправились в теплушках по направлению к степям Оренбуржья. Братья же, добровольно выбравшие для проживания «сто первый километр», не пострадали.

Август Майер осел в местном ФЗУ¹, которое по ускоренной программе за три года превращало вчерашних барачных байстрюков в шлифовальщиков, фрезеровщиков и токарей. Виктор же стал работать на заводе «Счетмаш», производившем, помимо прочего, известные на весь Союз никелированные кассовые аппараты.

Шло время, менялись генсеки и эпохи. Ничем особо не проявляясь, старея и матерея, братья к началу перестройки доросли до директора ФЗУ и управляющего заводом. На собраниях николаевского партхозактива они всегда появлялись вместе, рано облысевшие, румяные, по-немецки празднично-аккуратные («Шалтай-Болтай», — говорили про них досужие остряки).

¹ Фабрично-заводское училище; ученики ФЗУ в просторечье назывались «фабзайцами»

Неожиданно выяснилось, что Виктор в компании действующего мэра парится по четвергам в самых фешенебельных банях города — «Кавалерских».

А один из самых проблемных «фабзайцев» Августа Майера — Колька Серебро, «откинувшись» после второй отсидки за разбой, на воровской сходке был назначен смотрящим за городом и Северным районом. Серебро не был простым безмозглым бойцом в тренировочном костюме и кроссовках «Адидас». Позднейшие летописцы российских криминальных войн, а их немало развелось в наше время, отмечали в нем некую двойственность. Коля был полукровкой: неизвестный отец кавказского происхождения быстро исчез с горизонта, у матери было очень слабое сердце, и в шесть лет Колька попал в детдом, где и началась суровая жизненная школа. Вырваться из детдомовского заточения ему помогла стендовая стрельба. Во время очередного праздничного похода детдомовцев в тир, на Колькины успехи обратил внимание тренер единственной николаевской спортшколы и забрал его в мир чистой одежды и усиленных пайков. Много лет спустя, Колька изгонял из своей бригады (без права восстановления) любого не сдавшего норматива по стрельбе.

После спортшколы Колька сделал неординарный ход, пойдя учиться в ФЗУ. Очень скоро он возглавил там секцию стендовой стрельбы и народную дружину. Разгоняя пьяных на танцах и пресекая мелкое воровство в раздевалке, Колька не находил своего призвания, тосковал и куролесил. Ему повезло, через некоторое время Виктор Майер взял четырех самых крепких ребят из народной дружины для борьбы с несунами.

Уже шла перестройка, когда снайперским выстрелом был убит директор городского универсама «Елочка», и Колька Серебро из города исчез (многие находили в этих событиях взаимосвязь). Вскоре он вернулся и нанес визит директору училища. О чем они говорили, история умалчивает, но вскоре в жизни города произошли перемены.

Жена и дочери Августа Майера стали совладельцами трех акционерных обществ (универсама «Елочка», городского рынка, первого таксопарка) и бесчисленного количества мелких ООО. Сам Август был избран в местную думу, где отвечал за вопросы

здравоохранения и спорта, а также следил за реализацией губернаторской программы: «10 стадионов и 10 больниц в каждом районе к 2010 году». На реализацию этой программы в Северном районе был введен налог 5% от торговой выручки. Фирма Кольки Серебро стала агентом николаевского мэра по борьбе со штрафниками, недоимщиками и неплательщиками налогов. Умело стравив кавказские и славянские группировки, Серебро наслаждался огромной криминальной властью в своей вотчине. А Виктор Майер стал неофициальным, но оттого не менее почитаемым, лоббистом — человеком, с которым местная администрация могла, хотела и любила решать любые вопросы за умеренное вознаграждение.

Такая вот установилась в этой местности странная монархия. Два царя: дневной и ночной — заключили вечный союз. Ты питаешь одного или другого, и пока колеса времени смазываются, ты цел. Мало кто решался при таком раскладе выйти из игры. Хозяева города оправданий не принимали. Их же не пересажать, не взорвать, не переселить на другую планету.

Не знал, где и с кем сел играть?

Директором Николаевского машиностроительного завода позднесоветских времен был Иван Дмитриевич Каманин. Прежде чем возглавить Завод, Каманин прошел все ступеньки карьерного роста, от разнорабочего до начальника производства. Коллектив его любил; после того, как старый директор в 1987-м свалился с инфарктом (после визита в министерство), Иван Дмитриевич был избран на княжение практически единогласно (тогда трудовым коллективам только-только разрешили самостоятельно избирать директоров)¹. Постепенно ему удалось подружиться и с министерским куратором, и со смежниками. Так как завод был оборонный, он не сразу получил свободу от государства, но все-таки в 1997-м прошло акционирование.

90-е годы были голодными. За госзаказ министерство все чаще расплачивалось не деньгами, а векселями, налоговыми ос-

¹ В 1987г. был принят Закон СССР «О государственном производственном предприятии (объединении)», который разрешил избрание директоров членами трудового коллектива.

вобождениями и прочим неликвидом. Но прозорливый Каманин начал увеличивать долю коммерческих заказов за живые деньги и к 2000 году, моменту отмены зачетов и нормализации денежного обращения в стране, в общей выручке Завода их объем превышал 60%.

Каманин любил повторять строчки из песни барда Михаила Щербакова:

*— А где у вас гарантии, что хлеб, который ели вы,
Не будет вам же завтра в неоплатный долг зачтен?
— А где у вас гарантии, что гимн, который пели вы,
Не будет завтра проклят, заклеимен и запрещен?*

По песне и вышло.

В 1999 году у Каманина накопились пени по налогам, пенсионным и страховым взносам. Никакого злого умысла тут не было. Просто государство, основной контрагент Каманина за свои заказы платило нерегулярно, среднее опоздание составляло шестнадцать месяцев, и никаких штрафов и пеней за задержку не предусматривалось. В госказне просто не находилось статьи, по которой государство должно было расплачиваться за свой «кидок». Зато по долгам себе государство, как заправский ростовщик, взимало один фунт живого мяса должника, извините, один процент от тела долга, за каждый день просрочки. За год непогашенный долг возростал почти впятеро. Выгодный бизнес, и это еще не считая штрафов, доначислений и недоимок. В эти-то сети и попал Иван Дмитриевич.

Ситуация создавалась критическая. Народ, конечно, поддерживал бы директора при любой погоде: тому удалось за все лихолетье сохранить 80% рабочих мест, и зарплату он больше чем на квартал не задерживал. Однако директору приснился страшный сон, как его вызвал к себе областной прокурор Свиридов, мужчина чрезвычайно неприятной наружности, зажал его яйца в тиски и начал пытаться: «Где деньги на народные пенсии? Бабушки мрут, понимаешь, а он тут и в ус не дует». Проснувшись в холодном поту, Иван Дмитриевич решил, что сон в руку. Скоро состоялась встреча, круто изменившая и жизнь Каманина, и будущее Завода.

В середине 1999 года проблемы Завода обострились. По инициативе энергетиков была возбуждена процедура банкротства. Долг самим энергетикам — одиннадцать миллионов рублей — был в принципе погашаем, но помимо них завод осаждала целая толпа кредиторов. Долги в федеральный и местный бюджет, а также во внебюджетные фонды в совокупности составляли не менее ста двадцати миллионов рублей и ежедневно росли за счет пеней. Долги по зарплате были порядка 5–6 миллионов рублей. Задолженность перед коммерческими поставщиками и подрядчиками приближалась к тридцати миллионам рублей.

Тем временем, московские смежники познакомили Каманина с интересным человеком. Он обладал непримечательной внешностью и недюжинными связями в разнообразных ведомствах. Выслушав жалобы Каманина на ростовщические пени пенсионщиков и налоговой, спаситель обещал решить проблему в полном соответствии с действующими законами. Для этого Ивану Дмитриевичу надлежало купить вексель какой-то московской компании за 25% его номинальной стоимости и открыть счет в московском банке «Филантроп». Банк был готов выкупить вексель по номиналу, но только при условии, что все средства будут отправлены Иваном Дмитриевичем на погашение долгов в бюджет и внебюджетные фонды, желательно в местной части. Ивана Дмитриевича предупредили о том, что у банка сложное финансовое положение, тем не менее, по Решению Конституционного суда РФ, действовавшему в 1999 году, Иван Дмитриевич считался добросовестным налогоплательщиком и освобождался от каких бы то ни было санкций после подачи платежки с бюджетным платежом, если в этот момент текущий остаток на его расчетном счете позволял совершить платеж. Иван Дмитриевич подумал, посоветовался с местной налоговой (которая не имела на этот счет четких указаний и ориентировалась до поры до времени на решение КС) и пошел на операцию с банком «Филантроп». Таким образом, удалось сэкономить порядка семидесяти миллионов рублей. Долги в местный бюджет, Пенсионный фонд и фонд соцстраха считались как бы погашенными, и эти достойные организации не были включены в реестр кредиторов предприятия. Но остальные долги оставались головной болью. Особенно до-

саждали Каманину ежедневные звонки «факторинговых агентов» фирмы «Фин-Агро», которой принадлежало около четырнадцати миллионов рублей заводского долга. Кроме того, ходили слухи, что структуры залетного московского коммерсанта Николая Топа втихую начали скупку заводских акций. Волновался и начальник местной налоговой инспекции. Подходил к концу финансовый год, горел план по сборам налогов, а заводские бюджетные платежи, несмотря на наличие платежей с печатью банка «Филантроп», не были списаны с корсчета банка в Центробанке в пользу бюджета. Более того, по точным сведениям из Главного управления ЦБ по Москве, корсчет «Филантропа» в ЦБ был арестован, и у самого банка должны были вот-вот отнять лицензию. Начальник налоговой пока вяло грозил судебным преследованием, но его министерство уже составило список недобросовестных банков и грозило повально проверить все их платежи.

В эти же месяцы Каманина ждало еще одно разочарование. Его оставил верный зам, так полюбившийся Никите, Борис Всеволодович Рокотов. В последние годы, Борис тяготился своей ролью. У него не получалось ни ходить с протянутой рукой по заказчикам, ни обманывать поставщиков пустыми обещаниями оплаты счетов. Поэтому, когда один московский друг предложил ему занять пост заместителя министра вооружений в непризнанной Приднестровской Молдавской республике, Рокотов на следующий день согласился.

Прощание директора и зама было сердечным и недолгим. Вечером Каманин, вопреки своему кодексу трезвости, напился вусмерть рябиновой настойкой в своем кабинете.

Государственный холдинг, которому в советское время принадлежал завод, помог только тем, что за комиссионные устроил Каманину краткосрочный кредит. А когда счетчик стал немудимо отщелкивать заводу проценты, бывшее начальство махнуло на завод рукой: крутись, Иван Дмитрич, как знаешь, и без тебя забот полон рот. Приватизация холдинга на носу.

Ивану Дмитриевичу маячили «приятные» перспективы: долговая тюрьма, встреча с молодцами из «Фин-Агро», банкротство и потеря Завода, которому отданы годы труда.

На следующее утро Каманин сидел в приемной председателя совета директоров корпорации «Фин-Агро».

ГЛАВА 7

ПОЗИЦИОННОЕ МАНЕВРИРОВАНИЕ

«Собственно говоря, белые решились на жертву качества уже ходом раньше, а сейчас отступить было некуда, да и незачем».

(Анатолий Карпов)

Вопреки ожиданиям, офис корпорации «Фин-Агро» находился не в бандитской подворотне, а в крошечном милом переулке купеческого Замоскворечья. Особняк, выдавший дворянские балы, приятно поразил Каманина. Были понатыканные тут и там глазки видеонаблюдения, но следов вооруженной охраны не было. Изящная фея на входе (кстати, однокурсница Никиты по МГИМО Танечка Левшина) пропела заветное:

— Вы к Савелию Альбертовичу? Тогда вам сюда!

Она карточкой открыла створки внутреннего лифта, и Каманин вознесся на четвертый, президентский этаж. Среда обитания Савелия Бехтерева была оформлена с вызывающей роскошью. Не слишком-то культурный Каманин безуспешно пытался вспомнить пояснения экскурсовода, полученные им лет пятнадцать назад во время экскурсии по Эрмитажу. Полотна фламандских живописцев («Подлинные? Имитация?» — успел подумать Каманин) соседствовали здесь с японскими гравюрами, уральские малахиты (Каманин даже не подозревал, что это был именно малахит, а не набившая оскомину подделка — камень змеевик) с гобеленами времен Короля-Солнце. Савелий Бехтерев был искусствоведом по первому образованию. Его интерес к древнерусской иконописи не мог долго оставаться вне поля зрения соответствующих структур. Из «университета Во-

ровского» Савелий вышел условно-досрочно со славой автора двух талантливых экспроприаций у теневиков-антикваров, воровским прозвищем «Богомаз» и оперативным псевдонимом «Щорс» у начальника отдела по борьбе с валютчиками городского отделения грозной трехбуквенной конторы. Столь многогранная натура требовала недюжинного приложения сил. Богомаз стал экспертом по инвестициям в искусство у самого Красавчика (очень авторитетного человека), с которым познакомился в тюрьме, и в этом качестве взял под свою опеку несколько художественных магазинчиков, нацеленных на интуристов.

Известное читателю, по статьям в столичной прессе, превращение Богомаза в грозу сельского хозяйства свершилось не сразу. Покупая у стариков колхозников иконы, Савелий присмотрел себе уютную избушку в ближнем Подмоскovie. Ее приобретение помогло решить вопрос с пропиской и обойти пресловутые «минус сто». Савелий стал проводить отпуска в богом забытой деревеньке. Председатель стал захаживать на огонек к образованному дачнику. Однажды пожаловался на бригаду нерадивых шабашников, которые взяли и пропили аванс, а к строительству коровника даже не приступили. Ребята Красавчика подпалили школу, где ночевала нерадивая бригада растратчиков. Наутро руководитель бригады в слезах и соплях пришел к председателю с пузырем мириться, и работа закипела.

Со временем чудачество Богомаза, защитившего никому не нужного колхозника, получило твердую коммерческую основу. В колхозе разместились цеха по производству паленой водки. Сюда приезжали отсиживаться после удачных дел. С ростом автомобилизации населения дальний подмосковный край стал излюбленным местом для дачников. Ушел по своей воле прежний председатель — не смог вовремя расплатиться за взятую у бригады в долг партию ворованной солярки. На его место встал ставленник Савелия — вечно непросыхающий скотник Котька Самохин. Под конвоем бригадира он съездил в Госагропромбанк договориться о кредите на пополнение оборотных средств колхоза. Перспективы рисовались самые радужные.

Качественный прорыв произошел, когда молодая доярка Светка пожаловалась дачнику Савелию на соседнего председа-

теля, который задерживал зарплату ее сестре. Увещевание строптивного руководителя молодцами Богомаза дало такие жирные плоды, что вскоре по всем конфликтным ситуациям в колхозах стали обращаться к Савелию Бехтереву, который вернулся на боевой пост, возглавив корпорацию «Фин-Агро», совершавшую набеги на должников как в области, так и в самой Москве.

Савелий встретил Каманина ласково. Помешивая золотой ложечкой жасминовый чай и любуясь на свой портрет кисти то ли Ильи Глазунова, то ли Никаса Сафронова, Савелий спросил, картинно грассируя: «Деньги, п-гинес, ста-гый пе-гдун? Не п-гинес? Тогда зачем нас не-гвируешь? Уби-гайся или гово-ги, что п-гедлагаешь».

Каманин был не робкого десятка. Поэтому ушел из кабинета своими ногами, унося в кармане пятьдесят тысяч условных американских единиц. Также ему удалось вырвать из тонких наманикюренных пальцев господина Бехтерева справку следующего бесценного содержания: «СПРАВКА. Дана господину Каманину И.Д. в том, что у корпорации «Фин-Агро», а также у третьих лиц, каких-либо моральных или имущественных претензий к нему и его близким по работе Николаевского завода нет». За этот листок Каманину пришлось расплатиться суммой безделицей. Прямо в кабинете Савелия он написал заявление об уходе в бессрочный отпуск по состоянию здоровья и подписал приказ о назначении своим замом с правом банковской подписи человечка Савелия. Был, правда, еще короткий разговор из кабинета Савелия с заграницей. Но вот что сказал красному директору Красавчик, ушлой секретарше, несмотря на все старания, подслушать не удалось.

Каманин купил себе большегруз и стал вольным дальнотбойщиком.

Савелий перепродал тему за четыреста тысяч долларов Николаю Топу.

В итоге, завод ушел в обеспечение непогашенного кредита на Сейшелы. Сейшельскую фирму, правда, представлял по доверенности адвокат с обычной фамилией Смирнов.

Прокурор копал-копал, искал состав преступления, да не накопал. Старый хозяин — полугосударственный холдинг —

временами вспоминал про сплывший завод, как про фантомную боль, давал своим юристам наказ разобраться и вернуть в лоно, да возвращались те, несолоно хлебавши. Чисто было сработано. Старый завод — кокон, оболочка, одно название. Приехал новый конкурсный управляющий его банкротить, думал, что золотые горы найдет, а там одна куча песка заводу принадлежит. И тоже отбыл восвояси.

Позднейших исследователей интересовал вопрос: а платил ли Завод дань бандитам? Положительный ответ на этот вопрос казался predetermined. Даже несколько лет спустя, когда этот вопрос был поднят в беседе с управделами главка профильного министерства, тот только руками замахал, как мельница, мол, о чем вы, батенька, это же гнездо оргпреступности.

На самом деле Завод не платил бандитам ни доллара, ни даже рубля. Тем не менее, боссы криминала оставались сыты и до поры до времени довольны.

Топу удалось творчески применить исторический опыт Европы 1930-х годов, изобиловавший такими событиями, как «Мюнхенский сговор» и «Пакт Молотова-Риббентропа».

Испокон веков на Заводе окопалась небольшая, но слаженная этническая группировка, которая с умом взялась за воровство металлалома и всего, что плохо лежало. Однажды им даже посчастливилось угнать ночью через проходную новенький каток. При этом к денежным потокам Завода они отношения не имели.

Коля Серебро подошел к вопросу комплексно и поехал на знакомство к хозяину Завода на четырех машинах с вооруженным сопровождением. Кортёж беспрепятственно пропустили на территорию, хозяин вышел навстречу один, без хлеба-соли, но с радужным выражением лица.

— Прошу Вас, Николай, отведать с нами чего Бог послал, а то уже вас внутри люди заждались, — с такими совершенно штатскими словами Топ препроводил лидера банды вглубь своих владений, категорическим жестом отсекая сопровождение. Обычно грубый и нечуткий к коммерсантам Коля миролюбиво махнул рукой и последовал внутрь здания. Он не удивился, увидев за столом переговоров Виктора Майера.

После недолгих, но конструктивных переговоров участники разошлись довольные друг другом. Бывший дворец культуры завода «Атлантъ», недавно приобретенный Топом на очень грязных торгах у Москомимущества, был сдан фирме Коли Серебро в аренду сроком на двадцать пять лет по ставке двадцать долларов за один квадратный метр общей площади в год, для использования под уставные цели (по факту, под автосалон для растаможенных по хитрой схеме иномарок — еще один прибыльный Колин бизнес).

Но это было еще не все. Было заключено соглашение о взаиморасчетах, согласно которому хозяин завода соглашался не требовать с Коли двадцать долларов за квадратный метр в год, а Коля, в свою очередь, прощал ровно такую же сумму по договору за охранные услуги Виктору Майеру, а тот оказывал заводу симметричную по сумме ежегодную услугу по поставке, монтажу и подключению различных счетных аппаратов. Все было естественно. Налоговая не могла пропустить договор безвозмездной аренды. Коле было «запаadlo» платить коммерсанту даже рубль. Виктор Майер официально не мог получить статус освобожденного от бандитской дани — это портило бы всю игру. И, наконец, Виктор Майер не был альтруистом и за лоббирование брал свой обычный процент. А хозяин Завода, повесив «ядовитую пилюлю» на свой проблемный объект и защитив его от чужих загребущих лап, собирался жить долго и счастливо, памятуя поговорку про ишака и падишаха.

Долго чертыхались заводские ревизоры и аудиторы, находя в балансах заводских фирм сотни довоенных счетных машинок «Свяга» и кассовых аппаратов образца 1964 года по цене «Пентиумов». Что ж, положение обязывало.

ГЛАВА 8

ЧЕРНЫЕ ВСТУПАЮТ В СЕРЬЕЗНУЮ ИГРУ

«Выбор угроз — задача допускает возможность создания угрозы с нескольких полей (линий), но к решению приводит одна из них, остальные угрозы создают ложную игру».

(Николай Зелепукин. Словарь шахматной композиции.)

Надо же, как все обернулось. Василий Панов ждал заказа с любой стороны, но только не с той, откуда он нарисовался. Откинув сиденье как можно дальше, Василий вытянулся во весь рост, благо его черная «Волга» это позволяла, и задумчиво смотрел на проплывающее мимо бульварное кольцо и Храм Христа Спасителя. Взгляд Панова небрежно скользнул по противоположной стороне набережной и споткнулся о неуклюжее продолговатое здание бурого цвета с надписью «Красный Октябрь». Пока автомобиль стоял на светофоре, Василий внимательно разглядывал здание. Любопытно, центр города, рукой подать до Кремля, и это непонятное наследие дореволюционной эпохи. Капиталистический атавизм. Ну что за глупость, давно бы уже вывести этот завод за пределы МКАД, слепить хороший инвестиционный контракт и построить гостиницу, а лучше офисный центр. Взять хотя бы столицу Англии. Там все промышленные предприятия давно выведены за черту города, даже знаменитые лондонские туманы остались в прошлом — ведь они появились из-за выбросов заводов, которые теперь далеко от города. Василий точно это знал, потому что совсем недавно вернулся из Лондона. Загорелся зеле-

ный свет, и машина плавно тронулась с места. Василий с грустью взглянув последний раз на оставшийся позади памятник славному трудовому прошлому отечественных кондитеров. Вот встать бы покрепче, да бюджет побольше иметь, можно было бы хороший проект сделать. Хотя, видимо, не все там так просто, есть свои заморочки, раз это чудовище соцреализма до сих пор пятлится на Кремлевскую стену.

До сегодняшнего дня дела шли не особо. Прошло уже три месяца с того дня, как Панов, вдрызг разругавшись с руководителем проекта, ушел на свой страх и риск из компании. Работать на очередного неадекватного босса почему-то не хотелось, и Василий решил начать самостоятельный бизнес. Вопросы, чем заниматься, не возникало. Панов еще со студенческой скамьи усвоил одно справедливое правило: если ты ограничен в средствах, начинать нужно только то дело, в котором разбираешься. Допустим, Василий ничего не смыслил в производстве пирожков. Какой тогда смысл вкладывать в это дело последние двадцать тысяч американских рублей, если, в случае необходимости, он не сможет внести дополнительно еще десять? А ведь такая необходимость обязательно возникнет: или аппарат по производству пирожков сломается, или повар уйдет в длительный запой. Да что угодно может случиться, главное то, что у Василия больше не будет денег, и останется ему либо продавать однокомнатную квартиру на Крутицком Валу (государство компенсировало некогда отнятую жилплощадь, спасибо репрессированному дедушке), либо брать в долг у мутных друзей-приятелей, которые после первой же неуплаты процентов в размере пяти-сот долларов обозначенную квартиру изымут. Машины у Василия не было. Это не значит, что ее никогда не существовало. Напротив, была черная Subaru, только вот после одного неприятного случая на прежнем месте работы от автомобиля пришлось отказаться. Так что, если вдруг появлялись какие-то финансовые затруднения, рассчитывать на продажу автомобиля не приходилось.

В общем, Василий решил заниматься юриспруденцией. Точнее, корпоративным правом, а еще точнее — акционерными войнами, гринмейлом и недружественными поглощениями. А куда еще было податься молодому человеку, если с девяносто

девятого года он только и делал, что творчески толковал статьи Закона об акционерных обществах. Сначала работал на одного начинающего олигарха: летал по всей стране, участвовал в общих собраниях акционеров, обивал пороги региональных судов. Были хорошие шансы взлететь на самый верх карьерной лестницы, но судьба распорядилась иначе. Когда перспективы роста растаяли, сокурсник переманил его в инвестиционную компанию, работавшую исключительно по Москве и области. Несмотря на то, что пришлось потерять в зарплате, Василий был рад ездить на метро, а не летать самолетами Аэрофлота.

За год до описываемых событий двое товарищей, набравшись опыта и связей, решили покинуть родную инвесткомпанию и создать свою консалтинговую фирму, на деле занимавшуюся тем же самым — скупкой акций столичных приватизированных предприятий, имевших в собственности недвижимость в центре города. Василию предложили работу в этой фирме, и он согласился сменить уже насиженное место ведущего специалиста на позицию руководителя проектов. Однако с самого начала у него не заладились отношения с одним из коллег. У заклятого врага было невнятное имя Антуан и еще более невнятная фамилия Ермолаев. По статусу он был равен Василию, такой же наемный работник, однако, в силу кровно-родственных отношений с одним из судей Московского арбитража, пользовался большей благосклонностью владельцев компании. Конфликт перерос в жгучий антагонизм после того, как Василий на очередной утренней планерке обвинил Антуана в крысятничестве: тот расплатился со скупщиками акций текстильной фабрики суммой, в полтора раза меньшей той, которую он озвучил инвесторам проекта. Василий же хорошо знал ребят, организовавших скупку. Ну, с кем не бывает, решил подзаработать на родной компании. Только тут дело было особое: инвесторами проекта выступали сами владельцы фирмы, и поведение Антуана вызвало, по меньшей мере, недоумение. Антуана на время отстранили от проекта. Вместо него поставили Василия, поручив заодно проверить расходы предшественника. Казалось, победа близка, но поверженный противник нанес коварный удар. Когда Василий подготовил полный пакет документов для захода на предприятие, договорился с милым интеллигентным красным ЧОПом, выпил полтора литра

водки с бывшим директором фабрики, убеждая его наказать нынешнее руководство, получил белое решение районного суда о восстановлении прежнего руководства, исполнительный лист, съездил к приставам — случился казус. Пока Панов перед выездом на объект выходил на три минутки покурить, с его стола кто-то взял и, разумеется, не вернул папочку, в которой были все документы. Дело конечно не смертельное — копии и оригиналы документов можно было восстановить, если бы не одно обстоятельство: на тот этот день и был назначен штурм. Да и это полбеда, подумаешь — перенести штурм с одной пятницы на другую, только вот это еще не все. В ближайший понедельник должно было состояться годовое собрание акционеров, и тот, кто контролировал его проведение, подавал и нужные решения. Итак, задуманная операция, обещавшая стать триумфом Василия Панова, стала его позором.

Из опалы вернулся Антуан, клятвенно пообещавший больше не брать лишнего и не быть похожим на разгильдяя Панова. Василий из своего кармана заплатил приставам и ЧОПу за ложный вызов, компании возместил стоимость судебных актов и навсегда бросил курить. Месяц спустя, когда Антуана назначили куратором проекта, который Василий вел уже три месяца, нервы у Панова не выдержали, и он заявил об уходе из компании. Так в корпоративных интригах погиб наемный работник Панов и родился единственный участник ООО «Инвестиционная Компания «ИНДИГО». Молодой предприниматель зарегистрировал фирму, по объявлению нашел секретаря, переманил с прежних мест работы двух толковых юристов и снял офис в районе Павелецкой. За офис, снятый у знакомого в бизнес-центре напрямую и со скидкой, пришлось выложить трешку зелени (по полторы месячная оплата и страховой платеж), двушку отдал за мебель, частично подержанную, частично новенькую. Четверка ушла на телефоны, компьютеры и факс с ксероксом. Еще штука разошлась непонятно на что. В общем, с половиной накопленной правдами и неправдами суммы пришлось расстаться.

Но Василий не унывал — он полагал, что отбоя в клиентах не будет. За время работы он крепко вошел в тему и знал много ключевых фигур в своем бизнесе. Теперь главное было найти заказчика с проектом или проект без заказчика и начать работу.

Начались трудовые будни. Офис открывался в половине десятого утра. Секретарь принимала звонки, юристы сидели за компьютерами, директор как угорелый ездил на встречи с потенциальными заказчиками. Василий нанял водителя с личным автомобилем за тысячу долларов в месяц. Водителя звали Алик, ему было чуть за сорок, и у него была черная «Волга». Алик был крупного телосложения, носил усы и отдаленно напоминал гаишника. С ним можно было говорить практически на любые темы. Порой Василий даже поражался, как Алик рассуждал, например, на тему несостоятельности мнения Бжезинского о причинах падения Советского Союза. До встречи с водителем Василий, честно говоря, считал, что Бжезинский это президент Польши. Через некоторое время после знакомства с водителем, Василий с ужасом предположил, что попал под колпак Следственного комитета МВД или, не ровен час, трехбуквенной структуры с Лубянки. Неизвестно, сколько бы он промучился, если бы через неделю после возникновения параноидальных мыслей не открыл багажник, чтобы положить туда кофеварку для офиса, и не увидел дикую смесь газет и журналов за последний месяц. Василий успокоился. Все-таки лучше газеты как источник информации, нежели Высшие курсы КГБ СССР. Оказалось, Алик просто пожиратель информации. Каждое утро он покупал не меньше десятка газет, а в начале недели еще и журналы. Очевидно, это заменяло ему сигареты. Ожидая шефа, водитель с одинаковым интересом читал и «Экспресс-газету», и «Ведомости», и даже маргинальное издание «Зятьк». Прочитанные издания складывались в багажник, а в конце месяца выбрасывались.

С момента открытия фирмы прошел месяц, Василий заплатил первую зарплату. Три с половиной тысячи выпорхнули из его кошелька. Однако этот удручающий для единственного участника ООО ИК «ИНДИГО» факт не был скрашен получением первого заказа. Потенциальных клиентов было много, иногда даже чересчур. Все с симпатией относились к Василию, хвалили за решимость открыть свое дело, но никто не спешил делать конкретные заказы. Сначала Василий не мог понять причин такого странного поведения заказчиков, а потом понял, в чем дело. Вероятно, прежние работодатели успели хорошо его

«отпиарить», по крайней мере, в своем кругу. Если учесть, что основные потенциальные заказчики как раз входили в этот круг, можно было не удивляться их осторожному поведению.

Нельзя сказать, что работы совсем не было, она была! Но это была какая-то мелочовка, не покрывавшая даже расходы по арендной плате. Несколько раз появлялась возможность взять на субподряд несколько проектов (подбрасывали ребята с первого места работы), но Василий прекрасно понимал, что деньги там небольшие, зато куча времени и нервов, к тому же, если вдруг придет крупный клиент, была вероятность не потянуть несколько проектов сразу, поэтому подобные предложения решительно отвергались.

На исходе второго месяца Василий занервничал. Дела принимали паршивый оборот. Деньги кончались, секретарша и юристы имитировали бурную деятельность, видимо, боясь, что иначе могут лишиться зарплаты. Когда Василий приезжал в офис, секретарь Светлана делала задумчивое выражение лица, хотя это ей категорически не шло, и начинала остервенело колотить наращенными ногтями по клавиатуре. Пару раз, проходя мимо ее рабочего места, Василий замечал мигающие окошечки ICQ, что подделаешь, личную жизнь нужно налаживать.

Юристы по клавиатуре не стучали, они разыгрывали профессиональные дискуссии на юридические темы. Олег, высокий темноволосый юноша лет двадцати трех, начинал ходить по кабинету, время от времени отхлебывая кофе из чашки, которую держал в руке, Андрей откидывался на спинку стула и водил из стороны в сторону коротко стриженной головой. Реплики сторон были утонченно-приземленны и касались в основном общих вопросов: собраний акционеров и дополнительных эмиссий акций.

В принципе, Василий мог финансировать обитателей офиса еще несколько месяцев, хотя они уже начинали подыскивать себе работу, готова запасной аэродром. Можно было занять денег, сократить юристов, отказаться от водителя, но Василий понимал, что, как только он начнет минимизировать расходы, это будет началом конца его предпринимательской деятельности, не за горами будет тот день, когда он разместит в Интернете объявление о продаже офисной мебели и компьютеров, а сам

начнет звонить друзьям-приятелям, узнавая о свободных вакансиях. Хуже всего было то, что все знакомые Василия знали, что он открыл фирму, и поэтому молниеносная капитуляция серьезно подорвала бы его репутацию.

Однако поражения не произошло. Василию позвонил старый знакомый (он сталкивался с ним на одном из проектов) и попросил о встрече. В ходе встречи Василий понял, что счастье есть. Оно складывалось из трех позиций:

1. Месячный бюджет — пятьдесят тысяч долларов.
2. Компенсация всех расходов команды нападающих.
3. Бонусы за успешное завершение проекта — 25 % от реальной стоимости объекта!!!

Счастье носило имя Николаевского машиностроительного завода.

ГЛАВА 9

РАЗВИТИЕ ДЕБЮТНОЙ ИНИЦИАТИВЫ

«Здесь мы имеем полную аналогию с мобилизацией в начале войны: воюющие стороны стремятся как можно быстрее достичь границы, чтобы затем по возможности проникнуть за пределы ее».

(Арон Нимцович)

На следующий день после получения заказа Василию было очень плохо. Нет, он не был сердечником и не носил в кармане пиджака нитроглицерин. Желудок его тоже не беспокоил. Причина полной и безоговорочной неработоспособности господина Панова заключалась в двух бутылках «Киндзмараули», одной бутылке виски «Белая лошадь» и нескольких стаканах неопознанного пива. Грузинское вино было выпито еще в офисе со Светой, задержавшейся на рабочем месте. Судя по раскиданному фото и включенному сканеру, она оцифровывала новые фотографии, чтобы отправить по электронке очередному сетевому поклоннику. Василий несколько раз поднимал тост за золотой дождь, наконец-то пролившийся на компанию. При этих словах Света почему-то нервно хихикала, проявляя недюжинную эрудицию в смежных областях знаний. Правда Василия это не порадовало, и он твердо решил отрубить секретарше Интернет.

После Светиною ухода Василий позвонил другу детства Лехе и забил с ним стрелку в «Парижской жизни». Там всегда было много половозрелых девчонок, а Василий не хотел засы-

пать в этот счастливый день один. Пока ехали с Павелецкой до Петровки, Василий пил из горлышка виски, непонятно как оказавшийся в машине, и предлагал водителю Алику попробовать «лошадиный вискарь».

Что было в «Парижской жизни», Василий помнил смутно. Из памяти выплывали размытые картинки Лехи, несущего пиво, какой-то толстой брюнетки, целующей Василия в щеку, огромная белая лошадь, раздувающая ноздри, хотя, вероятно, последнее было уже во сне. Проснулся Василий на заднем сиденье «Волги» в неуютном гараже. Тускло светила электрическая лампочка. На лобовом стекле была записка от Алика. В ней сообщалось, что Василию Алексеичу после пробуждения нужно позвонить своему шоферу. Слабо соображая, Василий отхлебнул кока-колы из бутылки, заботливо оставленной водителем на переднем сиденье, и набрал номер Алика:

— Слушаю, — проскрипел заспанный голос.

— Алик, — Василий почему-то говорил шепотом, — где я?

— У меня в гараже.

— А почему не дома?

— Вы не хотели выходить из машины, когда я вас привез на Крутицкий.

— Почему не хотел?

— Говорили, что вам нельзя без пиджака домой, поэтому я Вас повез к себе. Оставил в гараже. Тут все-таки еще отопление не отключили.

Василий только сейчас заметил, что вместо пиджака на нем кожаная куртка-косуха.

— Понятно. А откуда у меня куртка?

— Вы ее у одного малолетки взяли, когда в клуб на Ленинском заехали.

Постепенно из разговора с водителем выяснилось, что из-за острого алкогольного отравления Василия, девушки из «Парижской жизни» не то что боялись ехать к нему домой, но и не рисковали садиться рядом на диванчик. Ввиду этих форс-мажорных обстоятельств, Василий и Леха решили ехать в другой клуб. Почему-то выбор был сделан в пользу «Точки». Там как раз проходил какой-то небольшой рок-фестиваль школьных команд. Убедившись, что самым зрелым девушкам в клубе от

силы шестнадцать, друзья залезли на сцену и стали ритмично двигаться в такт песне, которую речитативом кричала юная солистка. На их счастье, Алик пошел вместе с ними, и ему удалось успокоить возмущенных секьюрити. Уже на выходе Василий стал брататься с каким-то молодым человеком (Алик почему-то называл его панком), в результате чего произошел дружеский обмен пиджака Василия, купленного в бутике Cacharel за 34 тысячи рублей, на косуху, приобретенную юным оболтусом за 5 тысяч рублей. Потеря пиджака расстроила Василия, но Алик его успокоил: посадив шефа в машину, он вернулся к панку, снял с него хозяйский пиджак и дал денег на новую косуху, так как снять старую с Василия не представлялось возможным.

За время разговора Василий окончательно проснулся. В ожидании Алика он начал было планировать день, но быстро отказался от этой затеи: голова болела, руки дрожали, а суставы ломило. Алик отвез шефа домой, тот принял ванну и улегся спать. Планирование мероприятий по Николаевскому машиностроительному было отложено на сутки.

На следующий день Василий приехал в офис около восьми утра и сразу же полез в Интернет. Прежде всего, он хотел собрать данные о предприятии. В принципе, заказчик немного рассказал о каком-то складском комплексе, о бандитах и прочем. Когда речь зашла об авторитетных бизнесменах, имевших отношение к заводу, в голове Василия мелькнуло сомнение, а стоит ли браться за это дело? Но заказчик его успокоил: кто-то из бандитов давно отошел от дел, кто-то отошел в мир иной, так что воевать придется исключительно с цивилизованным тевтонским рыцарем Николаем Топом. Такой расклад Василия вполне устраивал, было даже что-то романтически-символическое в этом деле.

Вторая встреча с заказчиком должна была состояться в начале следующей недели. Договаривающиеся стороны собирались окончательно утрясти все детали взаимовыгодного сотрудничества, кроме того, Василий рассчитывал получить пятьдесят тысяч убитых ентов. Разумеется, до получения денег он не собирался предпринимать никаких активных действий, но вот выяснить обстановку было необходимо.

Для начала Василий тупо забил в двух поисковиках название завода. Вывалилось с десятков страниц ссылок. Большинство из них вели к резюме бывших сотрудников завода, кадры ковались для всего Подмосковья. Остальные представляли собой коммерческие предложения продукции завода, что очень удивило Василия. По сведениям заказчика, последние несколько лет завод ничего не выпускал, выживая за счет аренды. Однако Панова информация о товарах не очень интересовала. Его целью были газетные статьи и отзывы на сетевых форумах. Из пятнадцати страниц бесполезной информации удалось выудить три важные статьи и пять сообщений в новостях. Быстро все прочитав, Василий сделал вывод, что в девяностые вокруг завода было немало бурных событий. Ну что ж, остается надеяться, что заказчик не соврал и сейчас там тихо.

Своего сайта у завода не было: видимо, сказалась немецкая экономность. Ладно, не беда. Василий залез на сайт регионального отделения ФКЦБ¹ в Центральном Федеральном Округе. Хотя это ведомство и переименовали в ФСФР², у Панова язык не поворачивался называть его как-то по-другому. Раньше на этом сайте Василию удавалось выуживать полные тексты стенограмм акционерных собраний, неосмотрительно включенных старательными секретарями в протоколы общих собраний акционеров. Директора даже не догадывались, что внутреннюю обстановку на предприятии можно легко «считывать» по содержанию такого протокола. Если народ бухтит (требует повышения зарплаты, недоволен отсутствием дивидендов), значит расшатать ситуацию в акционерке можно: скупить акции, например, спровоцировать акционеров и рабочих на бойкот руководства.

Касательно НМЗ, был небольшой облом — завод никакой отчетности не предоставлял. Нарывался, наверное, на штрафы, но корпоративную оборону держал четко. Интересно, это русское разгильдяйство или немецкая предусмотрительность? Ладно, разберемся.

Можно было пошариться по сайтам аналитических агентств, но Василий решил сделать это попозже. Сейчас предстояло вы-

¹ Федеральная комиссия по ценным бумагам.

² Федеральная служба по финансовым рынкам.

яснить, не работает ли кто-нибудь еще по Николаевскому заводу. Потом, после получения месячного бюджета, он, конечно же, наведет справки в реальной жизни, а пока нужно просто посмотреть, пишет ли кто-нибудь о предприятии на профессиональных форумах. Сначала Василий залез на старые проверенные сайты. Тут писали о многом, но только не о заводе. Это радовало, хотя и не исключало того, что предприятие все-таки находится в разработке у коллег по цеху.

Дальше Василий залез на недавно появившийся сайт, посвященный захватам. Сайт уже приобрел аудиторию, активно обсуждавшую сплетни и слухи в сфере враждебных поглощений. Здесь тоже ничего не говорилось об объекте атаки. В принципе, теперь следовало бы проверить имена директора завода и членов совета директоров (полный состав руководящей верхушки Василий нашел среди новостей о проведенном годовом собрании акционеров), но Панову изрядно надоело пялиться в компьютер и выуживать по крупицам необходимую информацию. На этом этапе ее было достаточно.

Было десять утра. Юристы и секретарь в офисе.

Василий решил посвятить немного драгоценного времени общению со своими боевыми единицами. Он нацепил на лицо ослепительную улыбку и вышел в приемную.

— Та-а-ак, — бодро воскликнул он, — Светлана, что нового?

Светлана как раз наводила красоту: левый глаз уже имел обыденный боевой окрас, правый же только начинал приобретать привычные обольстительные очертания.

— Ой! — вскрикнула Света. Девушка явно не ожидала, что в директорском кабинете кто-то есть, ведь основная дверь была заперта на ключ.

— Что стряслось, Светлана? Тебя, я вижу, нельзя оставлять без присмотра? Пугаться начинаешь, кричишь. Давай, доделывай глазик и свари мне кофе, — с этими словами Василий открыл дверь, ведущую к юристам. Открывшаяся ему картина была не менее живописна, чем левый глаз Светланы.

Олег ничего предосудительного вроде бы не совершал, хотя находился за своим столом в полулежачем положении. При этом на нем не было ни пиджака, ни галстука, ни даже рубашки. За его спиной стоял Андрей Кадышев и неторопли-

выми движениями массировал коллеге шею. Ситуацию сглаживало наличие на массажисте пиджака, сорочки и галстука. Что касается брюк, в этом Василий не был уверен: обзор загромождала спинка стула.

— Етить твою мать, мужики! Вы чего делаете? — Если картина нанесения боевого узора на лицо Светланы была предсказуемой, то увиденное в кабинете юристов не могло уложиться в голове Василия.

— Массаж, — пропищал побледневший Андрей.

— Это я вижу, а зачем? — несмотря на удар судьбы, шеф все еще пытался найти логическое объяснение происходящему.

— Василий Алексеевич, — поднял голову раскрасневшийся Олег, — у меня плечи болят.

— Трапеции, — добавил Андрей.

— Блин, пацаны, вы тут совсем от безделья одурели? Вам чего, Светку сюда посадить нужно? И заставить в штанах в обтяжку перед вами вертеться? Да убери ты руки с его плеч, — последняя фраза адресовалась Андрею.

— Я вчера тетю встречал в Домодедово, а у нее сумок много, пока тащил до электрички, а потом в метро, мышцу потянул, — Олег встал из-за стола, вытянувшись во весь рост.

— А рубашку зачем снял? — Василий постепенно начинал приходить в себя.

— Так ведь неудобно через рубашку, да Андрюха и порвать может, он ведь борец бывший.

— Вот что, борцы голубой сборной, одевайтесь, приводите себя в порядок и через десять минут ко мне в кабинет. А пока подумайте, во-первых, над тем, что было бы, если бы вместо меня в кабинет зашел, например, наш заказчик. Я очень сильно сомневаюсь, что после увиденного здесь он захотел бы продолжить с нами работу. А во-вторых, прикиньте, зачем с внутренней стороны двери находится защелка.

— Кстати, а откуда тетя прилетела? — перед выходом из кабинета спросил Василий.

— Из Бочаровска, — насуплено ответил Олег, — она в командировке на трубном заводе была.

Василий внимательно посмотрел на юриста и, ничего не сказав, вышел из комнаты. Вернувшись в кабинет, он взял со

стола кофе, принесенный Светой, и, сделав осторожный глоток, задумчиво произнес:

— Завод трубный — завод трупный...

Неожиданно упомянутое название завода напомнило ему Бочаровскую историю, когда во время штурма местного завода пролилась кровь и были убиты два человека...

ГЛАВА 10

ОТВЕТНЫЕ ШАГИ БЕЛЫХ

В ситуации, когда у одной из сторон нет возможностей для организации активной контригры, ... такой способ игры бывает порой неприятнее и опаснее прямолинейных действий. Ведь защищающейся стороне трудно предугадать, откуда грянет опасность

(Тигран Петросян)

Нельзя сказать, что у герра Топа совсем не было друзей и соратников, помимо Никиты. Ему предложил свою помощь известный в Николаевске человек — Олег Рукавишников.

При советской власти он, скорее всего, стал бы диссидентом. Российская реальность сделала его главой крупнейшей уездной юридической конторы. Дембельнувшись после армии, Олег устроился работать в органы внутренних дел. Молодому перспективному комсомольцу из русской рабочей семьи светило и быстрое продвижение по службе, и скорое получение квартиры, да и партийная карьера была вполне достижима. На беду Олега на третий год его пребывания в отделении случилось ЧП: арестованный наркоман, по совместительству сын заведующего горторгом, в КПЗ вскрыл себе вены. Последствием было увольнение Олега (хотя он и был в этот день на больничном) с иезуитской для ОВД формулировкой «по собственному желанию», с ней в те годы провозжали на покой проворовавшихся завхозов.

Олег уехал в Николаевск, поступил на заочное отделение юрфака МГУ и начал работать внештатным корреспондентом «Московской правды». С началом перестройки он пошел в ад-

вокатуру, где быстро стал заметен, а через несколько лет открыл на жену юридическую фирму «Фемида-86», которая давала ему и его семье вполне приличный кусок хлеба с маслом.

Став незаслуженной жертвой ошибок и идиотизма советской административной системы, Олег сознательно или неосознанно стал ненавистником государства в целом. Нет, он не поддерживал террористов и не призывал к ниспровержению существующего строя. Зато он любил наносить прокурорам и гособвинителям поражения в зале суда. Олег брался за самые запутанные дела против государства, его органов и чиновников и нередко, на удивление самому себе, праздновал победу. Рукавишников нашел себя как талантливый адвокат.

Олег был привлечен по наспех шитому валютному делу и даже отсидел трое суток после того, как выставился на городских выборах. Народный заступник, он защищал от произвола органов и сам стал его жертвой.

В истории российской юриспруденции останется дело Московского областного банка, выигранное Рукавишниковым, оспорившим незаконно произведенное списание семидесяти миллионов деноминированных рублей Центральным банком РФ с корсчета Мособлбанка.

Олег одевался неброско, говорил неказисто, преображаясь только в зале суда. Немудрено, что нашлись общие знакомые, которые привели его на Николаевский машиностроительный завод. Причем Олег проявил характер и настоял на сохранении независимой практики, полагая, что собственные клиенты помешают ему стать содержанцем хозяина Завода.

Ведя дела Завода размашисто и бесстрашно, Рукавишников сумел, в частности, оштрафовать председателя областного антимонопольного комитета за злостное неисполнение решений суда. Понятно, что новости разнеслись быстро, и симпатий Заводу это донкихотство не добавило. С другой стороны, присмирили чинившие заводу препятствия чиновники, и на несколько месяцев приутихли разные проверяющие комиссии.

Узнав про действия агрессоров, Олег оживился, словно услышав звуки боевой трубы. Весь его вид теперь, кажется, говорил: «Будет жаркая сеча!» Он предложил предъявить встречные иски от следующих по цепочке собственников, добросовестных

приобретателей, к тем первоначальным собственникам, чьи права пытались опорочить оппоненты. Таким образом получалось, что, посудившись на проблемном основании «сами с собой» и не приведя в суде со стороны нападения никаких аргументов, заводчане как нападающие проигрывали навсегда самим себе как защитникам. А потом, при случае, Завод мог опереться на установленный судебным решением факт, то есть проблемное право собственности после такого «марионеточного» суда становилось бы почти незыблемым.

Фирма Рукавишникова разработала гениальный план по созданию препятствий агрессорам, который, среди прочего, предусматривал взятие гигантских кредитов на все заводские фирмы, искусственное создание ипотек на здания Завода, получение на себя судебных арестов и прочие увлекательные самострельные мероприятия.

Смущало в сем гениальном плане всего два обстоятельства. Во-первых, все лекарства Рукавишникова от поглощения были очень горькие. Их применение резко и немедленно снизило бы капитализацию Завода. С заложенными, арестованными и обремененными кредитом зданиями нечего было и думать о получении западных ссуд и выходе на IPO (о чем Топ, этот николаевский мечтатель, уже давно думал). С другой стороны, неудовлетворительная структура баланса компаний дала бы неприятелю дармовой шанс запустить процедуру банкротства.

Второе возражение, обсуждавшееся хозяином Завода и его консилъеры за закрытыми дверями, носило не столь конкретный, а, скорее, общечеловеческий характер и сформулировано было примерно так: в эпоху, когда появляется атомная бомба, умные кавалеристы меняют квалификацию. Если же они не готовы перейти к мирной жизни, значит их самоцель — война, и клиенту опасно прибегать к их услугам.

План Рукавишникова был отклонен с самой нежной формулировкой: «Мы к нему обязательно вернемся».

Сложно или просто защищать предприятие, которое едят?
Да еще когда неизвестна личность заказчика нападения!

Теоретики ломают копыя в журналах и на конференциях, споря о целесообразности тех или иных мер. Никита Бирюков был закоренелым практиком и поэтому начал с самых простых и действенных мер защиты.

Был заключен договор с «официальным» ЧОПом на охрану внешнего периметра и двух цехов с дорогостоящим оборудованием внутри.

В течение двух недель была проведена инвентаризация имущества, которая выявила как кражи и недостачи (в основном, дорогих красок, кабеля и смесителей), так и неожиданные находки «зачаченных», но не учтенных по балансу завода стройматериалов. Кто-то явно строил себе дачку из сэкономленных товаров народного потребления...

Было принято положение о пропускном режиме — несуну притихли, прекратились опоздания.

Шестнадцать рабочих, у которых еще оставались акции Завода, согласились их продать в обмен на премию «за сознательность». Два старика не согласились, и Никита не стал их агитировать, стараясь не разбудить алчность. Три бывших работника проживали теперь в различных странах СНГ и были недосыгаемы. Два акционера скончались за последние полгода, и их акции должны были перейти к наследникам в ходе полугодовой процедуры вступления в права.

С таким количеством акционеров стоило преобразовать открытое акционерное общество в закрытое, чем Никита и занялся. Это уменьшило бы возможности нападавших, тем более что реестр акций передавался бы в само общество.

Пообщавшись с нынешним реестродержателем, Никита не увидел в глазах его директора каких-либо задних мыслей, однако побережься стоило все равно.

Местные власти вели себя ровно и корректно. Немножко сеготовала на Завод начальник городского отдела экологии и природопользования, пеняла на превышение уровня выбросов и шумового загрязнения. Но после подаренного ей на день ангела ноутбука подобрела и дала понять, что педалировать ситуацию не станет.

На более высокий уровень городских властей Топ ни Ники-ту, ни Редиску не пускал.

— Зеленые вы еще, господа москвичи, — заявил он однажды, направляясь в конце дня в Кавалерские бани «обсудить вопросы городского благоустройства»....

— Где уж нам уж, господин Топ, — полуиронично, полуобиженно протянул тогда Редиска. — Мы ваши юридические слуги, подай-принеси, а вот вы настоящий волшебник...

— Ну-ну... — Никита так и не понял, падок ли Топ на грубую солдафонскую лесть или еще раз попытался унижить собеседника.

У Завода, как и у каждого предприятия с долгой историей, имелась своя пачка судебных дел. В основном это были иски о восстановлении на работе. Никиту привлекло дело одного тунеця, которого за систематические прогулы вытурили с Завода как раз за год до его акционирования. Обиженный забудыга требовал все-таки выдать ему акцию в счет выстраданного до вылета с предприятия трудового стажа.

С появлением Никиты Завод перестал накапливать долги. Памятуя, что от маленького долга до возбуждения процедуры банкротства должника одна прямая линия, Никита убедил Топа в кратчайшие сроки погасить все задолженности перед коммунальщиками и прочими контрагентами и в дальнейшем жить по средствам. Топ поначалу заартачился, но, когда Никита нарисовал картину возможной потери предприятия, пошел на попятный и долги погасил.

Материально ответственные лица были проверены на полиграфе и наркотестах. Три наиболее лоснящихся хозяйственника ушли тихо, без шума.

Были оформлены свидетельства на право собственности на все недострой и самострой на территории Завода. В итоге владения Топа приросли на целых 800 квадратных метров, чему тот был несказанно рад.

Никита даже начал составлять положение о совете директоров Завода. Он объяснял Топу, что туда можно было бы включить наиболее влиятельных управленцев и продуманной системой материального стимулирования побудить их к совершению подвигов на благо Завода.

Топ слушал Никиту, поддакивал, но думал о чем-то своем.

Никите было интересно, кто ест завод. Мальчишки советской эпохи, начитавшиеся в детстве «Кортика» и «Бронзовой птицы», все еще бредят приключениями. Никита пошел на сознательный риск, он решил провести самостоятельное расследование.

В десятке различных компаний, которые Никита обошел за месяц, он играл разные роли.

С бывшими однокурсниками по МГИМО он изображал из себя вальяжного преуспевающего советника, работающего на хозяина крупного производственно-логистического комплекса, и исподволь узнавал о возможности привлечения дешевого западного финансирования на мировых рынках, путем осуществления IPO, грозящей стать модной фенечкой среди топов.

В заставленных китайской мебелью гостиных инвестиционных банков Никита менял пластинку и восторженно излагал блестящие перспективы вверенного его заботам предприятия, в то же время сетуя на некоторую старомодность корпоративных процедур и размытость акционерного капитала.

Среди коллег, которые подались в нападение и стали играть за сборную рейдеров, Никита с законной гордостью вещал о том, что уж кто-кто, а защищаемый им завод выдержит любую рейдерскую атаку в силу непоколебимости воплощаемой им в жизнь линии корпоративной обороны.

Нападавшие были еще невидимы, но пару раз в уголках глаз собеседников Никита видел шевеление некой задней мысли. Он даже, кажется, мог читать эти мыслишки: «Эге-ге, братец, да ты, наверно, хочешь продать своего хозяина. Похоже, ищешь, кто больше заплатит. Только ведь игра уже началась. Ну-ка, посмотрим, можешь ли ты сыграть в нашем раскладе».

Первым непосредственным результатом этих хождений стало появление в московском кабинете Никиты грузного субъекта среднего возраста со шрамом на левой щеке и удивительно ясным, буравящим взглядом серых глаз. «Вот и незнакомец из Менга пожаловал», — мысленно усмехнулся Никита.

— Слушай сюда, советничек, — незнакомец через стол наклонился к Никите. — Ребята рассказали, что ты там базлал про инвестиционную привлекательность и западные рынки. Все это тупфа для банков. Наша ситуация проще. Мы с тво-

им Топом эти... как их... антиподы. У него комплекс на Севере от МКАД, у нашего сообщества — на Юге. И клиенты строятся в две шеренги, кому нужны черноморские порты, Украина и Кавказ — утекают к нам, а которых интересуют Питер и Западная Европа — те арендуют у твоего Николашки. Мы против твоего фашиста претензий не имеем: ничего личного, только бизнес...

Собеседник заученным движением дал Никите считать надпись на веках. Молодого человека посетило ощущение вторичности происходящего. Будто где-то на другой планете скучающие инопланетяне от нечего делать крутят и крутят вечный «Бумер», и он, Никита, почему-то должен играть и играть в этом мрачном кино.

— Наше предложение простое. Ты говоришь нам, где Топ хранит все ценности и документы, и в условный день в этих местах происходит акция с изъятием. А потом мы договариваемся, за какую сумму этот твой наТОПтыш выйдет из бизнеса своими ногами. Тебе сто косарей и гарантия неприкосновенности.

— Я подумаю.

— А ты подумай, юноша. Ты себя вроде блюдешь, с тобой мы пока что не антиподы. Только при любом раскладе постарайся забыть все, что я тебе сказал. Лады?

— Само собой.

Консильери, замеченный в любом вербовочном подходе к нему, сразу выводится из доверия. Никиту красиво и элементарно засветили. Топу наверняка все доложат и даже диктофонную запись могут любезно прислать.

ГЛАВА 11

РАЗГОВОР С МЕЦЕНАТОМ

«Яванская тема — в идейных вариантах черные уничтожают действие белой фигуры путем ее выключения»

(Николай Зелепукин. Словарь шахматной композиции.)

Каждый год в Президент-отеле проводится Форум профессиональных консультантов. Каждый год в своей электронной почте Никита находит приглашение от организаторов Форума и, не найдя в себе душевных сил отказать, мучается от ощущения, что все это до боли похоже на пионерский слет времен его красногалстучной юности! Координаторы (звеньевые) группируют собравшихся и рассаживают по местам. Современные секретари райкомов — руководители бирж и холдинговых компаний выступают с приветственным словом к делегатам. Самым отличившимся вручаются вымпелы и почетные грамоты, только теперь они выглядят как конверты с твердым вечнозеленым содержимым. При всей капиталистической белозубой активности во время торжественной части мероприятия в зале стоит скука.

Никита ходит на подобные мероприятия ради следующей их части, непротокольной. В тусовочном просторечии она именуется «фуршет». Фуршет — главное место работы глаз и языка для молодого специалиста в области корпоративной защиты. С виду это достаточно одноплановое мероприятие. Всюду стоит мерный гул челюстей. Уничтожается заготовленная организаторами дорогостоящая еда. Некрофилы в дорогих костюмах приканчивают тосты, разделяются с кусками торта, умерщ-

вляют свежие фрукты из экзотических стран. Предсмертные вопли издает спонсорская копченая колбаска. И лишь посвященный расслышит в этом гуле работающих челюстей обрывки слухов, увидит осколки сокрушенных авторитетов и угадает рассвет репутаций поднимающихся. Современный профессиональный фуршет — место для сбора и ответного слива сверхважной информации. Немудрено, что нищий, но перспективный Аристотель Онассис пошел именно этим путем: он приобрел на последние деньги дорогой костюм и записался в элитный клуб джентльменов, где доступ к самым дорогостоящим слухам быстро вознес молодого грека на вершины богатства.

Косвенным свидетельством растущего значения таких мероприятий стал повышенный интерес к ним профессиональных великосветских тусовщиков из модных СМИ, фуршетных стукачей и дам полусвета. Указанные категории не пропускают ни одно из мероприятий, собирающих VIP-слухи и VIP-кошельки. Ибо работа у них такая. За разглашение услышанного и увиденного организаторы на этих ярких пташек не обижаются. Напротив, радуются: все как у людей.

Увлечшись тарталеткой, Никита не заметил мягкого похлопывания по плечу, после чего собеседник был просто вынужден обозначить свое присутствие хорошо поставленным баритоном:

— Ба! Кого я вижу! Никита, извините, запомнил, как вас по отчеству?

— Валерьевич.

— Отдыхаете от трудов праведных? Замотал вас немчура? А я Поливанову говорил, чтобы просил молоко и двойной тариф оплаты. С формулировкой «за вредность заказчика». Ах-ха-ха.

Так мог смеяться только один человек на свете — Георгий Иванович Черносвитов, президент инвестиционной компании, где раньше работал Редиска.

— Что вас сюда привело, Георгий Иванович?

— А я хожу сюда регулярно, Никита. — Черносвитов демонстративно забыл отчество Никиты, давая понять, что имеет право старого знакомого на фамильярность. Впрочем, для руководителя компании с 50-процентным участием иностранного капитала приверженность к односложной формуле обращения вполне естественна.

«Хелло, Сэм», — говорит там по утрам мусорщик акуле-капиталисту.

«Хелло, Майк», — отвечает тот, и социальная революция переносится на неопределенный срок.

«России, с ее растущим социальным расслоением, грозящим взорваться гражданской войной, ей-Богу, следовало бы усвоить ту манеру, которую только что продемонстрировал Черносивитов», — подумал Никита.

— И что вы тут находите для ума, сердца и кошелька?

— Я, Никита, рекрутирую себе в компанию новых топ-менеджеров. Здесь же корпоративный невольничий рынок. Сюда, как бабочки на огонь, слетаются твои коллеги в поисках лучшей доли. Причем заметь, не в ту пору, когда у них все благополучно и хозяин носит их на руках, купая в бонусах и соцпакетах, а как раз при первых признаках охлаждения. Вас, стервцов таких, приучили выстраивать свою карьеру, то есть загодя готовить запасной аэродром и кидать работодателя при появлении первой тучки на горизонте. Ах-ха-ха.

Было непонятно, говорит Черносивитов искренне или играет. Его смех напоминал Никите улыбающуюся физиономию фондовика на плакатах Тростовой компания «Новая промышленность» 1994 года. Георгий Иванович был одним из тех, кто активно собирал «бабушкины деньги» из чулков и сберегательных вкладов и затыгивал их в омут собственных спекуляций с промышленными активами. Более того, если память не изменяла Никите (а изменяла она ему крайне редко), Черносивитов был именно тем человеком, в чьей тростовой компании отец Анны Савенко встретил своего сослуживца. Никита решил навестить Анну и поспрашивать ее о прошлом. Он не показывался в гостеприимном доме на Фрунзенской уже несколько лет. «Свинтус», — мысленно обругал себя Никита.

— У вас-то с Топом как, медовый месяц или предгрозовой штить? — вернул Никиту на землю вопрос Черносивитова.

— Да как-то, скорее, ближе к первому.

— Ну, дай Бог. Поливанов, помнится, иначе говорил при встрече. Но он из другого теста, привык к подстеленной сололке: оклад, премия, оплаченная машина, офис с кондишном, бесплатный кофе из аппарата. Ты-то сам водителю платишь или как?

— Конечно сам. Зачем Николая Оттовича ввергать в лишние расходы? — Никита был удивлен. Разговор принимал какой-то личный характер.

— «Потянет ли он новые расходы?» Ах-ха-ха. — Прочитав в измененном виде известное одностишие Владимира Вишневецкого, Черносивитов почему-то развеселился. От смеха он даже закашлялся. — Вот что, Никита. Ты мог бы где-нибудь послезавтра утречком заехать ко мне в офис на Никольскую? У тебя, похоже, весьма оригинальные взгляды на свою профессию. Есть о чем поговорить.

Никита понял, что основная партия откладывается на два дня.

Компания Георгия Ивановича размещалась во внешнем подбрюшьи Кремля. Рефат заехал на Никольскую без пропуска. Водителю и пассажиру пришлось на мгновение сделать каменные лица допущенных в высшие сферы. Фейсконтроль проканал, и серое здание, с чудом сохранившейся игрушечной булочной в торце, приняло Никиту.

Черносивитов ждал его во главе узкого длинного стола. По стенам кабинета висели яркие англоязычные графики, демонстрирующие доходность инвестиционных продуктов и фондов компаний Черносивитова. В углу лежала стопка информационных буклетов о компании. Яркие краски, высококачественная полиграфия, плотная бумага. Никита машинально цапнул буклет. Черносивитов, казалось, был доволен таким завершением какого-то своего теста. Он оживился и заговорил:

— Не я заметил, а наши... гм... психологи, что человек любит бесплатные безделушки. Распорядитель инвестиционного фонда, оставшись в этом кабинете один, крадучись и краснея, как мальчишка, первым делом, как и ты, хватает буклет стоимостью полтора доллара и кладет в портфель стоимостью 800 долларов. Законопослушание оказывается слабее желания своровать. Причем западники в этом отношении сделаны из того же теста, что и наши. Исключения крайне редки.

— И как вы это используете? — Никита, от греха подальше, положил свой буклет на середину стола. Он понял, что попался на чужую дебютную заготовку. Да и кабинетик, судя по

всему, просматривался... гм... психологами Черносивитова со всех сторон.

— Знаешь, что тут было раньше? — Черносивитов широким жестом обвел стены комнаты. — Отдел агитпропа ЦК комсомола РСФСР. Когда мы, молодые инструкторы, открывали в 1989-м первый Молодежный инновационный центр, наши мамы и папы нас всюю отговаривали: мол, прогорите, разоритесь, или посадят вас за частное предпринимательство. Только наш начальник отдела Федор Столетов, тот еще был мужик, говорил: «Ничего не бойтесь, скоро вся государственная система ваш опыт перенимать будет». Помещение нам устроил. И ссудил нас первым капиталцем на обзаведение. С тех пор мы тут и обитаем. Другие понастроили себе на окраине особняки-теремки, а мы отсюда все равно не уйдем. Государственный адрес потому что. Знающие люди сразу чувствуют доверие.

— Никак не возьму в толк, Георгий Иванович, зачем вы меня пригласили на встречу? О чем разговаривать будем? Я же вроде работу не ищу.

— О текущих наших делах, Никитушка, тебе небезинтересных. Моя инвесткомпания, да будет тебе известно, собирается развивать институт независимых корпоративных директоров. Сейчас создается банк данных. Мы хотим иметь кадровый резерв из 10–15 светлых личностей твоего, Никита, формата для заполнения ими производственных дыр. В моей управляющей компании, скажу тебе по секрету, четырнадцать разнопрофильных участия в акционерных обществах, и число это с каждым годом возрастает. Люди нужны, а где их взять? Такие, как ты, давно расхватааны такими, как Топ.

— Георгий Иванович, все равно не пойму. Если вы владеете предприятием полностью, то зачем вам независимый директор?

— Приведу тебе пример. Возьмем, для простоты, твой завод. Допустим, завтра мы приходим к Топу и говорим, что нашли прямого западного инвестора, который готов выкупить контрольный пакет акций по цене в шесть раз превышающей цену, за которую их приобрел Топ. Допустим также, что Топ посчитал, поразмыслил, посоветовался с тобой, да и принял наше предложение. Но остается одна проблема. Западный инвестор, вкладывая такие бабки в непонятную ему Россию, требует прозрачности, то есть

гарантий. Он хочет быть уверен, что наутро после обналичивания продавцом полученных за завод денег тот не продаст его оптом на металлолом со всей недвижимостью и ресурсами.

— И тут вам становится нужен посол доброй воли? — Никита начал понимать, куда клонит хозяин кабинета.

— И тут нам становится нужен молодой, перспективный, обладающий репутацией независимый директор, который объяснит западному инвестору происходящее и подтвердит обоснованность рекомендаций моей инвесткомпания о приобретении данных акций по этой, не скрою, высокой цене.

— Георгий Иванович... Оставим пока в стороне моральный аспект проблемы. При продолжающемся росте капитализации долгосрочный инвестор через год отобьет даже завышенные вами цены вдвое.

— Верно, Никита! — Черносвитову явно понравилось, что понятливый юрист грамотно отвел от него обвинение в манипуляции ценами и введении клиента в заблуждение.

— Если брать описанный случай с заводом, то есть еще две проблемы.

— Какие?

— Во-первых, какой же я независимый директор, если в глазах всех являюсь частью команды прежнего собственника?

— Ну, это дело поправимое. «Кавалергарда век недолог», сегодня он в императорской свите, а завтра присягает на верность новому наследнику престола. Вторая проблема?

— Вторая проблема — что будет, если такие, как Топ, собственники не согласятся на ваши условия и откажутся продаться портфельному инвестору.

— Ах-ха-ха, — казалось, Черносвитов проглотил первую пришедшую ему на ум реплику и теперь пытался сформулировать приемлемый ответ. — Тут возможны разные варианты. Одно я тебе скажу с уверенностью. Неэффективный собственник должен уступить место эффективному. Даже если это произойдет путем враждебного поглощения.

— То есть такой собственник — враг? А если враг не сдается, его уничтожают?

— Никита, я немножко утомился от обилия литературных цитат. А через шесть минут, если верить моему ежедневнику, ко

мне придут гости из японского фонда открытых инвестиций. Давай договоримся так: ты готовишь свое резюме и присылаешь мне не позднее вторника. В резюме постарайся подробно описать круг подвластных тебе задач и направлений и характер твоей последней работы у Топа. Я проведу твою кандидатуру через совет директоров нашей компании, и, если повезет, вскоре ты получишь от нас первое предложение. Об одном только прошу, — Черносвитов особо обаятельно улыбнулся и снова обрел сходство с портретом 10-летней давности, — о нашем конфиденциальном разговоре и о самом факте встречи Топу ни слова. Он, видишь ли, почему-то не любит тех, кто выстраивает себе карьеру.

От этих слов Никиту обдало жаром.

Из записей Никиты:

Русская очередь.

То ли ЖЭК, то ли банк, то ли больница, то ли посольство. А и не важно кто.

Пополз слух, что расстреливают не перешедших на новый образец в ближайший понедельник (а не с первого января через год). И набежала толпа старушек перед смертью сменить розовую бумажку на сине-зеленую. В 8.00 занимают места, перекликаются, спрессовываются в морозном стойбище на подходе к заветной сверхпрочной узенькой дверце. В 9.05 стадо в сто соток голов вдавливается в 20-метровый накопитель, откуда струйками по 10–20 человек запускают во внутренние покои, где дают талончики с указанием времени, когда будет оказана честь приема. В 39-градусном грипповом мареве Никита видит зады, фалды, руки просителей, промельки чиновниц, механическое мельтешение ремонтных рабочих. Хозяин крупнейшего ресторана города, бывший афганец-десантник Заремба, вызван к Самой начальнице и стоит как проситель, переминаясь с ноги на ногу. Бабка-партизанка пытается расколоматить стеклянную перегородку, вызывая на дуэль самую скандальную из канцелярш. Восточный проситель перед кабинетом снимает с лица сытое самодовольство и надевает маску угодничества. Ветеран

необъявленной войны, предъявив толпе льготный документ, с трудом спасается от линчевания. Сумасшедшая митингует: «У Христа все было бесплатно, за что же здесь деньги берут?»

Собрав особенно едкую и полнокровную толпу, столоначальники проделали однажды совсем новый фокус. Заявили, что у них начался ремонт, и продемонстрировали публике ободранные стены и сиротливо перемещенные в коридор фикусы. Тогда кто-то накапал властям города, и Саму заставили до вечера принимать весь народ прямо на крыльце резиденции. В другой раз, неся обычную благодарность, Никита столкнулся с тем, что бутылка не пролазит в свежевыделанную щель между стеклом и бетоном — чиновниц накануне пересадили в новые, более прочные камеры.

Закон правит бал до того сумбурно и бесстрастно, что поневоле проголосуешь за беззаконие, за панибратское телефонное право, за живых пьянчуг вместо манекенов.

«А в соседнем районе то же самое, но еще на свете экономят, лампочки в отстойнике вполнеакала горят, — шамкает беззубая соседка по несчастью, — чуть себе ноги не переломала, когда справляла свидетельство по смерти супруга».

Долготерпцы обитают на этой части глобуса.

ГЛАВА 12

ПЕРЕПРАВА

«Прокладка пути — две дальнобойные фигуры соперников одна за другой двигаются по одной и той же линии; прокладывающая фигура принимает активное участие в борьбе».

(Николай Зелепукин. Словарь шахматной композиции.)

-Игорь Иванович, не переживайте, я бы вас не дергал без денег, — Василий старался улыбаться как можно шире, глядя в глаза собеседнику. Когда-то, еще учась в одиннадцатом классе, Панов собирался стать контрразведчиком и даже готовился поступать в академию ФСК1. Чтобы выглядеть достойно на фоне остальных абитуриентов, он даже занялся спортом и начал почитать специальную литературу. Однако пыл пламенного контрразведчика был несколько остужен информацией о том, что настоящий сотрудник трехбуквенного ведомства должен иметь идеальное зрение, а Василий со своей небольшой близорукостью медкомиссию сможет пройти только при наличии папы генерала или, на худой конец, полковника. Папа генерал так и не нашелся, так что пришлось штурмовать обычный юрфак второстепенного московского ВУЗа. Однако знания, почерпнутые в книжках про чекистов, часто помогали в жизни. Одно из правил, которое усвоил Василий — никогда не опускать глаза первым в зрительной дуэли с собеседником. На этот раз поединок прервала официантка, не собиравшаяся вникать в шпионские игры, а потребовавшая сделать наконец заказ. Со-

¹ Федеральная служба контрразведки.

беседники попросили принести заварного чая и вернулись к беседе.

— Я понимаю вас, Василий Алексеевич, но и вы поймите нас правильно. Нам необходима определенность, а не регулярные обещания, — собеседник Василия, мужчина лет сорока пяти, убедился, что официантка отошла на большое расстояние.

— Буквально два часа назад я окончательно договорился с заказчиком и получил необходимую для начала работы сумму, так что мы с вами можем уже сейчас начать сотрудничество.

— А не боитесь, Василий Алексеевич, с крупными суммами денег по улицам ходить? Ведь мало ли что может случиться, — Игорь Иванович недобро улыбнулся.

— В одиночку я с такими суммами не хожу и, прежде чем ехать на встречу, всегда стараюсь положить деньги в укромное место, — Василий, конечно же, врал: он еле-еле успел на встречу с этим бывшим кагэбэшником, какое уж тут укромное место, они в портфеле лежат.

Обменявшись любезностями, партнеры наконец-то пришли к соглашению по всем пунктам. Василий знал Игоря Ивановича Бузькова уже года три. Не раз работали на проектах. Несмотря на язвительность, Игорь Иванович был надежным партнером, который никогда не сольет информацию, не утаит важные сведения и не станет воровать выделенные на реализацию проекта деньги. Он пообещал предоставить максимально полное досье по заводу примерно через неделю. Очень важно было достать не общие сведения, типа, 10% акций у работников завода, 60% у директора, а 30% непонятно у кого, а конкретику — реестр акционеров на ближайшую дату. Игорь Иванович пообещал помочь и с конкретикой. Панову также хотелось склонить кого-нибудь из топ-менеджеров на свою сторону, поэтому он попросил обратить внимание на возможность вербовки членов органов управления. Игорь Иванович воспринял эту просьбу без энтузиазма, потому что очень не любил проводить подобные мероприятия, хотя и понимал, что, если у Василия будет свой человек внутри структуры, работать станет намного легче.

— Как информацию планируете доставать? Я имею в виду не открытые источники и агентурные сведения, — улыбнулся Василий, — снова ласточку пошлете?

— В этот раз уж как-нибудь обойдемся, а что вас это интересует? Хотите, пришлем, и не одну, — съехидничал Бузьков.

— Да нет уж, спасибо, потерплю, — Василий специально напомнил эту забавную историю, давая понять собеседнику степень своей осведомленности о его провалах.

Дело было так. На одном из проектов нужно было разговаривать владельца одного небольшого проектного института. В принципе, требовалось узнать одну вещь: есть ли у акционера компаньон, или он работает один. На тот момент это было очень важно. Дело в том, что акционер, он же директор, уже готов был сдать на милость победителей, однако никак не соглашался на цену, предложенную корпоративными агрессорами. Просил три с половиной миллиона вместо трех. При этом он утверждал, что от понижения цены его удерживает некий единственный партнер, проживающий в Лондоне. Все это слишком смахивало на блеф, информация требовала проверки.

Игорь Иванович решил пойти по старой, проторенной еще библейскими персонажами, тропинке (вспомним того же Самсона). Короче, нашли смазливую девочку, познакомили ее с объектом и стали ждать, когда ей удастся выведать его заветную тайну. Однако до тайны дело не дошло. Директор пообщался с девушкой один раз, потерял к ней всякий интерес, зато успел получить неприличную болезнь. Директор, как человек бывалый, с этим уже сталкивался, но вот незадача, на свою голову или еще какой орган, успел он заразить любимую и единственную супругу. В общем, грянул скандал, жена решила разводиться, из Владивостока приехали ее сестры, начали стыдить непутевого мужа, а тут еще акции надо продавать. Директор окончательно утомился от житейских неурядиц и бремени деловых решений и вызвал своего партнера из Лондона (так и выяснилось, что он все-таки существовал). Переговоры были временно приостановлены, компаньон вник в дела и вскоре продал контрольный пакет акций другим инвесторам. Что характерно, не за три и не за три с половиной миллиона американских рублей, а за семь. Такое вот влияние венерических заболеваний на корпоративные войны. Игорь Иванович сделал вывод из всей этой истории и больше никаких ласточек, без предварительной проверки в дружественной клинике, к работе не привлекал.

Предоплату за поиск информации Игорь Иванович категорически отказался получать в кафе, поэтому Василию пришлось проводить его до своей «Волги», где и состоялась передача денежных средств. Работа над проектом набирала обороты.

Василий с укором смотрел на Алика. Водитель ощущал недобрый взгляд шефа своей гладко выбритой щекой, однако это не мешало ему читать гламурный питерский журнал «Собака», принесенный в офис Светой. Автомобиль уже пятнадцать минут стоял в пробке на подмосковной трассе областного значения. С пригорка, на котором стояла «Волга», было хорошо видно, что все дело в мосте через реку, вернее, в отсутствии отдельных его частей.

Несколько дней спустя в «Николаевском луче» Алик прочитает, что причиной обрушения моста явилась отнюдь не ветхость и отсутствие капитального ремонта, а резонансное колебание почвы, вызванное вводом в эксплуатацию нового цеха Николаевского машиностроительного завода. Алик сразу же поделится информацией с Василием, но тот лишь отмахнется, сказав: «Знаю я. Думаешь, кто фэбулу придумал? Ну, скажи мне, какой мост обвалится из-за заводского цеха? На первый взгляд бред, а ведь люди верят».

Но это будет в пятницу. А сейчас, в понедельник, машина Панова стоит в пробке. Алик уже успел сходить к реке, где начали кучковаться водители. Выяснилось, что авария не так страшна, как могло показаться на первый взгляд. Обрушилась какая-то важная балка, но ездить по мосту можно. Уже приехали дорожные рабочие и главный инженер какой-то организации с длинным и витиеватым названием. Теперь все ждали гаишников и районного начальства. По слухам, циркулировавшим среди водителей, мост должны были вот-вот открыть. Алик добросовестно передал информацию шефу, и они стали ждать открытия моста.

Прошел час. Василий нервно барабанил пальцами по пластмассовой ручке двери и терзал недовольным взглядом горделивый профиль водителя. Радио из-за слабого сигнала было совершенно бесполезно, кассет у Алика не было. Засада!!! Оставался еще один вариант умерщвления времени — шахматы. В портфеле Василия всегда лежала маленькая коробочка с черно-белыми

фигурками. Иногда шахматы помогали заводить знакомства в самолетах, поездах и даже очередях в высокие государственные кабинеты. Несколько раз в жизни Панову приходилось играть на деньги, причем, в основном, он выигрывал. Однако сейчас продемонстрировать свои таланты не было никакой возможности. Алик, заглушив мотор, с каким-то маниакальным интересом разглядывал маленькие фотографии посетителей клубных тусовок Санкт-Петербурга, словно пытаясь отыскать там себя или своих знакомых.

Василий сделал несколько звонков по телефону, перенес встречу в Николаевске на неопределенный срок. Крайний вариант, игрушки на телефоне, был с негодованием отмечен. Панов полез было в портфель, надеясь найти там хоть какие-то читабельные документы, но все тщетно, удалось отыскать только ключи от дома, паспорт и удостоверение кандидата в мастера спорта. Люди несведущие полагали, что Василий получил КМСа за стратегическое видение и комплексное мышление, которое необходимо в шахматах. Молодой человек их не разочаровывал, хотя про себя вспоминал бесконечные прыжки на батуте и построение безумных пирамид. Василий с детства занимался акробатикой, за что и получил столь почетное звание.

— Вот что, Алик, — Василий кинул портфель на заднее сиденье и открыл дверь, — ухожу я от тебя. Пойду, погуляю, воздухом подышу. Шахматы возьму с собой: может, кто-нибудь из пробки сыграет.

Алик, не отрываясь от светской хроники, облегченно кивнул. Барин будет гневаться в другом месте, не вторгаясь в личное пространство своего кучера.

Василий пошел вдоль длинной вереницы автомобилей. Кто-то из соседей по пробке вышел на дорогу и нервно кричал в телефон про какую-то красную папку, стоявшую на верхней полке, кто-то, наоборот, молча курил, равнодушно сплевывая на асфальт. Пройдя еще немного вперед, Василий развернулся и пошел в обратную сторону, держа перед собой шахматную коробочку. Он надеялся, что хоть кто-нибудь да изъявит желание сыграть с ним несколько партий. Однако все вышло по-другому. Обитатели автомобилей лениво скользили взглядами по проходящему мимо молодому человеку, никак не реагируя на

его дружелюбную улыбку. Только один пожилой дядька, с надрывом покрутив ручку, открывающую боковое окно старенького «Москвича», попросил Василия показать шахматы и, внимательно разглядев клетку и фигурки, задал всего один вопрос: «Сколько денег?».

— В смысле? — не понял вопроса Василий.

— Сколько твои шахматы стоят? — проскрипел мужичок.

Василий, ошарашенный внезапным объяснением равнодушного отношения обитателей «пробки» к его предложению сыграть в шахматы, вырвал у собеседника заветную коробочку и, буркнув что-то типа «передумал», зашагал к своей машине.

Однако он не успел еще дойти до машины, когда почувствовал, что кто-то дернул его за рукав. «Вот ведь настырный хмырь!»

— Не продается, — кинул Василий через плечо.

— Прошу прощения, — вежливый голос мало походил на скрипучие звуки, издаваемые владельцем «Москвича».

Василий обернулся и увидел перед собой молодого человека года на три-четыре постарше себя.

— Я готов сыграть с вами партию, — произнес незнакомец.

— А почему вы решили, что я ищу партнера по шахматам? — Василий был раздражен произошедшим недоразумением и недружелюбно смотрел на собеседника. — Может, я игры продаю: шахматы, шашки, домино?

— Маловероятно. — Молодой человек улыбнулся и поправил очки. — Я никогда не видел дорожных торговцев, одевающихся в дорогие костюмы президентского цвета. Кроме того, у вас ботинки чистые, а если бы вы продавали здесь свои шахматы уже давно, намотав с начала дня уже несколько километров, они бы непременно запылилась. К тому же, здесь пробок обычно не бывает, так что место, с точки зрения торговли, мертвое. Так что, сыграем?

— Давайте попробуем. Меня Василий зовут, а вас? — Панов протянул руку будущему сопернику.

— Никита.

Молодые люди пожали друг другу руки.

Андрэ Лиликталь был одноклассником главного венгерского коммуниста 50-х–90-х Яноша Кадара. Андрэ Лиликталь был кра-

савцем-мужчиной, звездой первого звукового кино и претендентом на звание чемпиона мира по шахматам в середине 30-х. Я обыграл его, смущенного, но деятельного старичка, в сеансе одновременной игры в 15 лет в 1989-м году в Доме архитектора на Щусева в голландской защите черными в 25 ходов! Уфф, какой забавный русский язык; правда, венгерский еще зубодробительнее.

— Где расположимся? — спросил Василий и внимательно посмотрел в глаза собеседника.

— Где вам будет удобнее. Мой автомобиль довольно далеко остался, больно уж быстро вы убежали, я с собой никаких вещей не успел взять, даже сотовый оставил в машине. — Никита улыбнулся.

— Бывает, — Василий забыл о том, что нужно контролировать продолжительность взгляда и отвел глаза, покачав головой, — пойдете к моей машине, там найдем, где расположиться.

Пять минут спустя молодые люди в задумчивости склонились над капотом черной «Волги». Фигуры неторопливо передвигались по шахматной доске, причудливо выстраивая хитрые комбинации.

Василий довольно быстро понял, что ему попался необычный соперник. Хотя этого и следовало ожидать, все-таки он единственный из «пробки» вызвался играть.

Когда Василий зажал в кулаках две пешки разного цвета, Никита, не думая, указал на правый кулак. Ему достались белые. Соперники не удивились. Жребий пометил их правильно. Это где-нибудь в Африке белый является цветом смерти (наверно, после набегов колонизаторов и прочих разных носителей цивилизации), а черный цвет, само собой, считается цветом добра. Люди европейской культуры, напротив, ассоциируют белый цвет с добром, а черный, цвет кожи и одновременно цвет души мавра Отелло — со злом и нечистью.

Молодые люди не знали друг друга и поэтому не могли почувствовать символизм сцены. Само провидение велело корпоративному защитнику Никите выбрать для своих фигур белые одежды, а корпоративному разбойнику Василию избрать темные цвета. С другой стороны, по законам шахматной игры, бе-

лые обладают значительной атакующей инициативой. Черные половину партии вынуждены пассивно защищаться. Так, кстати, и произошло в исследуемой нами партии. С этой позиции, ролевое распределение двух соперников в жизни и в шахматной партии не совпало с точностью до наоборот.

Молодые люди оказались в курсе новейших достижений в области латышского гамбита. Гамбитом называется шахматное начало, в котором одна из сторон для выигрыша в развитии или просто для обострения игры, жертвует ценные активы: пешки или даже фигуры. Так и поступил хитромудрый Василий.

1. e4 e5. 2. Kf3 f5. 3. К : e5 Фf6.

Наученный жизненным опытом, Никита не стал жлобствовать и тут же вернул сопернику пожертвованное, наверстывая упущенные темпы.

4. d4 d6. 5. К c4 fe.

Здесь Никита применил домашнюю заготовку.

6. Ce2.

«Эге-ге, — подумал Панов, — этот ход неспроста. В дальнейшей игре у белых явно припасено какое-то ядовитое ответвление от изученных вариантов».

6...Фd8. 7. O-O Kf6. 8. f3!¹

Эта сильная новинка меняет оценку позиции.

8. ... ef. 9. С : f3 С e7. 10. Ch5!

Белые вскрывают позицию и, пользуясь перевесом в развитии, создают слабости в обороне противника.

10. ... g6. 11. Cf3 d5?!² 12. Ke5 c6.

А здесь черным уже следовало решиться на короткую рокировку.

13. Ch6 Cf5?! 14. g4! Ce4. 15. g5! Kfd7.

Нахрапом обрушить оборону противника белым, кажется, не удалось, соперники перешли к вязкому противостоянию, когда непонятно преимущество ни одной из сторон. Изредка из автомобиля вылезал Алик, обмахивался журналом и внимательно смотрел на мост. Убедившись, что ситуация не изменилась, он возвращался в машину, громко хлопая дверью, отчего

¹ В шахматной терминологии так обозначается сильный ход.

² А так в шахматной терминологии обозначается ход сомнительного достоинства

легкая шахматная доска, вздрогнув, поднималась над капотом. За все время игры соперники не обменялись даже дежурными фразами. Игра полностью поглотила их внимание. Однако доиграть шахматную партию было не суждено. Стоявшая впереди «Волги» «Mazda» медленно тронулась, движение было восстановлено. В следующую минуту Алик повернул ключ зажигания, давая понять шефу, что игра игрой, а ехать надо.

— Ну что, уважаемый, предлагаю прерваться, ходы я запомнил, свидимся, доиграем. — Василий быстро собрал примагнитившиеся к капоту съеденные фигурки, взял доску и подмигнул своему противнику.

— Очень жаль. — Было видно, что Никита никак не ожидал такой развязки шахматной партии и теперь в растерянности смотрел, как Василий сел в машину и медленно поехал в сторону Николаевска. Окончательно очнувшись и сообразив, что шахматная партия осталась в иной реальности, он побрел к мосту, надеясь отыскать там свою машину.

А Панову вспомнился Сашка Рыбаков. Он был первым из череды пановских спарринг-партнеров или двойников. По теории Василия, это спутники, которых дает судьба, чтобы они часть жизненного пути прошли рядом с тобой, не обгоняя и не вырываясь вперед, а потом незаметно оставили тебя, передали на попечение следующему. Рыжий и веснучатый, буколический пастушок из пасторали, Рыбаков не переносил тополей и тимофеевки, в мае аллергия гнала его загород и не давала сдавать экзамены. С ним всегда можно было продолжить теоретическую дискуссию в волжском гамбите, защите Бенони, стариндийском начале или сицилианке с 3. Св5. Сашка был талантливее Василия, но всегда ему проигрывал. Панову стиль ремесленника доставлял особое удовольствие. Мучить умника Рыбакова, находя изъяны в его отчаянно красивых комбинациях. Закончил Сашка свое оформление нетривиально: поступил таки в институт физкультуры и стал шахматным тренером. Бедняга, он так и не узнал, что жизнь готовила новые поля для баталий, где черное и белое неразличимы.

ЧАСТЬ III

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

ГЛАВА 13

ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ ОЖИВЛЕНИЯ

*«Здесь обнаруживается ошибочность предпринятой
белыми системы развития — черные пешки начина-
ют действовать на наши силы демобилизующим
образом».*

(Арон Нимцович)

Андрей Кадышев ненавидел Москву. Это было осознанное и укуоренившееся за последний год чувство. Он ненавидел бесконечные пробки на Волгоградском проспекте, хитрых официантов, не приносящих сдачу меньше десяти рублей, развязную и чересчур самоуверенную московскую молодежь, в большом количестве встречавшуюся в районе Пушкинской площади, Александровского сада и ночных клубов. Еще Андрей ненавидел ГАИшников, постоянно тормозивших его ярко-желтый Mitsubishi Libero и называвших его автомобиль подгузником. Андрей сам не слышал, но был уверен, что именно так его и называют, а как же иначе? Из-за этого Кадышев испытывал самые черные чувства и к своей машине, доставшейся ему на халюву от двоюродного брата, уехавшего учиться в Штаты. Андрей приехал в Москву из Петербурга год назад. А пятью годами ранее он прибыл в Петербург из своего родного города Пскова и поступил на юридический факультет в Институт правоведения и предпринимательства. Конечно, Андрею хотелось учиться в СпбГУ, что говорить, школа права там была на высоком уровне. Но судьба распорядилась иначе, никому Андрюха Кадышев из Псковской губернии в столичном университете был не нужен. В приемной комиссии знающие люди объяснили зе-

леному мальчонке, что здесь он только время потеряет, так что для него лучше поступать, куда попроще. Андрей решил не упорствовать и отказался от своей школьной мечты. После окончания института перед ним встал выбор: либо возвращаться домой и работать юрисконсультom на каком-нибудь ОАО «Вторсырбыр», либо окончательно отрываться от корней и оставаться на чужбине. Андрей выбрал третий путь. Он не захотел работать в Петербурге. Зачем, если зарплаты от псковских отличаются всего раза в полтора, никого из знакомых (кроме институтских шалопаев) в Питере нет, да и квартирой не обзавелся? Какой смысл сидеть в грязном унылом городе и надеяться, что тебя заметит и возьмет под крыло какой-нибудь преуспевающий адвокат? Сейчас! Так он и разбежался, этот адвокат. Скорее всего, под крыло его возьмет какой-нибудь аналог «Вторсырбыра», обеспечив нищенское существование на долгие годы вперед.

В общем, Андрей решил ехать в Москву. Тут как раз с девчонкой московской познакомился по аське. Сначала просто переписывались, потом стали перезваниваться, денег ушла уйма! В конце концов, выписавшись из общаги и потеряв хлявный Интернет, Андрей поехал в Москву. Через месяц он уже работал помощником адвоката и снимал комнату в коммуналке на улице Верхние Поля. С девчонкой он встретился, и, разумеется, она оказалась совсем не такой, какой ее рисовало воспаленное воображение молодого юриста. Хотя в Андрее девушка не разочаровалась. Но это его волновало меньше всего. Быстренько побродив с виртуальной поклонницей по Арбату, он клятвенно заверил ее, что ему нужно идти на собеседование и, обещав обязательно позвонить, нырнул в бездонную пещеру станции метро Арбатская. На следующий день Андрей сменил номер телефона, приобретя московскую симку. Что было потом, молодой человек вспоминал с неохотой и про свои первые места работы говорить не любил. Друзья знали лишь то, что сначала он поработал помощником адвоката, потом юристом в какой-то фирме. В 2004-м Андрей устроился на работу в компанию «Индиго», имея за спиной бесценный опыт нотариального удостоверения липовых доверенностей акционеров, разводки клиентов и освоения бюджета юридического отдела.

С каждой сменой работы Андрей все больше убеждался, что Москва не его город. Карьерные перспективы были туманны, финансовые горизонты расширяться отказывались, девчонки попадались все больше дуры, которые к тому же снимали квартиры с подругами. Как тут устраивать личную жизнь, если в коммуналке каждый чих Андрея контролировался хозяйкой, бабой Катей, живущей за стенкой? Хорошо хоть брат вовремя за границу намылится и оставил машину. Да только с таким девчачьим цветом, правым рулем, маленькими габаритами и язвительным названием много девчонок не закадришь, если только ночью на Ленинградке.

Короче говоря, Андрей все чаще пребывал в угрюмом состоянии и никак не мог найти работу по душе и по деньгам. Новый начальник Василий Панов сначала внушил ему уважение, все-таки ка мэ эс, а Андрей раньше занимался греко-римской борьбой. Но потом Кадышев в нем разочаровался. Мало того, что он при секретарше Светке оскорбил его машину, так еще и оказался фанатом шахмат, заставив однажды Андрея сыграть с ним партию. Андрей шахматы не любил, играть не умел и, в результате, получил детский мат и обидные слова начальника: «Андрей, хоть ты и пользуешься подгузником (это про машину Андрея!), но получать детский мат тебе должно быть стыдно».

Тем не менее, святая ненависть Андрея к месту своего обитания и к непосредственному боссу никак не сказывалась на его работе. Он не устраивал истерик, не портил нервы сослуживцам, он просто угрюмо взирал на действительность с не свойственным его возрасту настроением.

Вот и сегодняшний день не принес ничего, кроме нервотрепки и бестолковой беготни. Андрею предстояло встретиться с какой-то теткой, представляющей интересы бывших работников Николаевского завода. Панов поставил перед ним задачу: собрать фактуру и договориться о поездке к нотариусу, где все работники должны были выдать доверенности о представлении их интересов. Тетка, которую звали Анжела Романовна, назначила встречу на Мясницкой около Главпочтамта. Худшее место для парковки придумать было сложно, разве только Красная площадь. Андрей полчаса кружил по Бульварному кольцу, один раз проехал всю Мясницкую, но свободного места так и не отыс-

кал. Хорошо хоть на Лубянке каким-то чудом удалось втиснуться между двумя джипами. Чтобы не опоздать на встречу, ему пришлось сначала ускорить темп шага, а потом побежать. К счастью, Пятницкая опаздывала на встречу, и к ее приходу Андрей успел отдышаться.

— Вы, вероятно, Андрей, — фраза была сказана настолько мягко и неторопливо, что Кадышев даже не испугался, когда неожиданно услышал этот голос за спиной.

— Да, а вы?.. — Андрей повернулся и понял, что стоящая перед ним женщина и есть госпожа Пятницкая.

— Совершенно верно, Анжела Романовна. — Собеседница улыбнулась и протянула Андрею руку. Он впервые сталкивался с ситуацией, когда женщина старше его в несколько раз (точный возраст Пятницкой определить было трудно, с равной степенью вероятности она могла справиться и сороковой, и шестидесятый день рождения) протягивала ему руку. Андрей попытался вспомнить, что в подобной ситуации должен делать воспитанный юноша. Вспомнить не удалось. Он колебался между поцелуем руки и ответным рукопожатием. Когда Андрей уже хотел поцеловать руку и даже опустил голову, он вспомнил, что они на Мясницкой и вокруг ходит много людей, которые вряд ли адекватно оценят его действия. В связи с этим, он просто пожал протянутую руку.

— Где мы будем разговаривать? — молодой человек начал чувствовать неловкость, ему хотелось поскорее скрыться в уютной обстановке какого-нибудь кафе.

— Я думаю, на Чистых прудах. Давайте прогуляемся по аллее, дружок, — Анжела Романовна улыбнулась и, не дождавшись согласия Андрея, направилась в сторону пешеходного перехода.

Вскоре они уже неторопливо прогуливались по освещенным ярким полуденным солнцем аллеям центральной части Чистопрудного бульвара.

Какое счастье, что с нашими героями не было Панова! Ведь именно в это время на скамейке по четной стороне бульвара вольготно расположился человек, который доставил Василию Панову немало неприятных минут, осраив его перед спутницей. Этот человек был похож на типичного бича (бывшего ин-

теллигентного человека), поэтому Василий не почувствовал подвоха в предложении незнакомца сыграть «на десять рубчи-ков». После третьей выигранной партии тайный маэстро подытожил (и в его комплименте таилось для Василия большее оскорбление, чем в проигрыше, который еле превышал один американский доллар): «А знаете, девушка, этот ваш партнер (или любовник, или спонсор, уж не знаю, кто он вам) весьма сносно для любителя играет в шахматы».

Впрочем, Василию не икалось, когда бульварный психолог ленивым взглядом проводил разновозрастную пару, определенно не похожую на возможных клиентов, и вернулся к доске, где как раз провел остроумную жертву пешки.

— Какое все-таки изумительное изобретение — компьютер! Андрей, ведь если бы не он, мы бы с вами сейчас не разговаривали.

— Да не столько компьютер, дело ведь в Интернете.

— Можно и так сказать. Я в этих вещах не разбираюсь. Даже когда к нам на завод стали ставить эти ящики с кнопками, я учиться отказалась. Конечно, это интересно, но мне было как-то не по себе доверять важные документы железяке. Поэтому все архивы я вела вручную, правда где-то за два месяца до, — Анжела Романовна сделала паузу, видимо, подбирая нужное слово, — моего ухода, Леночка, мой заместитель, потихоньку стала все в компьютер заносить. Вы не поверите, прошло полгода, а я все никак не могу поверить, что больше не работаю на заводе. Понимаете, Андрей, Николаевский завод — это все для меня. Я никогда не думала, что со мной могут так поступить. Вот вы сами подумайте, этот выскочка Бiryюков, этот советник по юридическим вопросам! Прошу меня извинить, я слишком эмоциональна. Он стал мне указывать, как заполнять трудовые книжки. Андрей, я работаю в отделе кадров двадцать лет, и семь из них я его возглавляла. Вот скажите, как можно не принимать на работу председателя совета директоров, если у нас эта должность есть в штатном расписании, мы платим человеку зарплату, ему идет стаж. А этот фанфарон Бiryюков говорит, что председатель — не работник завода. Как это не работник, он же председатель! Конечно, я пошла на принцип, а этот негодяй рванул к немцу, нажаловался, и вот... — Пятницкая замолчала.

— Анжела Романовна, не расстраивайтесь, все будет хорошо. Вы вот работу уже начали искать в Интернете, резюме у вас хорошее, я вас по нему и нашел. — Андрей пытался успокоить разволновавшуюся собеседницу.

— Спасибо, Андрюшенька, спасибо! Хотя вы меня поддерживаете в эту трудную минуту!

Как это ни удивительно, но Кадышев действительно нашел Пятницкую по Интернету. Дело в том, что Василий Панов, собрав юристов на планерку, поставил задачу собрать максимум информации по Николаевскому заводу. Перерабатывая информацию, Андрей наткнулся на резюме Пятницкой на сайте поиска работы. Сказать по правде, резюме было отвратительное, неумудрено, что Анжела Романовна до сих пор не нашла работу. Однако для Андрея одна строчка резюме была поистине бесценной: «1997-2004 гг. — начальник отдела кадров ОАО «Николаевский машиностроительный завод». Узнав о находке Андрея, Василий попросил его связаться с женщиной и выяснить о заводе и ситуации вокруг него как можно больше. Именно поэтому Андрею пришлось около двух часов нарезать круги по аллеям Чистопрудного бульвара, поддерживать разговор и стараться завербовать общительную собеседницу.

— Андрюшенька, вы совершенно правы, с приходом немчуры завод только пострадал. Раньше у нас были заказы, а теперь... Одно слово у всех на языках — склады. Забывают только одно, чтобы что-то складировать, это что-то нужно произвести, а они этого делать не умеют.

— Анжела Романовна, а команда Топа акции скупала?

— Нет, вернее чуть-чуть. Все что можно было, еще раньше скупали. Знаете, какие битвы были! А потом пришел Топ и пытался еще докупить. Я слышала, он хотел все сто процентов купить. Зачем же ему столько, Андрей?

— Цели разные бывают, Анжела Романовна. Может они хотели преобразоваться в общество с ограниченной ответственностью, может еще что-нибудь.

Потом Андрей долго и деликатно расспрашивал Пятницкую о том, как скупались акции. Услышанное его потрясло. Оказалось, организаторы скупки практически в приказном порядке заставляли акционеров продавать акции, причем цена

была в несколько раз ниже той, которую предлагали во время предыдущей скупки. Конечно, рабочих это не радовало, некоторые пробовали выступать, но их очень быстро осадили: троих лишили премии, а двоих уволили. Анжела Романовна припомнила, что лично составляла приказы об увольнении этих людей. Но главной удачей было даже не это, мало ли за что уволили непутевых рабочих. Настоящим достижением Андрея было то, что Пятницкая вспомнила о существовании некоего приказа, в котором что-то говорилось об организации скупки акций. Затем Андрей попытался объяснить Анжеле Романовне цель их встречи. Он изложил ей версию, придуманную Пановым: есть люди, связанные с высшим руководством Москвы и области, которые очень недовольны деятельностью граждан иностранных государств на территории Николаевска. В настоящее время ведется работа по привлечению нового инвестора на Николаевский завод. Разумеется, Андрей говорил это своими словами, получилось не очень складно и кратко, но, тем не менее, основной смысл Анжела Романовна уловила — она не одна в своем неприятии Топа. Кроме того, за всестороннее содействие ей была обещана материальная компенсация. Распрощавшись с Пятницкой, Андрей поспешил к своему автомобилю, чтобы уже через час предстать перед Пановым.

Василий оценил достижения юриста:

— Так держать, Андрей! Молодчина! Говоришь, у нее есть доступ ко всем трудовым архивам? Тогда слушай, ты ей сейчас обязательно позвони и попроси, чтобы она, прежде всего, приготовила оригинал приказа, по которому организовывалась скупка. Я сомневаюсь, что там будет интересная информация, ну не дураки же они, хотя, ты знаешь, на больших предприятиях много чего глупого бывает. Потом возьми побольше приказов об увольнениях в период скупки и выясни, реально ли договориться с этими людьми, чтобы они стали просить о восстановлении на работе, заявления в ментовку и прокуратуру писать. Короче, понял?

— Да.

— Вот еще что. Слушай, когда вы там по аллее бродили, не видел мужика с шахматной доской на скамейке? Такой неопрятный, полупьяный. Он на деньги играет: рублей десять, что ли,

партия. Нет? Значит, отходил куда-нибудь, или ты не обратил внимания. Короче я у него выиграть не могу. Хотя я играю на уровне кандидата в мастера. Значит он мастер спорта. Блин, такой лукавый дядька! Ясно же, что фактически попрошайничает, но ведь ты ему даешь деньги за то, что он тебя поимеет. Вот чему надо учиться! Иметь других за их же деньги, причем они должны думать, по крайней мере, в начале, что они тебя облагодетельствовали. Ну что, все у тебя?

— Нет, еще один момент. Мы же с теткой в кафе ходили, ну там она покушала, в общем, на полторы тысячи посидели. Вот счет.

— Ага. Давай сюда чек. Держи, вот полторашка. Давай звони скорее.

Андрей вышел из кабинета босса, сжимая в руке две заветные купюры. Мелочь, а приятно. Никуда он не ходил с этой престарелой теткой. На Мясницкой у него официантка работает знакомая, какой хочешь, счет нарисует. Что касается угрызений совести, они Андрея не тревожили, ведь он был уверен, что шеф снимает с клиентов во много раз больше, чем платит своим сотрудникам.

— Короче, фактура вырисовывается сладкая. Я даже сам не ожидал. Читай, читай, Олег, — Андрей, улыбаясь, смотрел на своего сослуживца.

— Читаю, если настаиваешь: «На основании решения совета директоров, установить следующий график продажи акций ОАО «Николаевский машиностроительный завод» сотрудниками подразделений...» Ну, это читать не буду, слишком много тут всяких цехов и лабораторий. Ага, вот: «В случае нарушения указанного выше графика, либо отказа присутствовать виновные лица подлежат привлечению к дисциплинарной ответственности, а также лишению премии в размере 50% месячной оплаты труда. Генеральный директор Отто Юльевич Шмидт». Всё!

— Какой Шмидт? Ты чего несешь?

— Да ладно, шучу, — засмеялся Олег. — Что, испугался? Николай Оттович Топ, все нормально.

— Смотри, вот еще приказы об увольнении. Олег, в общем, нужно написать заявление о возбуждении уголовного дела. Ну,

как ты умеешь. Ты же у нас тут по судам и прочей процессуальной фигне. Уголовку нужно подводить под Топа.

— Ты его сажать, что ли, собираешься? — почему-то нахмурился Олег.

— Это уж как у заказчика бюджета хватит.

— Блин, круто вы взялись, ребята. Нельзя более мирные пути выбрать?

— Ну не мы же решаем, что и как делать.

— Согласен, но без передачи Панову я тебе, Дюша, скажу, что мне противно этим заниматься. Нормальный мужик, а мы его уголовкой.

— Слушай, кончай! Пиши давай, а я пока вон к борьбе с бешенством буду готовиться. Почитаю хоть, что там пишут.

— Зачем тебе это? — Олег выглядел удивленным.

— Да мы тут затеяли небольшой рейд в стан врага. Точнее, затеял Вася, а я буду одним из исполнителей. Глава города объявил борьбу с бешенством, а мы под это дело на завод зайдем. Если честно, территорию завода в постановление включили по наводке Панова. Мы на заводе все пофоткаем, расположение выясним. На вот, почитай:

ГЛАВА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРНЫЙ РАЙОН»
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 10 июля 2004 г. N 3489

О НАЛОЖЕНИИ КАРАНТИНА
ПО БЕШЕНСТВУ ДОМАШНИХ КОШЕК
НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА НИКОЛАЕВСКА

В связи с возникновением бешенства среди домашних кошек в ряде населенных пунктов Северного района (экспертиза N 777 от 15.06.2004 Лавской ветлаборатории) постановляю:

1. Признать территорию, прилегающую к ОАО «Николаевский Машиностроительный Завод» (Ленинский район города Николаевска), неблагополучной по бешенству и

- наложить карантин. Населенные пункты: Хомячино, Толстяково, Мишкино, Топтыжино считать зоной, представляющей угрозу по бешенству.
2. Утвердить план мероприятий по ликвидации бешенства <*>.
 3. Главам администраций районов совместно с органами внутренних дел в 15-дневный срок организовать отлов бродячих, бесхозных собак и кошек.
 4. Главному госохотинспектору Северного района (В.И. Филин) совместно с обществом охотников (Г.В. Котов) организовать немедленный отстрел диких лис на территории Козлинского сельского округа.
 5. Главам администраций сельских округов, руководителям предприятий и организаций всех форм собственности неукоснительно оказывать содействие ветеринарной службе района в проведении вакцинации собак и кошек против бешенства.
 6. Опубликовать настоящее постановление в газете «Николаевский луч».
 7. Контроль за выполнением мероприятий по ликвидации бешенства возложить на главного госветинспектора Северного района В.П. Лыткина.

ГЛАВА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРНЫЙ РАЙОН»
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ФИО)

— Забавно, — произнес Олег. — Ну и что вы с этим делать будете?

— Все просто! Образовываем группу, там мент будет местный, ветеринар для достоверности и нас трое. В этом составе пойдем завод кошмарить. А чтобы нас уж точно пустили, Василий каких-то собачников пригласил, нам нужно, чтобы перед нашим приходом через проходную стая собак пронеслась. Хотели кошек, конечно, но эти заразы дрессировке слабо поддаются.

— А кто с тобой еще пойдет, кто эти двое засланных?

— Да это мутные какие-то. Другальки Панова. То ли бандиты, то ли еще кто, короче они нам поддержку по проекту обеспечивают.

— Ну, давайте, удачи там с котами, — улыбнулся Олег и углубился в документы.

ГЛАВА 14

СМЕШАЛИСЬ В КУЧУ КОНИ, ЛЮДИ...

«Кто атакует, тот ищет»

(Михаил Чигорин)

— Сахалин, сидеть! Кому сказал, зараза, — маленький мужичонка в старом спортивном костюме безуспешно тыкал ногой под брюхо мохнатой псине. — Это, мужики, он, когда сытый, плохо соображает, — растерянно твердил мужичонка.

— Ну он-то ладно, кобель все-таки, а ты чем думал? — к сутящемуся дрессировщику медленно подошел Вадик, парень лет тридцати пяти спортивного телосложения с колючими карими глазами. Андрею казалось, что при желании он мог бы взглядом сверлить дырки.

— Вадик, ну ёптить, подожди. Он отлежится, опять жрать захочет, и там все сделаем. Давай с остальными попробую...

— Слушай, Борь, ты перед кем тут выёживаешься? Ты на что подписывался? В глаза смотри, не отворачивайся, — молодой человек положил свою тяжелую ладонь на плечо дрессировщика, — ты мне сам по телефону сказал, что ты кинолог. Не гинеколог, не уролог, а кинолог — специалист по собакам. Какого хрена ты сотку взял? Ты чего втирал про цирк, где работал?

— Я работал у Дуровой, я там...

— Ты там! Блин! Куклачев собачий. Что с тобой делать? А? Веди других кобелей и показывай, что они могут. Мне не надо, чтобы они на батуте кувыркались, мне нужен их забег через проходную. Понятно? И чтобы разбежались на фиг. Чтобы мы могли инспектировать все.

Андрей с интересом наблюдал за происходящим. Его удивляло терпение, проявляемое Вадимом. Ведь это была уже третья вялая собака из тех, что сидели в стоящем неподалеку сарайчике. Борис был просто мелким жуликом, с радостью ухватившимся за предложение подзаработать на собачках. Познакомившись с Вадимом, он понял, что сто долларов — это не та сумма, из-за которой тот способен калечить или убивать, а кулаков он не боялся, в первый раз, что ли! Самое печальное, что Вадим это тоже понимал. Время поджимало, скоро нужно было выдвигаться на завод, поэтому оставалось только продолжать смотрины собачьей команды.

— Ну не мудака ли? — Вадим подошел к Андрею. — Я сам его спрашивал: «Ты дрессировщик?» Он все башкой кивал, какие-то корочки показывал, типа училище театральное закончил. Урррод, — последнее слово было произнесено с упором на букву «р», получилось, как будто Вадим рычит на пробегавшего мимо Сахалина.

Вообще идея была такая — протащить через главу, точнее через какого-то ведущего специалиста, николаевской администрации постановление о бешенстве домашних животных. Только вот исполнение деталей пробуксовывало. Андрей не сомневался, что проблема с дрессировщиком возникла исключительно по вине Вадима. Нужно было не по знакомым искать дрессировщика, а сходить в любой клуб собаководов или приют бездомных животных. Там бы нашелся и дрессировщик, и ветеринар, и даже говорящая собака. Но Вадик захотел дешево и сердито. Что ж, флаг ему в руки! Пусть теперь сам науськивает этих псин.

— Вадик, — вернулся Борис, таща на веревке огромного лохматого пса (смесь овчарки с водолазом) неистово упиравшегося всеми четырьмя лапами, — во, гляди, какой страшок!

Андрею надоело наблюдать за мучениями Вадика и Бориса, он тихо ушел к своей машине и, устроившись на переднем сиденье, стал изучать документы по Николаевскому заводу. Однако мысли о предстоящей операции не давали ему покоя. «Как же все-таки фигово получилось, что Василий доверил руководство операцией этому Вадиду! Он, конечно, парень неглупый и на своем уровне очень даже неплох, по крайней мере,

умеет решать поставленные задачи. Вот и сейчас, несмотря на косяк с собаками, он наверняка что-нибудь придумает», — думал Андрей. Так и произошло. Двадцать минут спустя Вадим установил, что сытых собак не бывает. Стая под предводительством Сахалина была готова бежать за любым, кто поманит мясными продуктами. В результате, решили, что Борис сядет с собаками в грузовую «газельку» и поедет к проходной. В руках у него будет колбаса, которую нельзя отдавать собакам даже при угрозе множественных укусов. За несколько метров до проходной Борис выйдет из машины и выпустит собачью стаю. После чего надо незаметно перебросить колбасу через проходную, чтобы собачки радостно побежали на территорию Николаевского завода.

Разумеется, все вышло немножко по-другому. На белой елживой «девятке» подъехал участковый с молоденькой девушкой-ветеринаром, Вадим с Андреем пересели к нему в машину, а Бориса с колбасой и собаками поместили в «газель». Прежде бесстрашный дрессировщик почему-то струсил, видимо, опасаясь, что его покусают. Подъехали к проходной: участковый медленно и лениво подошел к окошечку, вскоре подоспел и Вадим с заверенной копией постановления главы администрации. Разговаривая с охранником, они вдруг слышали отборный мат и недружелюбное собачье рычание со стороны переулка, где была оставлена «газелька». Андрей, стоявший около машины, обернулся и замер, пораженный увиденным. По направлению к проходной, прямо посередине дороги, энергично ковылял Борис, вокруг него с радостным лаем и рычанием сгрудились собаки. Грозный Сахалин бежал во главе процессии, постоянно оглядываясь на Бориса, видимо, чтобы удостовериться, что тот никуда не исчез. На левой руке дрессировщика, поближе к локтю, висела маленькая рыжая собачка, крепко зажав челюстями конечность непутевого укротителя. В правой руке Борис сжимал остатки колбасы, из-за которых и происходила битва. Приближавшуюся процессию заметили охранники; один из них даже выбежал из будки. Вадик воспользовался замешательством чоповцев и начал энергично им что-то объяснять. До Андрея изредка долетали обрывки фраз: «общественная угроза», «всех перекусают» и «сдохнешь от бешенства на своей проходной».

Процессия приблизилась вплотную к шлагбауму. Борис, вместо того, чтобы кинуть колбасу на территорию завода, крикнул: «Уйди, сука», оттолкнул охранника и, нырнув под шлагбаум, побежал куда-то по заводской аллее. Собачья свора последовала за ним. Охранник понял, что ситуация вышла из-под контроля. Приняв во внимание слова Вадима, пообещавшего, что скоро от бешенства сдохнет Борис, а потом и добрая половина работников завода, он открыл шлагбаум.

Согласно официальной версии, группа под руководством Вадима отловом бродячих собак не занималась. В ее задачи входил сбор информации о наиболее опасных районах, где обитали бродячие животные, и проверка, есть ли среди них больные бешенством. Со стороны казалось, что именно этим они и занимаются. Молодые люди ходили между корпусами, что-то фотографировали и записывали в блокнотики. Между тем, борцы с бешенством были озабочены совсем другими вещами: расположением корпусов, наличием охраны в отдельных зданиях и т.п.

Через полчаса удалось отыскать Бориса. Как выяснилось, оказавшись на территории завода, он бросил колбасу недружелюбно настроенным собакам и, воспользовавшись замешательством в стане врага, сбежал к машине. К счастью, в «девятке» оказалась аптечка. Борис усадили на заднее сиденье, кое-как забинтовали руку и приказали не высовываться на случай, если собаки вдруг набегут с какими-нибудь нехорошими намерениями. Потом, когда уже выехали с территории комбината и распрощались с участковым и ветеринаром, Борис начал хныкать и требовать повышения выплат, утверждая, что на несколько месяцев потерял трудоспособность. Вадим взглянул на покусанную руку, на то, как непринужденно Борис держит ею сигаретку, и коротко бросил: «Фигня. Держи то, на что договаривались, и иди отсюда, Куклачев». Борис обиженно забрал деньги и зашагал к ближайшей остановке. Несколько минут спустя со стороны завода показался Сахалин. Даже не удостоив взглядом Вадима и Андрея, стоявших рядом с «газелью», он направился вслед за Борисом. Вадим посмотрел на собаку, выругался себе под нос и кивнул Андрею, давая знать, что пора садиться в машину. Нужно было возвращаться к месту сбора, а потом мчаться в Москву на отчет к Панову.

ГЛАВА 15

ПОПЫТКА КОНТРАТАКИ НА ФЛАНГАХ

«Пока что белые не видят в лагере противника пункта, на который они могли бы напасть».

(Арон Нимцович)

Лиза Ахтыркина была молодящейся 39-летней женщиной с неприятным цепким взглядом. С позиций христианской религии, общечеловеческой этики и коммунистической морали она была монстром.

На самом же деле, Лиза была рейдером, человеком, не брезгующим ничем, чтобы пробить себе дорогу к благосостоянию. В основе одного из способов лежало использование собственных детей.

Девятнадцатилетняя Лиза с годовалой Светланкой на руках появилась в стройгородке из ниоткуда. Никто не знал ее прошлого, да и никому это было не интересно. Лимитчики-строители, борясь за существование, работали по двенадцать часов в сутки, на интерес к ближнему времени не оставалось. Каким-то образом Лиза нашла путь к сердцу пожилого одинокого бригадира Вагифа. Они расписались. Когда Вагифу выделили однокомнатную квартиру в новом доме, туда естественно переехали и Лиза со Светланкой.

Второй шаг к процветанию был нетривиален. Через полгода счастливой семейной жизни Вагиф был отправлен в тюрьму и принудительно выписан со своей жилплощади по обвинению в домогательствах к малютке Светланке. Лжесвидетельницей в суде выступала давняя Лизкина подружка. Народные заседательницы требовали кастрировать «чурку»-педофила, но советский суд оказался гуманен.

Третий шаг был сделан после рождения второй дочери Ньюры, имя биологического отца история конечно не сохранила. Уехав в Томский край, Лиза сдала обеих дочерей в разные детские дома, умудрившись не оставить при этом никаких документов. В первом детдоме она сказала татарке-директрисе, что собирается оставить у себя Свету, и сбагрила с рук Ньюру, во втором придумала что-то еще — и вот уже Света тоже сбыта успешно. «А татары вырастят, не дадут ребенку пропасть», — говорила себе потом Лизка.

Через несколько лет веселой одинокой жизни у Лизки родился сын. Ему поставили диагноз «олигофрения» и он отправился обучаться в лесные школы. Праздник жизни продолжался.

В 16 лет, сестры Света и Ньюра каждая в свой черед обнаружили, что мама из Москвы оформила им паспорта и забрала с собой. Девочкам же на билет в Москву надо было работать не меньше года.

Извивы нашего законодательства подвели Лизу. В отсутствие дочек она не успела провести комбинацию с лже-приватизацией и последующей продажей общей квартиры. Зато наличие психически нездорового сына позволило Лизе получить трехкомнатную квартиру в новостройке, после чего недужный отпрыск навсегда отправился в специнтернат.

Познакомившись с Никитой, Лиза усиленно пыталась произвести на него хорошее впечатление. Местами ей это даже удавалось, было в ней, знаете ли, эдакое волчье обаяние. Лизу очень интересовало, как можно законными путями раз и навсегда избавиться от возможных притязаний бездельниц-дочек на заработанную потом и кровью жилплощадь. Никита в шутку подумал о вступительном слове на суде: «Господа присяжные заседатели, грех остается грехом вне зависимости от того, совершает ли его бандит Берия, благообразный глава транснациональной корпорации или недочеловек Шариков. Не грешите, господа, и не испытаете возмездие еще на этом свете».

Лиза Ахтыркина все-таки была феноменом.

Когда Вагиф, постаревший, подхвативший в тюрьме кучу болячек, нищий и худой, отыскал ее в николаевском кафе «Уют»,

где она работала официанткой, что, как вы думаете, она отмочила первым делом?

Бросилась ему на шею со слезами и мольбами о прощении! От этого огрубевшее без женской ласки сердце Вагифа растаяло. Семейный мир был тут же скреплен коньяком с витрины. Вагифа сердобольная Лизка устроила грузчиком в свое кафе, а сама пошла на новый виток обогащения. Началась эпопея с колхозными паями.

Хозяйство «Топаловское», в котором Лиза за сто долларов купила себе подмосковную прописку, в 1998 году решением местных властей было слито с Ильинской свинофермой.

Ситуация сложилась интересная. Компания Топа обанкротила свиноферму, получила в собственность все ее здания, подстанцию, машины, технику, но не землю. А на землю объединенного хозяйства теперь претендовали сразу две группы пайщиков: «ильинцы» и «топаловцы». Причем последние находились в более привилегированном положении: им на пай полагалось по 2,5 га каждому, тогда как «ильинцы» имели право лишь на 0,9 га.

Началась скупка паев. К делу подключились: Московская компания паевых фондов, Фонд «Воскресение» церкви мормонов, губернаторский ставленник «Мособлрезерв». Топ рисковал остаться со зданиями на чужой земле. Необходимо было ввязываться в драку.

Первым пунктом программы значилось братание с председателем объединенного хозяйства.

Из записей Никиты:

Председатель недострелен еще в прошлой жизни, ушел от местных бандеровцев через потайной ход. Внизу на его визитке телефон службы безопасности. Вход к нему в барокамеру заперт магнитом снаружи. На стене у него чертова дюжина медалей, и все свиные и коровьи. На третьей минуте встречи в дверях вырисовывается незримая тень: «ВанСаныч, все в порядке?» Сразу появляется мысль, не нажал ли он кнопку вызова? Не заполнится ли помещение сонным газом или лаем сторожевых собак и кляцаньем шмайсеров?

На его землях встанут единообразные быстровозводимые дома для беженцев, склады, карантинные лавки, товаросборники, современные могильники класса люкс. А он хочет продолжить выпас гусей, поставляемых к столу самого Патриарха.

— Так вот кто развалил наше сельское хозяйство! — ласково встречается он нас, гренадерские усы топорщатся в привычном тике. Мы ползаем по карте и хлопаем друг друга по пояснице. Он не пьет, и мы смущены. Он берет с нас обещание создать по району не меньше тысячи рабочих мест, и мы откланиваемся, чтобы откушать рыбки на угодьях его вассала.

В итоге милостливое дозволение начать скупку паев на местности было получено.

Лиза была секретным оружием Топа. История умалчивает о том, как и когда она присягнула ему на верность, но с некоторых пор в Лизином кафе стали собираться колхозники, желающие продать свои пай, чтобы на топовских автобусах отправиться на Завод, где их уже ждали нотариус и деньги.

За месяц перед глазами Никиты прошли сто человек. Каменные морды, пьяные чумазные рожи, счастливые одухотворенные лица, замкнутые лживые личины — все без разбору получают пятилетнюю зарплату в обмен на одну подпись. Это действие, где людям кажется, что они продают души, а на самом деле это всего лишь земельные доли. Процедуры ожидания, подписывания, заверения, пересчитывания озверяют и утомляют. Жена подсовывает доверенность, выданную еще до смерти мужа. Племянник, приведший дядю, тайком просит за это компенсацию. Три сестры с высшим образованием извиняются за перегар от брата-тракториста. Поджав губы, ханжа жалуется, что из-за долгого процесса покупки опаздывает на работу, где ей платят целый прожиточный минимум. Бессмыслица! Но как же жалко людей, замордованных системой!

Прикупив порядка двухсот гектаров, Топ остановился, поскольку выделение участков было заблокировано серией исков от отдельных несознательных колхозников, направляемых чьей-то невидимой, но квалифицированной рукой.

А в сознание Никиты впечаталось несколько фраз из шамкающего диалога двух ветхих старушек-колхозниц, истомившихся в долгой очереди на продажу паев:

— Председатель-то теперь пригнувшись ходит. В глаза людям глядеть совестно.

— Немудрено. Внуки ж наши по-прежнему вместе учатся. А все знают, сколько миллионов он к своему счету приписал.

— Запродал нас на сторону, как крепостных, вместе со скотом!

— Мы-то все местные, а он пришлый, из дальней станицы. До 18 лет босиком бегал, сам рассказывал, не было у родителей денег на обувь.

— Вот оттуда у него и живучесть, и цепкость, и хитрость эта образовались.

— Уважаю его, подлеца. Знай гнет свою линию, на нас не глядя.

— Не пальцем, видно, деланный.

ГЛАВА 16

МИТТЕЛЬШПИЛЬ

«После этого хода следует совершенно неожиданная развязка».

(Анатолий Карпов)

Комбинация вырисовывалась преинтереснейшая. Вот уже месяц Василий сводил воедино ниточки, замыкая их на Николаевском заводе. Вовсю шла работа с уволенными с завода рабочими. Все поворачивалось просто замечательно: генеральный директор Гоп-Стоп (все чаще Панов называл противника именно так) принимает приказ, вынуждающий сотрудников продавать акции. Стоимость покупки акций минимальная. Большинство рабочих акции продает, но без особого энтузиазма. Те же, кто отказываются подчиниться директорской воле, лишаются премий и увольняются. Трое рабочих уже подписались под заявлением о том, что сам директор кричал на них и обещал «...раз...ть эти у...ные морды», а заводские эсбэшники угрожали застрелить бунтовщиков. Налицо состав преступления, который, в случае необходимости, так уронит репутацию господина Топа, что многие иностранные партнеры предпочтут воздержаться от контактов с этим «criminal person» и «otmorozok»! Конечно, над фактурой пришлось немного потрудиться, привести всё в соответствие с Уголовным кодексом, да еще и согласовать с ребятами-следаками, у них ведь тоже свои специфические требования к документам. В конце концов, подготовительные мероприятия по уголовке были сделаны, силовики ожидали только команды «фас», чтобы пресечь деятельность закордонной группировки. Кроме

того, Василий не сомневался, что когда ему и следователям удастся получить доступ к документам завода, можно будет нарыть еще много интересных фактов, которых хватит для возбуждения не одного уголовного дела.

На всякий случай Василий съездил к Заказчику и попросил его проверить, есть ли у Гоп-Стопа личные связи, позволяющие избежать уголовки. Заказчик сначала нахмурился, заявив, что не хочет светиться, на что Василий возразил, что господин Топ не просто директор, он довольно состоятельный человек, делающий бизнес в России. А у каждого состоятельного российского бизнесмена может быть выход на самых первых лиц страны. Если же эта верхушка начнет разбираться, то, как бы Заказчик не прятался за широкой спиной инвесткомпании «Индиго», его все равно вычислят и призовут к ответу. В связи с этим, благо разумнее все знать заранее. Заказчик согласился с Василием. Как выяснилось, в силу своего характера, немецкий бизнесмен не обзавелся ни покровителями, ни просто друзьями среди власть предержащих.

Помимо запуска уголовно-правовых мероприятий, Василий воплотил в жизнь еще несколько замыслов. Прежде всего, началась скупка акций. Как и предполагалось, их удалось приобрести немного, однако по Николаевску пошла волна слухов и сплетен об интересе неких структур к заводу, что было своеобразным предупреждением немцу. К тому же у захватчиков наконец-то появились акции, которые можно было использовать как стенобитные орудия, расшатывая оборону противника бесконечной серией судебных исков.

По неведомой для руководства Николаевского завода причине резко активизировались государственные проверяющие органы. Сначала пожарное ведомство слегка пожурило за нарушение противопожарной безопасности, потом трудовая инспекция прислала целую группу специалистов, на неделю оккупировавшую отдел кадров. Вскоре к ним присоединилась местная налоговая инспекция. Нужно отметить, что все эти высокие инстанции чрезмерного рвения не проявляли, претензий не предъявляли и вели себя подчеркнуто корректно и вежливо. В то же время у сотрудников завода возникло нехорошее ощущение надвигающейся опасности.

На этом неприятности предприятия не закончились. В областных и районных газетах с завидной регулярностью стали появляться критические публикации о заводе. Нет, в них не было ничего, что могло бы получить характеристику «черного пиара». Никто не обвинял руководство завода в связях с сицилийской мафией или малолетними проститутками. Тайны семейной жизни Николая Топа и его окружения тоже не выносились на всеобщее обсуждение. В газетных публикациях подробно и нудно говорилось о работе завода, его экономическом состоянии, упущенных перспективах развития и стратегических просчетах его руководства. Казалось бы, кто в наше время читает аналитику, да еще сугубо экономического характера? Оказалось, читают! Да еще и до дыр зачитывают! Читателями были, разумеется, бывшие и нынешние сотрудники завода, мелкие акционеры да члены их семей, а также отдельные смежники и контрагенты завода. Но и их было достаточно для того, чтобы газеты со статьями про Николаевский завод становились хитами продаж в районных киосках Роспечати. Становилось ясно, что дела на заводе идут отвратительно, а его собственники либо полные тупицы, либо прожженные воры, иначе объяснить положение дел было невозможно.

Василий гордился этой спокойной размеренной пиар-атакой. Ведь именно он выбрал такой вариант из нескольких возможных. А ведь были и другие! Например, план беспощадной травли немецкого миллионера. Здесь планировалось подключить желтую прессу с материалами о сексуальных извращениях Топа, о том, что в Кельне ему принадлежит несколько порно-студий. При этом газетные репортажи должны были сопровождаться фотографиями самого Николая Оттовича, обучающего актеров секретам мастерства. Кроме того, в одном из номеров всенародно любимой газеты планировалось дать статью об известных западных политиках и бизнесменах, чьи родные служили в гитлеровских войсках. Как бы между прочим, корреспондент приводил пример из российской элиты, упомянув Николая Топа, отец которого, по некоторым данным, служил в войсках СС. При желании можно было вставить архивную фотографию.

Василию эта идея не понравилась. Зачем опускаться до уровня площадной брани? Он выбрал более сдержанный, ин-

теллектуальный вариант атаки, который оказался и более эффективным. Все-таки Россия остается одной из самых читающих стран мира, правда, в число самых работающих мы пока не входим.

С пиарщиками вышла забавная история. Дело в том, что у Василия не было знакомых среди пиарщиков. Во всех компаниях, где он работал прежде, пиаром занимались либо ничего не смыслящие в нем люди, либо им вообще никто не занимался. Поэтому Василий, решивший сделать все по уму, впал в некоторое замешательство. Один знакомый пообещал познакомить Василия с неким Аркадием, работавшим некогда в одной политической партии, провалившейся на выборах. Однако Аркадий был в долгосрочной командировке на выборах регионального губернатора, и на его участии в захвате завода пришлось поставить крест.

Отчаявшись найти пиарщика среди знакомых, Василий залез в сеть и начал читать форумы, посвященные корпоративным войнам. Может быть, он отыскал бы там толкового пиарщика, но судьба распорядилась по-другому. На Новом Арбате Василий встретил бывшего сослуживца по банку, чьего имени он даже не помнил. Перебросились парой фраз об общих знакомых, о банке, как-то незаметно вышли на рабочие темы. Выяснилось, что этот парень резко изменил свою жизнь и теперь вместо финансовой сферы работает в области public relations. Вот уж повезло, так повезло! Василий сразу же предложил обменяться визитками и пообщаться в более спокойной обстановке. Два часа спустя молодые люди уже пришли к соглашению о совместной работе.

Пообщавшись с Кириллом Лисицыным (так звали друга пиарщика), Василий понял, что пиар не сводится к нескольким газетным публикациям, что это всего лишь маленькая веточка мощного дерева, прорастающего на почве общественных отношений. Оказалось, что помимо печатных СМИ есть еще манипулирование слухами, налаживание отношений с миноритарными акционерами с помощью нестандартных методов и многое другое. В общем, век живи — век учишь.

Один раз, вернувшись в офис после очередного познавательного разговора с пиарщиком, Василий задумался о необхо-

димости испробовать на практике только что услышанные советы по работе с трудовым коллективом. Потом стал задумчиво рассматривать листки бумаги, которые всучили ему бойцы пировского фронта. Кто-то из ребят, мечтая о писательской славе, придумывал короткие рассказы-зарисовки, чтобы потешить то ли свое самолюбие, то ли коллег по работе. Первый рассказик назывался «Предание».

Предание

Это было давно. Старики говорили, что если бы не ОНИ, то много хороших людей умерло бы от безделья и безденежья. ОНИ приходили в наши далекие аулы, заброшенные поселки и веселые таборы. Входили в наши избы, хаты, мазанки, землянки, сакли, шалаши, шатры, балаганы, юрты и кочевые кибитки. ОНИ копировали наши паспорта, давали подписывать исковые заявления и ходатайства и всегда платили за это золотом. ИХ мужественные лица навсегда остались в памяти наших женщин, во сне шептавших ИХ имена. Весь ИХ вид говорил о том, что ОНИ готовы на все ради любимого дела, ради того, чтобы наш сосед, мировой судья, пожелав ИМ и ИХ роду благоденствия, изрыгнул из недр своего сейфа судебное решение или определение.

Потом ОНИ уходили. Мы провожали ИХ до пограничного знака, отделявшего наш мир от других бескрайних и неизведанных просторов. Впереди ИХ ждали алчные приставы, продажные прокуроры и двуличные милиционеры, глупые президенты компаний и трусливые, хотя и не менее коварные, члены советов директоров. Но ОНИ были готовы к смертельной схватке за контроль над заводами и фабриками, комбинатами и офисами. ИХ имена стерлись из нашей памяти, осталось одно лишь слово, значение которого никто уже не помнит. Было ли оно именем их предводителя или божества, мы уже никогда не узнаем. Это слово: РЕЙДЕР.

«М-да, загадили ребятам мозги этой рейдерской романтикой, вот и пишут всякую дрянь. Ладно, что там еще?» — подумал Василий, просматривая оставшиеся листки. Следующий рассказ можно было вешать в приемной или раздавать скучающим клиентам, ждущим начала встречи:

Предостережение

В этот день ты впервые за десять лет поедешь на общественном транспорте. Тебе отдавят обе ноги, порвут импортную кожаную куртку и обзовут сексуальным маньяком. К мэрии, где тебе назначил встречу глава твоего города, ты будешь бежать, наступая на мутные лужи, пачкая брюки и дорогие английские ботинки. И все равно ты опоздаешь. Твой собеседник, брезгливо морщась, будет смотреть на рваную куртку, грязные ботинки и брюки, капельки пота на твоём красном от напряжения и стыда лице. Ты затрепещешь и будешь умолять о помощи, чтобы вернуть заработанные потом и кровью акции, отдельный кабинет и служебную машину. И тебе откажут. Ведь ты — бывший генеральный директор, а у бывших денег не бывает, а те, у кого нет денег, чиновникам не нужны. Ты захочешь позвонить знакомому юристу, но твой номер будет заблокирован, а кошелек с последними ста рублями ты забудешь дома, и тебе нечем будет заплатить за проезд домой.

Выйдя на улицу, ты безжизненно опустишься на только что окрашенную скамейку и горько заплачешь, размазывая едко-зеленую краску по обрюзглomu лицу. И ты вспомнишь, как полгода назад отказался выделить всего-то несколько тысяч американских рублей на защиту своего предприятия. Ты вспомнишь, как не отвечал на звонки юриста, который хотел предупредить о замышлявшемся захвате твоего завода. Ты вспомнишь, как решил самостоятельно отбиваться от захватчиков. Ты вспомнишь, как не верил в предостережение, что когда-нибудь поте-ряешь ВСЁ!

Добро пожаловать в Россию, WELCOME!!!

Оставался еще один рассказик.

Присяга рейдера

Я (ФИО, кличка, агентурное прозвище, радиопозывные, сетевой ник etc.), вступая в ряды захватчиков, перед лицом своих товарищей присягаю на верность идеям Рейда и торжественно клянусь:

- ни при каких условиях (если только это не выгодно для завершения проекта) НЕ соблюдать действующее законодательство;*

- строго выполнять требования и приказы вышестоящих рейдеров;
- чтить и уважать мнение и желание Заказчика;
- не подсиживать товарищей и коллег по работе;
- не брать деньги, выделенные на реализацию проекта;
- давать взятки сотрудникам правоохранительных органов, коррумпировать судей и представителей органов государственной власти и органов местного самоуправления;
- вступать в сговор с ЧОПами и агрессивно настроенными лицами с целью силового захвата предприятий;
- наполняться чувством глубочайшего презрения к поверженным акционерам и бывшим членам органов управления компании-цели;
- уважать защитников, понимая, что все они бывшие или будущие захватчики.
- любить деньги, только деньги и ничего кроме денег (за исключением красивых девушек, а/м и иных атрибутов сладкой жизни).

Порядок приведения к рейдерской присяге

Этот ритуал проводится следующим образом: в назначенное руководителем рейдерской компании время сотрудники рейд-подразделений в парадной форме (костюм-галстук-ботинки) при Боевом Знамени компании и едином для всех захватчиков флаге (Веселый Роджер) под звуки оркестра выстраиваются в шеренгу. Захваты осуществляются в полевой форме одежды (свитер, джинсы, кроссовки) с оружием (ноутбук, сотовый телефон, ручка, листы бумаги, несколько печатей).

Кандидаты, приводящиеся к рейдерской присяге, находятся в первых шеренгах. Руководитель рейдерской компании в краткой речи напоминает им значение присяги и говорит о почетных и ответственных обязанностях, которые на них возлагаются. После этого он командует: «Вольно!» — и приказывает начальникам отделов и координаторам проектов приступить к приведению к рейдерской присяге. Начальники начинают вызывать из строя кандидатов, приводимых к рейдерской присяге. Каждый кандидат читает перед строем текст присяги, после чего расписывается в списке в графе против своей фамилии (клички, аген-

турного прозвища, радиопозывных, сетевого ника etc) и становится на свое место в строю.

По окончании церемонии руководитель рейдерской компании поздравляет захватчиков с приведением к присяге, оркестр исполняет гимн рейдеров (Песня разбойников из м/ф «Бременские музыканты»). После этого рейдерская компания проходит торжественным маршем.

Примечание

Морально-нравственное и правовое значение, которое имеет для каждого захватчика акт принятия присяги, трудно переоценить. Кандидат, не принявший пока присягу, не может быть назначен рейдером, за ним не могут быть закреплены рабочее место, ноутбук, сотовый телефон и комплект печатей, он не может быть привлечен к выполнению рейдерских задач: участию в силовом захвате объекта, судебном заседании, реализации иных задач в рамках проекта. Приняв рейдерскую присягу, захватчик обретает служебные права в полном объеме, но на него в полной мере возлагаются и служебные обязанности. Он принимает на себя высокую и почетную обязанность гордо нести имя Рейдера.

Василий мог бы еще минут десять наблюдать за Хом Хомычем и обдумывать прочитанное, однако в дверь постучали и на пороге возникла долговязая фигура Олега.

— Василий Алексеевич, можно? — как-то слишком робко спросил молодой человек.

— А, Олег. Заходи, конечно, что у тебя? — Василий потер переносицу и откинулся на спинку кресла.

— Я подготовил аналитическую справку, как вы просили, про наши действия против Топа, — в руке юриста было несколько листов бумаги.

— Ну, давай посмотрим, что ты там наваял, — Василий взял у Олега документы. — Да ты присаживайся, что стоишь-то? Давай посмелей, уже не первый день работаешь.

Через несколько минут Василий одобрительно хмыкнул, что-то исправил и протянул документы Олегу.

— Что ж, вполне читаемо. Молодец! Ты умеешь аналитику составлять. Все четко и по делу. Воды нет.

— Спасибо.

— Да не за что, только вот подправь там должности и имена топовских замов.

— Хорошо, — Олег взял документы, просмотрел их и перевел взгляд на шефа.

— Что-то непонятно? — удивился Панов.

— С документами понятно.

— Тогда в чем проблема? — Василий почувствовал, что странное поведение подчиненного вызвано отнюдь не аналитической запиской.

— То, чем мы здесь занимаемся, Василий Алексеевич, — глухо произнес Олег.

— И чем же, позволь узнать, мы здесь занимаемся? — Василий наклонил голову, глаза его сузились, превратившись в колючие щелочки.

— Воровством чужого имущества, захватами, заказной уголовкой.

— Хм... И что же мы, интересно, украли?

— Пока ничего, но скоро украдем Николаевский завод.

— Тааак. Олег, скажи мне, пожалуйста, с чего это тебя вдруг потянуло на разговоры? — Василий резко встал и подошел к окну. Замерев на несколько секунд, он обернулся к юристу:

— Олег, я хочу, чтобы ты раз и навсегда понял одну простую вещь: воровство бывает там, где есть собственность. У нас в стране собственности нет, как нет и собственников. Есть имущество, которое волею судеб оказалось у того или иного человека и точно так же может поменять своего держателя. Скажи мне: кто собственник Николаевского завода? Гоп-Стоп? Хорошо, ты знаешь, за сколько он купил эту махину, это предприятие? За несколько сотен тысяч долларов! Тысяч, не миллионов! То, что десятилетиями строили мои, твои и, кстати, его родители. Какой же он собственник? Просто вовремя оказался у кормушки. Только и всего... — в клетке засуетился хомячок, услышав, как разнервничался хозяин. А тот продолжал свою речь:

— Скажи мне, если мы замыслием что-то недоброе, то почему я консультируюсь с ментами, почему ты постоянно звонил следакам и они тебе говорили, как правильно оформлять документы? У нас нет государственных механизмов защиты собствен-

ности. Государство разрешило тебе взять кусок от общего пирога, оно же заставит выплюнуть его обратно на общее блюдо.

— Ваши менты — это не все государство, — выдал из себя Олег. Было видно, что спор с начальником давался ему тяжело. — У государства совсем другие интересы...

— Другие интересы! Не смей меня. Государственные интересы формируются конкретными чиновниками, и на каждом отрезке нашей истории интересы России приводятся в соответствие с желаниями этих засранцев. Нежели ты этого не понимаешь?

— Значит можно грабить и воровать?

— Ты не понимаешь, Олег! Мы говорим о разных вещах. Я веду речь не о личном имуществе, а о том, которое досталось из общего котла, о бывшем государственном. Эти люди в девяностые сделали состояния из воздуха и теперь учат тебя и меня, как нужно жить. А я не хочу их слушать. И многие люди не хотят, потому что они знают, что эти типа-предприниматели не своим горбом миллиарды нацедили, а разводками и взятками бюрократам. Ты, дурачок, пойми, имущество — это бремя. Всегда найдутся люди, которые захотят его отнять, а еще страшнее, с тобой разделить. По-моему, об этом даже Бродский говорил. Если ты заботаешься о своем имуществе, то хрен у тебя его отнимут, а если ты его нашел, то и отношение к нему будет соответствующее. И где гарантия, что вскоре не появится человек, который, сказав, что он первым его заметил, не отберет его у тебя грубо и бесцеремонно? Знаешь, какова причина возникновения рейдерства и бесконечных переделов собственности? Дело в том, что наша старая элита не привыкла работать с молодыми честными способами. Они боятся конкуренции и уничтожают ее, а если нет конкуренции, то как фирма, например, моя, сможет пробиться на рынок? Только захватив другую фирму. Вот поэтому у нас и расцвели захваты. Это война между старым и новым, между верхами, которые не могут жить по-новому, и низами, которые не хотят жить по-старому. Причем заметь, никто у Топа ничего не отбирает просто так. Если мы победим Топа, мы заплатим компенсацию, она будет больше той цены, за которую он купил завод, а знаешь почему? Потому что мы включим в нее его вознаграждение за сохранение завода. Это

система, Олег, система кормления с предприятий. Завод был дан Топу на определенный срок, теперь пришло время передать его другим. Что самое интересное, наш Заказчик все это понимает, он знает, что через несколько лет завод опять сменит своего владельца. Такая длинная цепочка наемных менеджеров, которые в угоду Западу называются собственниками. Теперь скажи мне: ты видел вора, который, вытащив кошелек в троллейбусе, положил бы в карман обокраденного компенсацию, а?

— Но это не рыночная экономика, Василий Алексеевич, завод не развивается.

— А кто тебе сказал, что у нас рыночная экономика, кто сказал, что нам надо что-то развивать? Нефть течет — и ладно, остальное само разовьется, главное сливки снять. Вообще есть что-то в идее госкапитализма: все крупные и средние компании в государственных руках. Заводы практически официально выделяются на кормление представителям отдельных династий. Передача завода осуществляется на самом верху на акционерном собрании без лишнего шума. Вот тогда все будет честнее, а сейчас так, фикция, прикрываются корпоративным правом, а сами заводы разворовывают. Это как с выборами: их нужно убирать, потому что даже дураку ясно, все они превратились в балаган. То же, думаю, будет и с экономикой. Вертикаль, Олег...

— Может быть, вы и правы, но я с вами не согласен.

— Отлично, спорь! Ты думаешь, я для чего этот разговор веду, чтобы тебе глаза открыть? Нет, когда-нибудь сам поймешь, что управлять легче дураками, чем умниками. В профессии юриста необходимо уметь спорить и отстаивать свою точку зрения. А знаешь почему? Потому что в юриспруденции нет абсолютного знания, есть предположения и догадки, и кто громче и внятнее свои предположения отстаивает, тот и прав. Здесь не математика, где формулу нарисовал, цифирки подставил и получил ответ. Здесь фишка в другом. Будь на твоём месте кто-нибудь посмелее и понаходчивее, глядишь, я оказался бы неправ, а так ты проиграл. Если, конечно, сейчас не отыграешься.

— А я не хочу играть в ваши игры, и, кстати, терпеть не могу шахматы. Я решил уйти из компании. — Олег крепко сцепил пальцы рук. Документы уже давно упали на пол, символизируя отказ от исполнения рабочих обязанностей.

— Замечательно ты надумал, — Василий ожидал чего угодно, только не этого. Нет, конечно, парень зеленый и шелуха в голове, но из него может быть толк. — Ты никак не мог об этом раньше сказать? Ты же несколько месяцев тут проторчал, я же сам тебя обучал, Олег, ты о чем говоришь? Сложно было два месяца назад уйти? Не хотелось, зарплату платили ни за что, когда мы только открылись? А теперь работать заставляют, да? Олег, ты понимаешь, что я на тебя рассчитывал? Ты же в самый разгар уходишь. Это не по правилам.

— По каким правилам? — угрюмо пробубнил Олег.

— По человеческим правилам! Заметь, я не сказал «по понятиям», я по ним не живу. Но есть определенные моральные феньки, и ты должен им следовать.

— Вы что, меня не отпустите?

— Почему ты так думаешь? Отпущу. Только помни, что ничего просто так не дается. Дашь ответ завтра, у тебя будет ночь подумать.

— Нет, — голос Олега дрожал, но было видно, что он принял решение и отступить не собирается.

— Ладно, — неожиданно голос Василия стал равнодушен и спокоен. — Завтра приходи, сдашь все дела Андрею. На этом всё. Пока.

— До свидания.

Когда за Олегом закрылась дверь, Василий медленно взял со стола карандаш и резко сломал его посередине. Жаль, что он так и не научился ломать людей. Что ж, приходится довольствоваться канцелярскими принадлежностями. Зачем он начал втирать парню про последствия? Вася Панов никогда не станет опускаться до того, чтобы гадить своему бывшему сотруднику только потому, что тот посмел сказать ему правду. Правду, которую не скроешь за красивыми словами. Нет, все-таки в шахматах всё намного проще. По крайней мере, фигуры сами с доски не соскакивают. Василий потер виски, посмотрел на часы. Елки-палки, уже девять вечера. Пора домой. Но прежде нужно позвонить в кадровое агентство, они два дня назад обещали подогнать двух толковых ребят. Значит теперь нужно трех. В этом плане в жизни было лучше, чем в шахматах: ведь фигуры с других досок под свое знамя не позовешь. Только вот что это будут за фигуры? Как обычно, пешки...

Олег Капустин за свою жизнь успел сменить только два места работы, включая «Индиго». Сначала, на пятом курсе университета, он работал в нотариальной палате. Платили неплохо, на жизнь хватало. Однажды Олег даже поймал себя на мысли о том, что ему хотелось бы сдать все необходимые экзамены и влиться в многоголосое и разноликое сообщество московских нотариусов. Одно смущало — скука. Сначала было интересно: все-таки в универе такому не учат, а потом приелось. Надоело сидеть целыми днями в офисе, встречать важных клиентов, оформлявших сделки с недвижимостью или заверявших подписи должников на долговых расписках. Часто приходилось сталкиваться со всевозможными доверенностями и прочей мелочевкой. Нотариус, Михаил Семенович Тузенбах, никогда лично не готовил документы по таким незначительным моментам, и Олегу приходилось самостоятельно общаться с разношерстной публикой, посещавшей нотариальную контору.

Однако уйти из конторы Олег не мог. Дело в том, что Михаил Семенович был школьным другом отца, решившим вывести Олега в люди. Были и другие кандидаты на роль наставника для юного отрока, в частности, двоюродный брат матери служил военным прокурором Южного округа. В принципе, Олег был не против служения на благо Родины, однако, для того, чтобы вступить в ряды военной прокуратуры, надо было отслужить законный год в рядах Вооруженных Сил, только после этого дядя Вова смог бы устроить родственника на теплое местечко. Олег был готов посвятить Родине два десятка лет, но в офицерском звании, а вот жертвовать целым годом службы в солдатах ему не хотелось. Жаль, конечно, что в универе не было военной кафедры, но что делать. Олег пугался, представляя себе, как будут удивлены его девушка и однокурсники, узнав, что он загремел по призыву. Перед его воспаленным взором вставали мрачные картины чеченских окопов и полутемных каптерок, в которых кровожадные деды с лицами орков из «Властелина колец» заставляют его стирать портянки или чистить унитазы зубной щеткой (зубная щетка вызывала наибольший ужас). Ко всем этим картинам добавилось вполне реальное возвращение друга по лестничной клетке из армии. Друзья отправились по-

пить пива, однако, дембель почему-то пил только водку, разговаривал исключительно на русском матерном диалекте и все время порывался познакомиться с каждой проходившей мимо девушкой. Утонченная натура Олега не вынесла такого зрелища, и на карьере военного прокурора был поставлен крест. Родители с пониманием отнеслись к мнению сына и благополучно отмазали его от службы в рядах Российской Армии.

Однако не прошло и года после окончания университета, как Олег понял, что нотариальная практика не для него. Он все чаще стал вспоминать о предложении дяди Вовы, его стали терзать сомнения: правильно ли он поступил, отказавшись? Что было бы, если бы он пошел в армию? Олег проявил недюжинную решимость и открыто объявил родственникам о своем искреннем нежелании прозябать в нотариальной темнице. Михаил Семенович сначала было попробовал переубедить взбунтовавшегося юношу, но, осознав, что это бесполезно, махнул на Олега рукой и навсегда зарекся брать в помощники молодых людей, вскоре подыскав себе вполне симпатичную ассистентку двадцати двух лет.

Олег между тем метался по рынку труда в поисках работы. К своему удивлению, он обнаружил, что потенциальные работодатели почему-то не хотят платить ему искомые полторы тысячи долларов (именно столько платил Михаил Семенович), а настаивают на пятистах, утверждая, что у него маловато опыта. Правда, было одно место, где ему предложили около трех, но зато поинтересовались, остались ли у него какие-нибудь нотариальные печати или штампы и сможет ли он составлять нотариальные документы. Такой расклад категорически не устраивал Олега, и он опять обратился к родителям. Как всегда, мать с отцом посидели на кухне, попеняли друг другу на то, что сын растет оболтусом, покопались в записных книжках и наконец-то вышли на родителей Василия Панова, которые в свою очередь очень рекомендовали начинающему предпринимателю взять на работу сына Сережи Капустина. Так Олег очутился в «Индиго». Первое время работа ему нравилась, все-таки он уже успел привыкнуть к размеренному ритму работы в нотариальной конторе. Когда компания получила первый заказ, он собрал волю в кулак и тоже включился в работу в бешеном пановском

ритме. Однако очень скоро Олег начал понимать, что за вывеской инвестиционной компании скрывается не белый и пушистый зайчик-инвестор, а серый и зубастый волк — санитар леса, безжалостно вцепившийся в беззащитную жертву в лице Николаевского машиностроительного завода. В конце концов, Олег сделал свой выбор и решил уйти из «Индиго». После разговора с Пановым он поработал еще немного, а потом окончательно сдал дела Кадышеву и распрощался с рейдерским бизнесом. Сегодня был последний день работы в «Индиго», и он предложил Андрею отметить это событие совместной прогулкой по набережной, на ходу попивая какое-то дешевое пиво.

Как-то глупо все вышло. Андрей с Олегом медленно шли по Озерковской набережной. Кадышев все время разговаривал по мобильному, то что-то объяснял, значит, это была Светлана, то долго молчал, изредка поддакивал, значит, звонил Панов. Было как-то невесело и тревожно.

— Не переживай ты так сильно, — Андрей как всегда хмуро глядел на прохожих, — чего изводиться так? Тебе же и так повезло, что Панов тебя спокойно отпустил. Пойми, так, как ты сделал, никто не поступает.

— А что я такого сделал, просто взял и ушел? — возразил приятелю Олег.

— Взял и ушел, ну-ну. Как у Киркорова: «Встала и ушла». Тут бизнес, Олежка, бабки большие. Вот для тебя просто уволиться, а у Васи башка болит, кого на твое место поставить. Ты ведь уже давно в теме. К тому же, смотри, где гарантия, что ты информацию никому не сольешь?

— Ой, Андрей, отстань, это все какие-то разводки в стиле девяностых. Типа за базар ответишь, ты на это подписался и все такое. Попробовал бы он меня не отпустить.

— Ну конечно, сразу бы к родителям побежал.

— И что с того, если есть такой ресурс, почему бы им не воспользоваться? Давай вообще тему закроем, не хочу я больше про Панова вспоминать. Хоть он тебе каждые полчаса и звонит. Все, не было его, для тебя был и есть, а для меня не было. Мне теперь работу искать нужно. — Олег сделал глоток из бутылки.

— А чего ты переживаешь, найдешь, в чем проблема-то? — удивился Андрей

— Знаешь, я все никак не могу определиться, в какой сфере хотел бы работать. Где мое призвание. Мне не хочется тратить свою жизнь на разную фигню. Я хочу найти такую работу, чтобы мне было интересно каждое утро приезжать в офис, чтобы мне платили за нее достойные деньги, чтобы я чувствовал себя раскрывающейся натурой.

— Какой натурой, чего ты паришь? — Андрей ухмыльнулся, — главное, чтобы деньги платили, а остальное уже не волнует. Ты просто не знаешь, что это такое — по-настоящему остаться без работы, когда в кармане последние сто рублей лежат и за квартиру нужно срочно платить. Ты привык, что тебя родители всегда прикроют, помогут деньгами и связями. Вот и выпендриваешься, то тебе не так, это не сяк...

— Андрей, чего ты злишься? — Олег удивленно посмотрел на бывшего сослуживца.

— А то и злюсь, что надоело твои проблемы выслушивать, когда у самого забот полон рот. Ты не хочешь главного понять: ты в своем городе, а я в чужом. У тебя за спиной родные стены, а у меня ничего.

— Андрей, извини, конечно, но я тебя не заставлял в Москву ехать и здесь работать, ты сам выбрал этот город, так что изволь принимать здешние правила игры, а не ной, что тебе тяжело живется со ста рублями в кармане. А если трудно, возвращайся в свой Новгород.

— Псков, — процедил Андрей.

— Точно, Псков. И работай там, сколько влезет. Из-за таких, как ты, между прочим, коренным москвичам работу нормальную не найти.

— Да если бы такие, как я, в Москву не приезжали, здесь бы вообще все остановилось, одни бы москвичи по фирмам ходили на интервью по работе, то одно их не устраивает, то другое. Вы же работать не умеете толком, вам зарплату подавай, условия и все такое.

— Ничего подобного, Андрей, наоборот, те, кто сюда приезжает, думают, что тут медом намазано, что все легко дается, фигушки. — Олег сложил пальцы левой руки в фигу и показал ее Андрею.

— Слушай, ты, пижон, — Андрей закипел от переполнявшей его злобы, — да я тебя сейчас к земле пригну.

Олег быстро сообразил, что неприятная дискуссия может перейти в несколько иную плоскость, в которой он вряд ли одержит верх, занял примирительную позицию и, широко улыбнувшись, поднял вверх свои длинные руки:

— Андрей, ну чего ссориться, извини, погорячился. Давай мириться. Ну, чего ты обижаешься?

Кадышев, увидев, что противник признал свое поражение и фактически просит пощады, залпом допил пиво и поставил бутылку на асфальт:

— Ладно, все нормально, только больше не надо эти темы поднимать, кто и откуда приехал.

— Да все понятно, Андрей, ты уж извини меня, я немного переборщил.

Молодые люди еще немного постояли напротив здания «РОСНО», поговорили о всякой чепухе, потом двинулись в сторону метро, где Андрей оставил машину. Когда пришло время расставаться, Андрей хлопнул приятеля по плечу и пожелал побыстрее найти хорошую работу по душе. Олег улыбнулся в ответ и благодарно посмотрел Андрею в глаза. Потом, когда Олег уже ехал в вагоне метро, он подумал, что он вряд ли когда-нибудь встретит Андрея, и что тот никогда не простит ему слов о превосходстве москвичей над провинциалами.

Никита был молод и прекрасодушен. И люди охотно шли с ним на контакт.

— Знаешь, в чем твое главное достоинство? — поучал Никиту чуть подвыпивший Редиска во время совместного похода на традиционный Бал хищников, собиравший сливки рейдерской и антирейдерской элиты.

— В чем же?

— А вот в этом наивном взгляде. Тебя люди не боятся. Чувствуя, что спокойно могут повернуться к тебе спиной, они испытывают к тебе, вспомни Фазиля Искандера, фортификационную благодарность. И ставят заслоны не перед тобой, а перед кем-нибудь другим.

Никита и Редиска были начитанными столичными мальчишками, мечтающими о долгой и красивой жизни, полной подви-

гов. Но жизнь складывалась так, что их услуги чаще всего оказывались нужны людям совсем иного психологического склада... Так и у героя, который пригласил Никиту в гости одним летним утром, было совсем другое прошлое и настоящее.

Еремей Санников в прошлом был инструктором Московского горкома партии. В настоящем он провожал в последний путь усопших. Да нет, не людей — зверюшек. Млекопитающие, земноводные и пресмыкающиеся, а также поющие, кусачие, земные и морские твари могли рассчитывать на погребение по экономичному, бизнес- и люкс-разряду, в зависимости от кошелька хозяев, на одном из восьми кладбищ быстрорастущей службы «Зоо-Забота».

Офис этой милой организации находился в юго-восточном речном порту столицы. Территория эта, как негритянские кварталы Нью-Йорка (да, собственно, как и любая арена классовых боев), была испещрена невидимыми линиями. Каждая разновидность человека четко знала границы своего гетто и без необходимости не переступала их. Издавна, то есть после развала СССР, район облюбовала работящая и спорая группировка, занимавшаяся перегонном и доставкой недорогих отечественных автомашин от завода-производителя с волжских просторов. Однако этим джентльменам не удалось взять под свой контроль всю местность. Убедившись в этом и проведя предварительную рекогносцировку в коридорах власти, на район совершила лихую кавалерийскую атаку команда рейдеров господина Шмелинского с О-банком за спиной. Применяя давно изученные на Западе и весьма эффективные на родных просторах технологии, второй жилец лубяной избушки увеличил свой ареал до восьми предприятий, включая старинный 165-й автопарк.

Радость, как и беда, не приходит одна. В порту появился третий и, похоже, последний, жилец. Внучатый племянник вице-мэра Сергей Тиунов, по совместительству занимающий кресло руководителя Управления по интенсификации освоения депрессивных и неиспользуемых территорий, применил оригинальный стиль игры. Во-первых, он был подчеркнуто вежлив и нейтрален с автобандитами и неизменно приглашал представителей их организаций на все профильные совещания в мэрии. Во-вторых, суды различных московских районов (почему-то

районные) как-то вдруг вышибли молодцев Шмелинского с трех самых сладких объектов, и очень скоро охрану порядка там стал обеспечивать ЧОП «Каракурть», к которому, как поговаривали, был весьма близок племянничек. В-третьих, нерасхвачанное «болото», то есть заводы, НИИ и КБ, не попавшие доселе ни к одному из захватчиков, стали подвергаться недвусмысленному отеческому увещанию. Многие из них, в конце концов, заключили с тиуновским управлением инвестиционный контракт и передали ему права застройщика и генподрядчика по всем стройкам на своей территории. В довершение картины, фискальные органы обнаружили на территориях автобандитов свыше трехсот неучтенных машин, что было много даже для Москвы. Аудитора компании «Юго-Восточный речной порт» нашли убитым. Все фигуранты крепко зачесали в затылках.

«Зоо-Забота» располагалась как раз на ничейной территории. Обогнув ленивых охранников и растрепанную женщину, пытавшуюся получить свидетельство о захоронении на мастифа Рэя Кузюкина¹, Никита по сложным многоуровневым коридорам поднялся на третий с половиной этаж.

Санников, несмотря на перенесенный три года назад инфаркт, выглядел живчиком. В кладбищенской обстановке заведения его крепкое горкомовское рукопожатие было как нельзя кстати, вселяя уверенность, что завтра все-таки наступит.

— Сколько лет, сколько зим, — глаза Санникова, в отличие от губ, не смеялись, а цепко смотрели на молодого человека. — Москва судачит о ваших подвигах, юноша. Даже в нашей тиши, располагающей к уединенным размышлениям, до нас дошли кое-какие сплетни. Что ж вы забыли старика Еремея? Эх, молодозелено... Я ведь вам очень даже могу пригодиться.

— Виноват. Исправлюсь, — Никита принял предложенную роль. — Буду только рад, если смогу вам пригодиться и оказать какую-нибудь услугу.

— Мое поколение, Никита, было жестоко обмануто. Нам обещали рай на земле, а дали с гулькин хрен. Из-за этого 95% моих сверстников уже лежат в земле. Я когда выезжаю на наши точки с инспекцией, то в конце сажусь на погосте и раз-

¹ Животным при выдаче документов (что необходимо, например, если вы хотите взять зверя с собой в заграничную поездку) дают фамилии хозяев.

говариваю с друзьями. Кажется, они из земли меня слышат. Жалуются. И на унижения в очередях, и на многолетние ожидания квартир, дач, машин, на вечные, Никита, ожидания нормальной человеческой жизни. «Недодали нам, Еремеюшка, так ты уж возьми за нас, что причитается», — говорят мне друзья. «Я все возьму, что причитается, и вам, и мне, до последней копейки», — говорю я им. И продолжаю хоронить птичек и кошечек, и отправляю за доллары в колумбарий любимых змеек и пекинесов, и делаю по суперцене чучела усопших ручных медведиков — да, было и такое. И коплю — копейку к копейке.

Никита почувствовал, что хозяин кабинета переходит к делу. Глаза Санникова из обманчиво ласковых стали колючими, голос требовательным.

— У тебя есть кое-что, что мне нужно, молодой человек. Отдай мне это, а уж старик Еремей тебя не обидит.

— Что же у меня такого есть, о чем сам не знаю? — словно сказочный купец, подумал Никита.

— Земля. Земелька. Землица. — Теперь Санников говорил мечтательно. — Ты купил колхоз. Там много неудобий, дешевых и бросовых земель. Отдай их мне. На них отлично можно хоронить какаду и крокодильчиков. И моя копейка в дело будет вложена.

«Старик выжил из ума, — подумал Никита. — Впрочем, его бизнес не похож на хобби сумасшедшего. «Зоо-Забота» стоит в списке на IPO». Вслух Никита спросил другое:

— А вы в курсе, что легитимность приобретения колхоза до сих пор оспаривается? Есть риск, что после вашей покупки землю могут попытаться отобрать.

— Никита, мальчик мой, чему вас учили на школьных уроках зоологии? Ты в курсе, что средневековые кладбища скота, павшего от сапа и сибирской язвы, до сих пор запрещено разрывать? После первого же захоронения никто никогда ни за что никакими коттеджами или там гольф-клубами не сможет потревожить покой моих зверушек! — Санников произнес эти грозные слова на удивление елебно.

Никита, не помня себя, даже не попрощавшись, кубарем скатился по лестнице. Ему не хватало воздуха.

ГЛАВА 17

РЕДИСКА ВЫХОДИТ ИЗ ИГРЫ. ИСПАНСКАЯ ПАРТИЯ

«Мышеловка — в защите фигура, контролируя линию и двигаясь по ней, пересекает критическое поле, на котором она отключается фигурой соперника».

(Николай Зелепукин. Словарь шахматной композиции.)

Каждый год провинциальные вузы выплескивают десятки тысяч дипломированных молодых юристов. Половина этого нереста позже всплывет в столице. Кто окажется благородной черной икринкой, а кто бесполезным планктоном, пока не видно. Юристы — новая пехота акционерных войн. Нередко для достижения успеха юристам за большие деньги приходится семь дней в неделю любить клиента со всеми возможными видами корпоративных извращений, забыв не только о Трудовом, но и об Уголовном кодексе. На юристов опальных олигархов открывают охоту как государственные органы, так и вездесущие конкуренты. На добросовестных юристов сваливают свои грешки заведомо нечистые на руку предприниматели. Обеденное время, время для сна и любви у успешного юриста пропадают; они сливаются в одно непрерывающееся время работы.

Не каждый выдерживает такой темп.

На глазах у Никиты «сдулся» когда-то полный энтузиазма и боевого задора Редиска. Всего через два месяца пребывания у Топа он все чаще стал переключать рутинные вопросы и встречи на Никиту, а потом и вовсе стал появляться в офисе не чаще

раза в неделю. Один раз во время обеда в единственном в Николаевске «столичном» ресторане «Ассоль», где собирался без различия чинов и мастей весь буржуазный бомонд города, Редиска на прямой вопрос Никиты о причинах своего поведения пробурчал что-то о новом клиенте. По его словам, этого клиента взяла на абордаж («Виноват — на абонент...», — тут же поправился Феликс) инвесткомпания, откуда Редиска был родом, и в силу специфики интересов новоприобретенного инвестора Черносвитов попросил блудного начальника клиентского департамента вернуться.

— С увеличением бонуса и закреплением пайка первой категории, — зачем-то добавил Редиска, пересказывая Никите первую встречу с клиентом.

По словам Редиски, выходило, что клиент, бывший чиновник федерального ведомства, решил применить полученные на чиновничьей должности знания в самостоятельном плавании.

— И в чем его специфика? — Никита лениво изучал меню «Ассоли», где суши почему-то соседствовали не с сашими, а с сациви.

— А он глазливый. — Феликс, казалось, в этот раз говорил совершенно серьезно.

— Это как?

— А вот так. Стоит ему показать нананикюренным пальчиком на акции какой-нибудь компании и сказать: «Хочу!» — как тут же с этой компанией какая-нибудь неприятность приключается. Или СЭС претензии предъявит, или таможенники проверку начнут, или склады загорятся. Я вот теперь, получив от него заказ, уже неделю жду, думаю, зачем втридорога акции скупать, если вдруг что-нибудь такое случится, и они упадут?

— «Одно из тех событий, которые меняют судьбы народов»? — Никита не преминул продемонстрировать, что помнит известный диалог миледи и кардинала Ришелье.

— Не знаю насчет народов, а доходность портфеля моего клиента превышает 200% годовых. — Редиска обиженно засопел: была задета его профессиональная гордость. — И комиссионные он платит щедрые. У него только одно железное условие: никакого инсайдерского слива информации. На меня уже и так биржевики косо смотрят. Помнишь сеть универмагов «Воскресенье»?

— Это о них недруги сочинили злой короткий анекдот: «Выходные накрылись — пришли семилетние?» Кто у них там сел за уклонение от уплаты налогов? Главбухша что ли?

— Финдиректор. А я когда начал их скупать, ко мне в клубе подошел вице-президент инвесткомпании «Плутон», готовившей им IPO, и говорит: «Давно я за тобой слежу. Ну, Милкен¹, погоди! Если с моими подопечными что случится, то и тебя на чистую воду выведу, и компания ваша с лицензией профучастника рынка распрощается».

— А ты что? — Никите вдруг показалось, что Редиска утаивает какую-то важную информацию, которая может быть неприятна или ему самому или Никите.

— А я че? — Редиска похлопал ресницами, изображая оскорбленную невинность. — Свалил все на наш аналитический отдел, который якобы дал рекомендацию покупать акции «Воскресенья», исходя из выгодной EBITD² и прочих шаманских показателей.

— А когда финдира «Воскресенья» «приняли» на семь лет, ты на биржу уже не пошел, так?

— В то злосчастное утро, мой маленький друг, я взял себя в руки и поехал на встречу с тобой в ресторан «Медведь».

— А потом?

— Суп с котообразным потом. Я стал топ-менеджером господина Топа. И был им до последнего дня. А сейчас «я устал, я ухожу», — Редиска привычно изобразил неповторимый прононс первого российского президента.

— К Глазливому?

— Ага. Приглашает, родимый, курировать один его совместный проект.

— А меня бросаешь?

— Ну, знаешь, на таком окладе, как у тебя, брошенным себя ощутить сложно. Помни старое правило: если один брат идет

¹ Майкл Милкен – ловкий мошенник, сделавший себе состояние на торговле инсайдерской информацией на рынке акций. Осужден американским судом. Герой книги Джеймса Б. Стюарта «Алчность и слава Уолл-стрит». – М.: Альпина Бизнес Букс, 2000.

² EBITDA – финансовый показатель, прибыли до вычета процентов, налогов и амортизации.

служить немцам, то другой? Праавильно, к партизанам! Глядишь, поможем друг другу избежать конфликта интересов в одной, отдельно взятой, голове. Сколько с меня?

Феликс обладал способностью испаряться по-чеширски мгновенно. И никогда не давал на чай.

Эдуардо Муньес, латиноамериканский бизнесмен, осевший в России, учился вместе с Никитой в университете. У его отца была шоколадная плантация на озере Титикака. Весь поток называл Эдуардо за глаза «обезьянкой», Никита же любил его как брата. Муньес не был деревенщиной, как-никак Лимский университет за плечами. Будучи очень подкованным, он даже знал термин «иль антисемитисмо».

Эдуардо хронически женился в России на своих секретаршах. Одна из них была отвезена на высокогорную родину и ужаснулась разреженному воздуху и летающим тараканам.

С Муньесом появились лягушачьи лапки, краснокожие амазонки в эротических сновидениях и вкрадчивые индейские курьеры с натруженными ладонями работяг и пригоршнями долларов в тряпицах. Чисто некриминальный импорт-экспорт.

На выпускном вечере его жену случайно облил кофеом двухметровый сириец Мохаммед и неловко бросился оттирать пятно, чем смутил всех.

Самая гениальная сделка Муньеса тех лет — обмен годовой продукции Ярославского часового завода на ТНП из Юго-Восточной Азии. Ручная механика на фабричную штамповку. Изящно для времен, когда — «ах, няня» — мы еще не знали слова-пугала «глобализация».

— Синьор НИКИТА, помоги. Только ты и никто другой мне нужен — Никита сразу узнал булькающий голос с нездешним акцентом.

— Эдька! Ты сейчас где?

— На улице Садовая-Самотечная, в офисе риэлторской компании «Юна». Заедешь за мной, синьор?

Эдуардо Муньес все так же весел и улыбчив. С момента последней встречи с Никитой он сменил разбитую «Тойоту Камри»

на модный «Гелендваген» и уступил место водителя специально выписанному из Андских гор племяннику.

Эдька ведет сокурника в бар «Книгочей», где можно бесплатно полистать дорожные художественные альбомы. Закуривает душистую сигару. Начинает рассказ. Пару лет назад, как побочный продукт внешнеторговых операций, у него возникло небольшое мебельное производство. Расположено оно было в тридцати восьми километрах от Москвы, что, при стабильно растущих объемах сбыта, создавало определенные неудобства при транспортировке готовых изделий в московские магазины. Чтобы не тратиться на ремонт автопарка, горючку и зарплату шоферам, Эдуардо решил перебраться поближе к конечному потребителю, то есть в Москву или ближайшее Подмосковье. Он обратился за помощью к риэлторам, и они после заключения договора выкатили ряд предложений. Изучив цены, бедный латиноамериканец обалдел. Будучи хозяином большого 6-этажного доходного дома в столице своей родины, в Москве он не мог себе позволить купить даже половину площадей, необходимых для налаживания производства и склада готовой продукции. Довольно быстро он сообразил и то, что затраты на аренду, стоимость которой каждый год взлетает на 15-20%, тоже не пойдут на пользу его бизнесу. Муньес потребовал от риэлторов нестандартных решений. Те поднатужились и выдали результат, из-за которого Эдька и вспомнил своего друга сеньора Никиту.

Эдуардо положил на стол лист бумаги. Никита увидел таблицу.

Название предприятия	Расположение	Производственно-складские площади, кв.м.	Минимальный начальный бюджет, млн.долл.	Сроки, мес.
Семеновская ткацкая фабрика	Москва, ВАО ¹	11000	1.2	4-6
ОАО «Гамбитъ П»	Москва, ЦАО	1450	0.35	3-4
Николаевский МЗ	Ближнее Подмосковье	От 5000	2	6-8

¹ ВАО — Восточный административный округ, ЦАО — Центральный

У Никиты перехватило дыхание.

— Что скажешь, синьор Никита? — услышал он голос Муньеса. — Правда ведь, здесь только одно хорошее предложение — «Гамбит»? И в центре, и недорого.

Глаза индийского гостя были кристально чисты. В них не было подвоха.

— Эдь, — Никита нашел в себе силы задать естественный вопрос. — А твои риэлторы не говорят, каков будет общий бюджет операции? А то в таблице только цифра начальных вложений фигурирует.

— Хороший вопрос, синьор Капабланка! Конечно говорят. Общий бюджет может составить от 40 до 60% рыночной стоимости тех помещений, которые мы приобретаем вместе с этими организациями.

— А о сроках выполнения «работ», что твои риэлторы говорят?

— А на этот вопрос, синьор, они обижаются. Начинают говорить, что я все-таки еще не стал белым, не научился понимать российские реалии. И еще добавляют, что за ними стоит мощный инвестиционный фонд, они его по понятным причинам не называют, а уж он-то является гарантом исполнения всех сделок по этой таблице.

— И много у них таких таблиц, Эдька?

— Я видел еще две, синьор. По торговым площадям отдельная таблица и еще одна, кажется, по государственным предприятиям.

— Дай-ка мне эту табличку на денек, Эдь. Мне тут кое-что обмозговать надо. А после этого и про твой «Гамбит» поговорим. Лады?

— Лады, синьор Капабланка. Заезжай как-нибудь и без дела. Посидим, попьем матэ, вспомним старых товарищей. Кстати, один из них велел тут тебе кланяться. Шуриков его фамилия.

— Господи, Эдька, ты-то каким ветром его знаешь?

— А у него тут турфирма. Быстрее всех делает визы в экологические для вас страны. В общем, звони мне, синьор, по поводу «Гамбита», не теряйся.

«Гелендваген» растворяется в московской суете.

Никита сидит в Межрегиональном фонде защиты предпринимательства и бизнеса. Его принимает председатель Фонда, бывший адвокат Матвей Неустроев. Выйдя на пенсию, этот энергичный и, в общем-то, порядочный краснобай недолго оставался не у дел. Благодаря многолетнему опыту, связям в судебных кабинетах и коридорах власти, Матвею удалось создать концентрическую структуру, как он ее называл. В своем Фонде он объединил около полусотни столичных и региональных предпринимателей различного калибра. Фонд стал своеобразным клубом по интересам для тех, кому нужно было решить тот или иной юридический вопрос. В отсутствие узаконенных форм лоббизма и третейской медиации обращение в неустроевский Фонд зачастую становилось «последним доводом королей» российского бизнеса, последней попыткой мирного разрешения назревающих конфликтов.

На сессионные заседания Клуба приглашались только те, кто говорил по делу и владел ситуацией. Размер вступительного взноса не разглашался. Таких, как Никита, здесь было немного. И по возрасту, и по заслугам Никита был еще совсем юнцом среди маститых промышленников и юристов. Однажды его призвали на заседание в качестве эксперта по делу о неосновательном обогащении, и он сумел произвести впечатление. Во-первых, Никита посрамил начальника юридического управления «Юг-металл-груп». Во-вторых, корректно отказался от предложенного вознаграждения в конверте, справедливо полагая, что такое поведение для прикормленных Фондом специалистов нетипично. Никитин расчет оказался правильным. Его, кажется, выделили из толпы. В разгар топовских дел секретарь председателя правления Фонда пригласила Никиту прибыть в Фонд «для новых консультаций».

После виртуозного разрешения тяжбы между европейско- и китайско-ориентированной группами за бюджет освоения Катулинского месторождения Фонд прочно обосновался в помпезном особняке князей Голицыных на Яузской набережной. Никиту поразил пухлощекий Амур, который, казалось, наблюдал с полтолка за процедурой заполнения пропуска охранником.

Матвей Неустроев ожидал Никиту в своем сорокаметровом кабинете. За его креслом висела карта СНГ, утыканная какими-то странными булавками трех цветов.

— Действительные члены Фонда — красные булавки, — словно предвосхищая вопрос гостя, вступил в игру адвокат. — Они уже внесли взносы. Синие булавки — общественные представители. Эти за две тысячи рублей в год могут гордо носить звание О.П. и вербовать новых сторонников.

— А зеленые булавки кого символизируют?

— Это... наше тайное оружие. Коллективное членство. Устраивается сбор местных промышленников на балу у губернатора, а он им и говорит: «Господа, делайте взносы!»

— И создается очередной Союз меча и орала? — Никита при всем желании не смог скрыть иронию.

— И создается, молодой человек, очередное региональное отделение нашего фонда. И попечительский совет Фонда на очередном заседании решает увеличить размер вступительного взноса для покрытия издержек на содержание все более разветвляющейся региональной структуры.

Никита хотел спросить, кто входит в попечительский совет Фонда, организации с виду нейтральной и добровольной, но вовремя прикусил язык.

— Чем я могу быть полезен Фонду?

— Не Фонду, Никита. У меня к вам дело личного характера. Окажете мне такую любезность?

— Конечно.

— Тогда сейчас здесь появится одна особа, которая и введет вас в курс дела. А я пока подготовлю речь к встрече с Австрийским союзом юристов. Вы не возражаете?

Никита не возражал. «Семейное дело», — подумал он, справедливо полагая, что дело будет из разряда деликатных, иначе выбор многомудрого Матвея не пал бы на него.

Не успел Неустроев закрыть за собой дверь, как в кабинет буквально ворвалась женщина лет тридцати семи со следами бывлой красоты на чуть располневшем лице. Она была порывиста и стремительна.

Никита вспомнил, что уже видел эту женщину.

Прошло недели две после моего возвращения из Парижа. Я пошел постричься в ближайшую к МГИМО парикмахерскую. Эта парикмахерская (на ее фасаде гордо красовалась вывеска «Салон красоты и здоровья «Веселинка») целый день клубилась дискуссиями. «Веселинка» акционировалась и теперь ежемесячно давала на гора «минус лимон» быстро дешевеющих рублей. Коллектив хором стыдил кассиру (где-то в толпе работников салона стояла неустроевская протеежка):

— Вставай к креслу и стриги, ты такая же учительница, как все мы!

Мда... время не красит. Впрочем, сосредоточимся на сути дела.

— Матвей обещал, что вы мне поможете!

— Извините, не знаю вашего имени-отчества...

— Ольга Евгеньевна! Я личный инструктор по фитнесу господина Неустроева. Бывший инструктор, — добавляет дама чуть тише.

— Ольга Евгеньевна, будьте так любезны, присаживайтесь за круглый стол. Давайте попросим секретарей господина Неустроева сделать нам чай, и вы мне спокойно все расскажете. Документы, надеюсь, при вас?

А Матвей и правда нуждается в помощи личного инструктора бальзаковских лет? Пожалуй, да... Вон ведь как располнел на фондовых хлебах. Никита про себя решил: «С понедельника в очередной раз попытаюсь начать новую жизнь, выкуплю годовой абонемент в близлежащий фитнес с двухнедельной стоп-картой на случай длительных служебных командировок».

— Документы все при мне! — заявила дама не допускающим возражений тоном и протянула Никите конверт.

— Что это?

— Это ИХ письмо. ОНИ сделали мне инвестиционное предложение. И я думаю, принимать ли его.

В конверте напечатанное на ризографе обращение. Никита читает.

«УВАЖАЕМЫЙ АКЦИОНЕР ОАО «ВЕСЕЛИНКА»!

Наша компания последние шесть лет занимается изучением рынка ценных бумаг Москвы и Московской области. Накоплен-

ная информация о неблагоприятных действиях ряда директоров акционерных обществ заставила нас заняться защитой интересов мелких акционеров.

Если ваш директор скупает у вас акции родного предприятия по бросовой цене, не позволяет вам участвовать в управлении предприятием, не платит вам дивидендов, сдает в аренду «вчерную» ваши площади, а деньги кладет в карман — наши специалисты помогут вам вывести его на чистую воду и защитить ваши права. В некоторых случаях, если ваш объект представляет определенную инвестиционную привлекательность, мы готовы выкупить ваши акции по договорной цене.

ЗАСТАВЬТЕ ВАШИ ДЕНЬГИ РАБОТАТЬ! ЗАЩИТИТЕ ВАШИ ЗАКОННЫЕ ПРАВА! НЕТ ПРОИЗВОЛУ ДИРЕКТОРОВ!

Телефон службы по защите прав мелких акционеров ___-__-__»

Название ОАО и телефон были вписаны от руки.

— Теперь расскажите мне, в чем дело.

— Понимаете, — голос Ольги Евгеньевны чуть дрожал, и Никита заметил, что за накрашенным фасадом энергичной «бой-бабы» скрывается неуверенная, потрепанная жизнью женщина. — Когда Фонд совершенствовал штатное расписание и Матвей... В общем, когда господин Неустроев вынужден был меня сократить, то первое время мне очень не хватало денег. Я устроилась в салон красоты «Веселинка», где работала и раньше, до знакомства с Неустроевым. Тем более что после приватизации я оставалась одной из девятнадцати его акционеров.

— Что было дальше?

— Примерно полгода назад пришло это письмо.

— Оно пришло по почте?

— Нет, его принес ко мне домой молодой человек. Очень вежливый, сразу видно умеющий обращаться с женщинами, — Ольга Евгеньевна заулыбалась воспоминанию.

— Он говорил вам о выкупе вашего пакета?

— Он сказал, что его компания не выкупает акции, а только берет доверенности на защиту прав акционеров в суде, но в моем случае они готовы пойти навстречу и рассмотреть вопрос о выкупе пакета.

— И сколько предложил вам этот юный джентльмен?

— Полторы тысячи долларов.
— Для вас это большая сумма?
— На эти деньги можно прожить три месяца.
— Так вы продали ему акции?
— Нет, я не стала им звонить. Решила подождать, вдруг мои акции еще вырастут в цене...

Не дослушав клиентку, Никита набрал телефон, указанный в письме, представился племянником акционерки и спросил, действительно ли предложение. Его попросили подождать. Он услышал стук клавиш: видимо, входили в базу предприятий. Собеседник вернулся:

— Вынужден вас огорчить. К акциям вашей тетушки у нас сейчас интереса нет. У ОАО «Веселинка» в настоящее время оформлены только права краткосрочной аренды на помещение. Очень сожалею.

Отбой. Рейдерам некогда. Они преследуют только крупную добычу.

ГЛАВА 18

РАЗМЕН ФИГУР ЗАЩИТНИКОВ

*«Долголетний опыт дает доказательство того, что
взятая пешка не в состоянии больше продвигаться».*

(Арон Нимцович)

Дефолт подкрался незаметно.

Началось все с того, что железобетонный герр Топ, которому до сих пор все человеческое было чуждо, влюбился. Прозизошла история вечная, как история карисеса. На этот раз она звалась Элина.

Элина Федоровна Тенишева руководила Николаевским филиалом московского Банка промышленного развития региона.

Топ, ранее не отличавшийся бюрократизмом, стал проводить собрания топ-менеджеров по вопросу кредитования у банка «Моспромразвитие» по два раза в неделю. Там-то и было замечено, что он поглядывает на 26-летнюю золотоволосую банкиршу с кегельными (респект Эдуарду Тополю) ножками с той же змеиной улыбкой, с какой обычно смотрел на компаньонов, если речь шла о барыше не менее полумиллиона долларов единовременно.

Особенно почему-то кипятился Феликс: «Нет, ну ты погляди, какая фря! — возмутился он. — И главное, Топу для модернизации цехов нужно, как минимум, 15–16 миллионов зелени, а у Тенишевой лимит — я специально узнавал в головном банке — три ляма! Топу для дела она абсолютно не нужна! Если только прорехи на кафтане подлатать?»

Вскоре Тенишева перестала платить арендную плату за здание, на первой линии центрального в городе проспекта Желя-

бова, снимаемое банком у Завода. Официальное объяснение звучало так: Банк договорился с Заводом об окончательном выкупе арендуемого здания, в связи с чем Завод делает жест доброй воли. Однако шло время, упущенная выгода составляла уже кругленькую сумму, а Банк не стремился зафиксировать договоренности на бумаге, оправдываясь долгим процессом согласований в головной конторе.

Вот, что рассказал Никите о Тенишевой весельчак Тони Гэллахер (владелец модельного агентства «Галактис», поставляющего помощниц, хостесс и референтов в три ведущих российских банка) за полпинтой ирландского пива в баре «Шэмрок». Никита и похожий на деда Мороза модельщик дружили давно, несмотря на разницу в возрасте и положении. Гэллахер в постперестроечной Москве знал все и, главное, владел объективным рейтингом «кто есть ху». Его откровения порой огорчали Никиту: князья, в свете анализа ирландца, оказывались ломщиками, а баронессы самозванками. Так вот, начинала госпожа Тенишева именно с агентства «Галактис». Потом закончила бизнес-школу в Лондоне. И далее за три года сделала головокружительную карьеру в головной конторе банка, находящейся во Вспольском переулке, начав с аппарата пресс-секретаря.

Никита был шапочно знаком с Элиной, пару раз видел ее на собраниях топ-менеджеров. С тех пор как миледи отравила Констанцию Буонасье, он подсознательно не доверял рыжим амазонкам, поэтому, когда одним мутным ноябрьским днем услышал в трубке мелодичный голос Элины Федоровны, решил быть особенно вежливым и предупредительным.

— Никита Валерьевич, тысячу раз извините за беспокойство... Вы, наверно, еще спите, или я вас отвлекаю от семейных дел? — начала Тенишева медовым голоском.

Холостяк Никита, вымесивший в пробках тонну снежной грязи, но все-таки попавший к девяти утра на Завод, мысленно чертыхнулся.

— Всегда к вашим услугам, Элина Федоровна. Чем могу помочь?

— Дело в том, Никита Валерьевич, что мы с вашим патроном наконец-то заключили договор долгосрочной аренды с

правом выкупа на здание банка. Как быстро вы сможете его зарегистрировать?

«Интересно, почему Топ ничего не сказал о заключении договора, и какой юрист его составлял», — машинально подумал Никита. — Впрочем, игра в тайны всегда была свойственна патрону. Впору писать книгу «Параноидальное мышление как ключ к российскому менеджменту».

— Для разных видов договоров предусмотрены разные сроки регистрации: от семи до тридцати дней, Элина Федоровна. Но при подаче на ускоренную семидневную регистрацию вы рискуете через пару дней получить отрицательное заключение регистратора и немедленный отказ. Так что я бы подавал на тридцатидневную.

— Так и сделайте, Никитушка, а я через час пришлю все необходимые документы.

— Так и сделаю.

Через час прибыла курьер из банка, а через два Никита в расстроенных чувствах пробился в кабинет Топы.

— С чем пожаловал, боец? — Топ был в хорошем настроении.

— Николай Оттович, что же это такое делается? — Никита был готов заплакать.

— А в чем дело? — насторожился Топ. Он не любил, когда подчиненные приходили с проблемой, и по-настоящему злился, если не удавалось ее решить. Появление Никиты явно было связано с какой-то непредвиденной проблемой, но вот с какой?

— Вы даете неизвестно кому составлять договор аренды с Тенишевой, а в нем написано, что обязанность банка по оплате нам аренды возникает только после оформления нами земельных отношений на банк. А это может случиться через полгода, год, или это никогда не случится, смотря, предоставит ли нам банк документы для оформления. Как же так?

— А ну говори, кто тебе заплатил за эту гнусь? — Топ побагровел. — Откуда ты взял эту блевотину про Тенишеву? Какой к черту договор?

— Вот же договор, Николай Оттович, — Никита окончательно запутался. — В трех экземплярах, как полагается для ре-

гистрации. Подписанный нашей фирмой «Корона» и банком. Его тенишевская посыльная два часа назад принесла. Вы о нем ничего не знали?

— Договор оставь на столе. Иди к себе, с завода не уходи, дожись меня. Дай мне телефон руководителя регистрационной службы. Секретарше скажи, пусть срочно ищет начальника службы безопасности и гендиректора «Короны». Сам подготовь заявление в регистрационную о блокировке всех операций по зданию банка. Тенишева сама тебя просила о регистрации? Когда вы с ней виделись?

— Просила сама, Николай Отгович, по телефону. А виделись мы с ней недели три назад, здесь у нас на совещании, да вы же помните.

— Ладно, иди. И без тебя голова кругом идет.

А через день случилась история.

Никита засиделся на заводе до темноты. Он закрывает стеклянную дверь. До заводского КПП метров двести с гаком. Водитель отпущен на родину, отпросился на свадьбу младшей сестры.

От стены отделяется тень. Человек выше Никиты и держит на излете бейсбольную биту. Никита мог бы справиться, но появляется еще пять молодых.

Вечерок обещает быть жарким. Охранник заводоуправления наверняка уже сочинил басню о том, как отлучался на полчаса в клозет и ничего не слышал и не видел. Никита подходит к своей машине и начинает очень медленно чистить щеточкой переднее стекло.

— Я — Капитан, но не из ментовки, — говорит приближавшаяся тень. — Есть разговор.

— Есть разговор, давай разговаривать. Какой у тебя вопрос?

— Хочу твоего Топа нафуу послать.

— А есть за что?

— Он обещал работу и не дал.

— Его и посылай, я-то тут при чем?

— А он сказал, что можно с тобой вопрос решить.

— У меня для вас, ребята, работы нету. Топ на той неделе приедет, к нему и обращайтесь, если что.

Лица визитеров незнакомые, биты внушительные. Но их программа дала сбой. Они не знают, что предпринять дальше. Топовский топ-менеджер почему-то не забоялся.

Никита медленно вырывается с площадки в сторону КПП. Ему в спину устремлены шесть колючих взглядов.

Виктор Майер посмотрел в зеркало. На него глядел усталый 75-летний старик. Последние перемены в городе не прибавили Виктору молодости. На рабочем столе в траурной рамке стояла фотография брата.

Август Майер был застрелен в упор на входе в мэрию две недели назад, спустя сутки после того как кто-то наштапковал свинцом Колю Серебро, выходявшего в сопровождении телохранителей из Кавалерских бань. До этих неприятных событий ситуация уже начала выходить из-под контроля, от воспоминаний об этом Виктора передернуло. Эх, lieber Augustin, был бы ты рядом, чтобы разобраться в сложившейся каше...

Коля Серебро до поры до времени свято соблюдал воровской закон, вернее ту его часть, которая запрещала вору иметь официальную семью. Брак с ФЗУшницей Ирой Теплаковой (его первой любовью) зарегистрирован не был, но сына Егора Коля очень любил. Часто, отправляясь вместе с костяком банды в лес пострелять, на речку порыбачить и на прочие мужские увеселительные мероприятия, он брал сына с собой. Коля был авторитарным отцом.

Ира даже после расставания не решалась завести себе друга и никогда не сказала бы слова поперек бандиту. А вот Коля сплоховал: в лучших традициях блатной романтики взял и влюбился. С тоненькой 19-летней моделькой из Киева (тоже Ирой), приехавшей покорять подиум, Коля познакомился в московском ночном клубе. Через три недели бурного романа «молодые» пошли в загс. Авторитет Коли в городских кругах был столь высок, что ни один знаток традиций не осмелился попенять Николаю за их нарушение. В положенный срок родилась девочка, слабая и болезненная, как и ее мама. Жена с дочкой были заперты в четырехуровневом коттедже в элитном охраняемом поселке на окраине города.

Серебро и после свадьбы продолжал вести жиганский образ жизни. Раз в две недели он запивал и частенько поколачивал супругу. В один из таких дней избитая Ирина Серебро случайно взяла звонивший Колин мобильник: какая-то пьяная блдь осведомлялась, скоро ли к ней приедет ее Колясик. Наутро Ира предложила протрезвевшему мужу следующую программу: развод, миллион долларов наличными и права на воспитание дочери. Удивленный Коля отказался и в расстроенных чувствах уехал на тренировочные стрельбы банды, где на глазах шести свидетелей застрелил по неосторожности из зарегистрированного на него пистолета одного из «шестерок», который разявисто присел в кустах по нужде. Сразу отмазать Колю не удалось. Он провел в тюрьме около трех недель, а когда вернулся, новая охрана не пустила его в коттедж. Коля вежливо позвонил у ворот. Охранник столь же вежливо зачитал Коле определение московского суда, запрещающее ему приближаться к коттеджу, жене и ребенку ближе, чем на 500 метров. Интересы Иры Серебро представляла та же адвокатская контора, которая защищала интересы опальной жены одного металлургического олигарха.

Последующие метания Коли были нелогичны и бессмысленны. Видимо, слишком многие были в курсе перипетий его извилистой жизни. Он был застрелен на восьмые сутки после неудавшейся встречи с женой.

В это же время различные структуры проявили интерес к судьбе предприятий, акционером которых был Август Майер. Это и стоило жизни «милому Августу», как считал его брат.

Но жизнь продолжалась. Ира Теплакова продолжала числиться учетчицей на заводе Виктора. Егор подрастал. Ира Серебро (венчанная жена, а потом неутешная вдова) потихоньку оформляла права наследства, отгородившись милицейской охраной от Колиных бандитов. А силовики и криминалитет лихоградоочно готовились к разделу бесхозного Колиного наследства — власти страха, созданной им в городе.

Пока в городе Николаевске происходили все эти небезынтересные события, без вины виноватый Никита, находясь у руководства Завода «на недоверии», старался не умереть с голода,

пробавляясь в Москве юридической практикой на вольных хлебах. Оказалось, что, просиживая присутственные часы на Заводе, он упускал много интересного. Уже через неделю свободы Никита с головой окунулся в московскую круговерть.

ГЛАВА 19

УГРОЗА ПОДЧЕРКИВАЕТ СЛАБОСТЬ ПОЗИЦИИ

«Страдающим является целый комплекс неприятельских фигур; довольно значительные участки доски делаются малопригодными для свободного маневрирования, а иногда и вся неприятельская позиция оказывается сильно стесненной; иными словами, паралич ... распространился на тыл».

(Арон Нимцович)

Собрание директорского актива. Публика разных возрастов и мастей. Мастодонты цеховых времен соседствуют с молоденькими тонкошеими капитанами бизнеса. По-деловому раскрашенные 30-летние бизнес-леди перемежаются 50-летними советскими тетками в перманенте и коричневых пиджаках унисекс.

Тема — захваты. Участвовавшие захваты областных предприятий никому не ведомой силой. Ряды директоров с прошлогодней встречи поределели.

Непонятно как супостатам удалось взять верх над главой правления Текстильной фабрики «Шанс», непопулярным Андрианом Кузановичем. Полгода назад заслуженный хозяйственник отбыл в бессрочный отпуск, а всем партнерам фабрики были разосланы письма от нового главы правления с просьбой соблюдать спокойствие и туманными обещаниями новой сбытовой политики. Однако вскоре отношения почти со всеми традиционными партнерами были разорваны.

Под Новый год тревожный звоночек прозвучал для Межотраслевого завода музыкального оборудования. Он оказался в лапах некоей оффшорной компании, которая на годовом собрании акционеров сместила старого директора и приняла решение о размещении новой эмиссии по закрытой подписке среди своих сторонников, в результате чего срок задолженности по зарплате к лету составил три месяца, люди стали массово увольняться, впрочем, их никто и не держал.

Последним неприятным сюрпризом для привыкших уже вроде бы ко всему директоров стала незавидная судьба универмага «Столичный». Непонятно каким образом, после взятия на реализацию нескольких десятков пар итальянской обуви, у него образовался долг в шесть тысяч долларов, после чего универмаг очень оперативно обанкротила никому не известная фирма «Акапулько». После того, как на суде юрист-представитель «Акапулько», веснушчатый паренек лет двадцати с небольшим, подтвердил, что злополучную обувь его фирма с гордым «индейским» названием поставляла примерно десятку крупнейших универмагов, директора очень быстро выучили название этой фирмы. Ко всему прочему, юрист заявил, что не исключает инициирования новых судов, с новым составом участников. Несоизмеримость копеечного, по меркам городской торговли, долга и крупных размеров обанкроченного предприятия неприятно поразила директоров. Изумила и подозрительная поспешность и исполнительность обычно неповоротливых судов в рассмотрении, казалось бы, пустякового дела. Пресса растиражировала «индейскую» историю. Не было в Николаевске директора, который не провел бы хотя бы одну бессонную ночь в попытках понять, кто стоит за «индейцами» и чем грозит лично ему и его предприятию эта новая стратегия быстрого «съема сливок» с предприятия.

Регистрация участников закончилась. Каждому слушателю выдали папку с тезисами докладов, регламентом выступлений и анкетой участника. Ведущий объявил повестку дня. Были запланированы выступления работников силового блока (прокуратура, суд, приставы, милиция, УЭП), контрольных органов, земельного комитета и регистрационной службы, а также нескольких приглашенных экспертов.

Неожиданно раздается громкий, хорошо поставленный командирский голос:

— Прошу слова!

Зал озирается. Кто сказал? У многих директоров с советских (да и с ранне-перестроечных) времен осталось уважение к городским властям, которые все-таки многое сумели сделать для города, несмотря на все свои недостатки. Поэтому директор-выскачка, решивший нарушить спокойный выверенный регламент типичного протокольного мероприятия, ловит немало недовольных взглядов коллег. Экий Ельцин выискался! Тот тоже вечно любил поперек регламента...

«Выскачкой» оказался крепкий русоголовый мужчина лет сорока восьми.

Председательствующий, пожевав полминуты губами, принимает решение дать слово через три выступления. В конце концов, его департамент отвечает только за протокольную часть мероприятия, к тому же, критики по существу от чересчур горластого директора он не ждет. Пусть выступает.

Первые доклады убаюкивают. Статистика захватов не носит массового характера. В основном, имеют место споры хозяйствующих субъектов. Не всегда суды оперативно реагируют на иногда встречающиеся случаи разборок различных охранных структур, привлекаемых коммерсантами для разрешения своих трений, но случаи такие редки и нетипичны.

Вводные выступления закончены. Директор наконец получает слово:

— Дорогие товарищи! — начинает он (в РФ пока не закрепились форма обращения «господа»), голос его предательски дрожит. — Многие из вас меня знают, товарищи. Я Петраков Виктор Петрович. Двадцать лет я работаю в Северо-Западном строительном тресте, из них одиннадцать лет я им руковожу. Я вывел его из отстающих в передовые, мы совершенствуем материально-техническую базу, у нас нет текучки кадров, весь коллектив сплочен как один человек. Товарищи... я понимаю, что после этого выступления у меня будет серьезный повод опасаться за жизнь членов моей семьи и за мою собственную. Но иного выхода у меня нет. Все попытки обращения к властям не дали никакого результата. Мой бизнес, товарищи, пытаются от-

нять бандиты. Властям все равно, кто победит в этой схватке. Я знаю, что не уступлю. Помогите мне.

По словам Петракова, первого октября в его офис приехал гладковыбритый («прилизанный») молодой человек с удостоверением Областной адвокатской конторы. Он сказал, что представляет интересы компании «Акапулько», предоставил для минутного ознакомления (из его рук) доверенность, из которой следовало, что ООО «Акапулько» действительно уполномочивает его представлять интересы организации при проведении различного рода переговоров и совершении иных действий, требующихся для исполнения настоящего поручения. После этого молодой человек предложил Петракову, в присутствии его заместителя, отступное в размере 1.000.000 (прописью: одного миллиона) долларов за немедленный выход из собственного бизнеса в пользу вышеназванного ООО «Акапулько». На размышления Петракову было дано три дня, на четвертый, как пообещал адвокат, глубокоуважаемый директор получит иск городской прокуратуры к Фонду имущества Московской области по признанию недействительной сделки приватизации Северо-Западного строительного треста. Молодой человек был настолько любезен, что даже принес для ознакомления подборку судебных прецедентов по опротестованию приватизационных процессов в Москве и области. Таким образом, Петракову дали понять, что его взяли в оборот серьезные и чуждые сантиментов люди.

На следующий день Петраков и его ближайшее окружение обнаружили, что все их телефоны прослушиваются. «Это ж какие контакты в спецслужбах надо задействовать, дорогие товарищи, — ошарашенно вопрошал Петраков, — чтобы круглосуточно пасти двенадцать человек?»

Вопрос остался без ответа. Представители силовиков, присутствовавшие в зале, молчали. Они-то, в отличие от большинства директоров, владели информацией о хозяевах «Акапулько» и поэтому риторическими вопросами не задавались.

— Слушай, Петрович... А что ж ты за помощью не обращался? Мы ж сколько лет еще по Союзглавоблстрою знакомы... Зашел бы по дружбе ко мне или к начальнику нашего департа-

мента, он до сих пор в правительстве области нашей тематикой занимается! — в своем обычном демократическом стиле «рубаци-парня» выступил Иван Васильевич Харлампида — шеф весьма влиятельного Профсоюза профессиональных строительных рабочих Московской области, а ранее руководитель убыточного СУ-517.

Зал привык к выступлениям этого записного лоббиста, настольной книгой которого была «Мафия», с красными пометками на полях. Книга американского автора рассказывала об истории швейных профсоюзов в Штатах в 1930-е годы. В общем-то дружелюбный к подшефным предприятиям, Иван Васильевич имел в своем профсоюзе в качестве ассоциированных членов целых три ЧОПа.

— Понимаешь, Васильич, — казалось, что Петраков думает, стоит ли произносить следующую фразу. — Так вот, понимаешь, Васильич, в этой катавасии не всегда поймешь, где друг, а где враг. Я ведь к кому только не обращался, я во все колокола забил! Вы посмотрите, товарищи, вот копии моих обращений в прокуратуру, на Старую площадь (в правительство области), на Лубянку, в МВД! А пока я все эти обращения писал, эти гады начали звонить членам совета директоров домой и предлагать очень большие деньги в обмен на их голоса. Да что там... жене на мобильный позвонили, номер-то ее всего три человека знают! Предложили ей миллион долларов за сотрудничество...

— Какова же судьба ваших обращений? — делано-деловито осведомляется председательствующий. Ему не нравится общий настрой слушателей. Вместо бодрости и желания вместе, сообща, сражаться с новой напастью ими, после рассказа Петракова, на глазах овладевает уныние и апатия заранее побежденных. Председательствующий хочет, чтобы это собрание стало для него административным трамплином к новой должности, а при таком развитии событий он может лишиться и нынешней. Нужно срочно перехватить инициативу у выскочки. — Неужто наши доблестные силовики вам не помогли?

— А силовые наши структуры, защитнички наши, — будто ожидая этого вопроса, чеканит Петраков, — в ответ на мое обращение пригласили меня на беседу, напоили чаем и огорошили неприятным известием. Пока, дескать, неясно, откуда у за-

хватчиков ноги растут. Один из учредителей «Акапулько» вроде бы из Оренбургской области, другой из Камчатского края. А установить их нынешнее местопребывание пока не удалось. Вот и вся, товарищи, помощь.

Зал недружелюбно гудит. И непонятно, чего в этом гуле больше: злобы в адрес непонятных врагов, захватчиков-«индейцев» или друзей-защитников из органов власти, которые должны бы вроде радеть за процветание областного бизнеса и не давать его в обиду. А на деле... Э-эх.

— Регламент... — робко пытается напомнить председательствующий, но зал прерывает его единым, в двести глоток, криком:

— Пусть человек говорит!

Тут не теория захватов, тут жизнь, в которой есть место и подлости, и смелости. Завтра на месте Петракова может быть любой из них. Только хватит ли мужества вот так во всеуслышание рассказать о шантажистах и о своей беспомощности?

— Террористов президент призвал «мочить в сортире», товарищи... Как же быть с этими экономическими террористами, с захватчиками? Почему их не мочат? — Петраков неожиданно садится на свое место. Он все сказал, что хотел.

С шумом отодвигается кресло в президиуме собрания. Представитель правительства области извиняется перед аудиторией: он срочно должен ехать на совещание. Камеры покидают зал. Директора сидят притихшие.

ГЛАВА 20

СЕАНС ОДНОВРЕМЕННОЙ ИГРЫ. НИКИТА УХОДИТ В ФРИЛАНС

«Погоня за эффектами кажется его непрерывным стремлением, и лишь при более близком изучении мы замечаем шахматно-философскую глубину идей».

(Савелий Тартаковер)

Продолжалась Никитина работа на вольных хлебах. Порой происходили весьма интересные встречи. Взять хотя бы эту...

Во дворе офисного центра наблюдается редкая концентрация красивых девушек в неглиже. То ли это конкурс секретарш, то ли набор моделей в рекламу прокладок.

Никитины клиенты Игорь и Степан, присутствующие при этом действе, недоуменно хмыкают. Эти молодые небогатые миллионеры вышли из народа совсем недавно. Подобно многим коммерсантам этого призыва, на людях они стараются быть чересчур интеллигентными. «Не верю», — как говаривал классик. Ребята, стоит затронуть животрепещущий денежный вопрос, как наигранный лоск слетит с вас вместе с благоприобретенным воспитанием, и останутся только затверженные фразочки и грязные приемы подворотни: «Бей первым», «Не верь, не бойся, не проси», «Боливар не вынесет двоих» и прочая социальная зоология.

Молодые люди поднимаются на третий этаж в офис Ивана Андреевича Байдукова, который и продает этим господам имущественный комплекс Петровской рембазы.

Иван Андреевич — вальяжный министерский чиновник бальзаковского возраста, грубиян и жизнелюб, плавно пересевший из кресла чиновника в кресло зампреда корпорации «Газ-промстройпроект». Рембазу он прибрал к рукам лет шесть назад, вкладывал в нее мало, но зарплату сторожам платил исправно и все поставки по своей работе перевел туда на складирование. Он недоуменно-барственно кивает гостям:

— Мы ж вроде не договаривались о встрече? Или вы решили внести задаток за объект?

Отвечает Игорь, он моложе и беднее Степана, а следовательно, активнее:

— Иван Андреевич, после нашей первой встречи мы, естественно, съездили на базу, осмотрели ее, в целом, остались довольны увиденным и уже отдали указание своим бухгалтерам аккумулировать на счетах те два миллиона, что вы просите за объект. Прежде чем приступить к официальной части, один вопрос, Иван Андреевич, только не для протокола: почему вы продаете базу?

— Кгхм... — Иван Андреевич издал сей звук столь многозначительно, что ему позавидовал бы сам Черномырдин. В этом звуке можно услышать что угодно. Никите, например, слышится: «Возраст, заботы, вы молодые, вам и рулить».

Неожиданно в разговор вступает Степан:

— Иван Андреевич, ну мы же с вами взрослые люди, зачем мы друг друга лечим? За два ляма, что мы вам дадим, если что, ведь и ответ держать придется. Вы когда базу от агрессоров отбили?

— Кгхм... Месяц назад они ушли.

— А до этого, сколько они на базе пробыли?

— Да месяца два, с тех пор как вломились в нее с ментами по поддельным документам.

— А почему ушли?

— Да как только я получил судебное решение и постановление о возбуждении уголовного дела по фактам подлога и подделки, а это в пятницу было, так они за выходные быстренько и смылись. Заходит в понедельник мой человек на территорию: ворота открыты, по базе ветер гуляет, собаки сторожевые некормленные лают, а печать в кабинете директора на столе лежит.

— Почему нам не сказали?

— Я, молодые люди, перед вами душой не кривил. Я законный собственник базы. Деньги, за которые ее купил, не украл и не в лотерею выиграл, а заработал своими руками и своей головой. Мало ли какой ублюдок у меня пытался мое кровное отнять? Зачем мне вам об этом плакаться?

— А они не предлагали полюбовно договориться?

— Да предлагали, конечно. Дай, мол, один лимон долларов на компенсацию затрат по захвату, и они уходят. Я встречный вариант предложил. Они уходят, а я обеспечиваю прекращение против них уголовного дела. Не договорились.

— Эх, Иван Андреевич... — задумчиво говорит Степан. — Классный вы мужик, искренне вам это говорю. Окажись я в вашей ситуации, не факт, что смог бы ее разрулить быстро, да еще в свою пользу, в правовом поле. Одна к вам просьба, Иван Андреевич, подумайте еще раз насчет цены. А то у ваших оппонентов она на поллимона зеленых ниже... У нас ведь каждый цент на счету. А кто из вас законный владелец — теперь уже одному Богу известно.

Как довелось узнать Никите, рейдерство может касаться не только зданий из стекла, кирпича и бетона. Наглому захвату и беспардонному грабежу могут подвергнуться и нематериальные активы. Если имя человека чего-то стоит на рынке, то даже его можно отнять...

Аркадий Городецкий похож на пятидесятилетнего ребенка. Он неприспособлен к советским бытовым трудностям и не знает кода своей кредитной карточки. Начинал Аркадий в 1970-е годы в одном из многочисленных столичных ВИА. В ту пору, когда большинство «лабухов» разной квалификации устремило свои взоры к ньюйоркшине, Аркадий, с его интеллектуальными песнями, почему-то выбрал заснеженные просторы Канады. И не прогадал. Здесь не было такой тесноты и конкуренции, как на Брайтон Бич. Канадский зритель, не избалованный бардовской песней, оценил и задушевный баритон, и «парижский» артистический вид Городецкого, и неброский шарм его песен. В монреальской звукозаписывающей студии помогли со скидкой записать альбом, но продавать его Городецкий отправился в Москву.

В город, где его знали и помнили. В город, где «Мерседесов» было больше, чем во всей Канаде.

Эту историю Аркадий Городецкий рассказал Анне Савенко за чашкой душистого травяного чая в ее маленькой, но уютной квартирке. Как юрист, Анна, специализировавшаяся на захватах и поглощениях, была совершенно не заинтересована в таком клиенте. А вот как одинокая разведенная женщина-трудоголик, она сразу оценила и неприкаянность, и бытовую беспомощность Аркадия, и атлантическое обаяние любимца толпы. Познакомились они случайно, в офисе коллеги Анны. Уже через несколько минут знакомства Аркадий пригласил: «Барышня, а не выпьете ли со стариком чашечку кофе без кофеина?»

Вне постели Аркадий оказался малоопытен и беспечен. Совсем не таким был московский контрагент, к которому он обратился по приезду (в начале 1990-х годов), с просьбой помочь в реализации альбома. В это время Евгений Зудов, бывший комсомольский активист, фарцовщик, гитарист второго состава группы «Черная Металлургия», процветал на ниве звукозаписи. Во всяком случае, в его офисе имелись все атрибуты процветания: длинноногие секретарши, охранник при входе, афиши с дарственными подписями звезд в кабинете.

Убаюканный благополучием и убедительным тоном Зудова, Аркадий подписал контракт, в котором было прописано, что все права на его альбом на двадцать пять лет передаются зудовской фирме «Многогранник». Взамен Зудов обязался выплатить десять тысяч долларов за первый год, и далее ставка должна была ежегодно повышаться на 3%.

— Ты пойми, старина, — втолковывал Аркадию молодой Зудов, пыхтя сигарой, — сложный процент за двадцать пять лет сделает тебя миллионером.

Аркадий вернулся в Канаду. Обещанные деньги поступали очень нерегулярно (Зудов объяснял это кознями конкурентов, наездами налоговой и другими весьма серьезными причинами), а после дефолта и вовсе перестали приходить. В московской музыкальной тусовке поговаривали, что аналогичным образом Жека надул еще с полдюжины известных исполнителей, выбранных по принципу «самодеятельности»

(за ними не стояли серьезные структуры, способные защитить их права).

В 2003 году Аркадий, поднакопив впечатлений, записал новый диск и, минуя недобросовестного Зудова, самостоятельно договорился с крупнейшей сетью московских супермаркетов о распространении дисков.

Через два месяца Зудов нанес ответный удар. Его юристы подали иск от «Многогранника» к сети супермаркетов, обвиняя их в продаже контрафактного диска. Причем люди, близкие к судебной системе, поговаривали, что в качестве вещдока в суде будет предоставлен не старый диск Городецкого, а точная копия нового. А люди, сведущие в аудиоэкспертизе, добавляли, что ее результат будет непредсказуем, точнее, при сопоставлении денежного веса двух сторон, абсолютно противоположен реальности.

— Ну и что мне теперь с этим американским чудом делать? — обессилено спрашивала себя Анна. — Как прервать кабалу артиста?

Аркадий же, по своему обыкновению, подписал предложенный Анной проект претензионного заявления, не читая:

— Анечка, ну зачем эти формальности? Я же вам доверяю.

Тем временем, по сообщению прессы, был убит юрист компании «Дрогобыцкий и партнеры», который вел дело нескольких певцов и творческих коллективов против фирмы «Многогранник». Зудов же потребовал компенсации упущенной выгоды и предъявил иски на многие миллионы долларов трем ритейлерским сетям, Союзу музыкальных магазинов и крупнейшему в СНГ Интернет-магазину.

У зудовской подопечной Ирины Райковой, чье творчество стало причиной иска, срок кабального договора на диск «Первоцвет» был максимальный — 99 лет.

ГЛАВА 21

СПАСШИЙСЯ

«Преследование — идейные варианты проводятся одинаковыми фигурами разного цвета; их движения происходят в одном направлении, причем белая фигура становится рядом с черной».

(Николай Зелепукин. Словарь шахматной композиции.)

Топ был в недельной отлучке за границей, важных дел в Москве не было, и Никита решил зайти к старинному спарринг-партнеру (работавшему в концерне «ИВВИ») погонять пятиминутный блиц. Его друг пользовался на работе привилегией «ничегонеделания», с условием того, что его прогнозы на курс доллара и наступление новых дефолтов будут верными. Как любой «яйцеголовый» VIP в отделе по созданию атомной бомбы, он выговорил себе право открывать дверь только по крайней производственной необходимости. Поэтому шахматисты были крайне удивлены, когда в кабинет без стука вошел хозяин концерна Вадим Ивахненко. Он попросил Никиту заглянуть на полчаса после окончания шахматных баталий. Естественно, игра тут же была забыта, и через пять минут, миновав кордон секретарей, Никита уже стучал в массивную дверь кабинета.

Никита знал Вадима Ивахненко другим. Вальяжный, властный, в сшитом итальянским дизайнером кашемировом костюме по фигуре, он казался воплощением сытости и могущества. Его концерн занимался научными разработками для авиационного комплекса, готовил программное обеспечение для заказчиков со всего бывшего Советского Союза. При приватизации

концерн «ИВВИ» унаследовал от бывшего главка Минобороны прома роскошное здание на Покровском бульваре.

Сейчас перед Никитой сидел совсем другой человек. Вадим Ивахненко поседел, похудел, даже осунулся. Под глазами, как следствие хронического заболевания или, может быть, многодневного недосыпа, появились темные круги. Вельможность улетучилась. Но глаза (Никита был поражен) светились каким-то доселе невиданным энергичным огнем.

Хозяин кабинета жестом предложил гостю сесть и закурил трубку.

— Я оторвал вас от увлекательной дискуссии в защите Грюнфельда, потому что кое-что слышал о проблемках в защите вашего предприятия. Эти обстоятельства позволяют думать, что судьбы наши схожи. Против вашего Завода и моего бизнеса было применено одно и то же оружие массового поражения. Мне хочется помочь вам, хотя бы своим примером. Предупрежден — значит вооружен.

— Вас тоже пытались захватить? — Никита даже привстал со стула. Ивахненко, однако, сохранял олимпийское спокойствие и продолжал методично раскуривать трубку. Когда он продолжил рассказ, Никита вначале не хотел верить услышанному. Но сходство приемов атаки и ловкость защиты заставили его поверить, он внимал рассказу.

— В моем случае, процесс захвата был налажен конвейерно и обслуживался десятками профессиональных юристов. Процесс защиты пешки-исполнителя захвата велся чисто формально. Да, собственно говоря, это растительное существо в тренировочном костюме вряд ли способно было осуществлять столь изощренные комбинации, которые, в конце концов, и должны были лишить меня собственности (в пользу захватчиков).

— Почему вы стали бороться?

— Я собственник. Мне ничего не доставалось даром. Сам красил носки, варил джинсы, фарцевал, купил первую палатку, потом вторую, наполнил их товаром. Каждый доллар доставался тяжело. Недвижимость скупал по коммерческой цене, в лоб. Просто доходность по банковским вкладам была такой же, как и арендная плата, только тут еще и капитализация росла. И вдруг, я узнаю, что доставшееся мне кровью и потом имущество хотят

отобрать какие-то негодяи! Конечно, я вступил в борьбу! Здесь ведь как в джунглях, нельзя прогнуться ни разу. Прайд хищников охотится не за всем стадом травоядных, а за самым слабым, не способным дать отпор.

— Как же они действовали?

— В моей истории было все. — Ивахненко рассказывал неторопливо, и непонятно было, чего в его голосе больше, спокойствия победителя или холодной ярости проигравшего. — Знаешь, они действовали, как Дракон в пьесе Шварца: «войну начну сам, внезапно и в полной темноте». Помню, как я удивился, когда обнаружил в ежедневном бюллетене предложение якобы от имени моей фирмы о продаже моего офисного помещения в центре Москвы. И шок от посещения налоговой, где выяснилось, что по документам моя фирма уже вроде как и не моя. И недоумение, когда оказалось, что все подлинные документы с подписями учредителей налоговая инспекция потеряла, зато исправно подшила в дело многочисленные заявки, протоколы и решения самозванцев. Последняя находка вызвала прямо-таки изумление: оказалось, наш самозванный директор, находясь на «химии» в спецпоселке в Амурской области, уже месяц как умер, но перед этим успел начудить. Гастролируя по городам и весям нашей необъятной Родины, этот зомби активно заключал договора от имени компании и каждый раз ставил на кон самое дорогое, что у нас было — офисную недвижимость. Этот горе-управляющий дважды продал местным компаниям за копейки доли в нашем ООО; отдал нашу недвижимость в залог в обеспечение долга руководимой им компанией; внес ее в уставной фонд некоего ООО, слившегося затем в экстазе с пустопорожним юридическим лицом из Урюпинска. Самое смешное, что в существование этого города вне анекдотов я не верил и, как оказалось, очень зря, поскольку решение Урюпинского суда о внесении изменений в реестр и нечинении препятствий новому управленцу в его нелегком труде было совершенно реально. Как реален был и московский судебный исполнитель, бросившийся исполнять это решение на следующий день (!) после его вынесения.

— Нападающие пытались вынести ваши противоречия на публику?

— Нет, ибо у них не было никаких аргументов в свою пользу. Зато они придумали, как им казалось, задорный PR-ход. В день слушания нашего дела на столбе перед зданием суда появился роскошный венок (такие обычно вешают в местах гибели водителей) сам понимаешь с чьей фотографией. Не желая раньше времени себя хоронить, я развлекался тем, что по всей стране искал нового директора. Чутье подсказывало мне, что он жив, и не обмануло: лже-директор и вправду был живее всех живых. Он сказался домоседом, никогда не покидавшим спецпоселение, факт своей смерти отрицал, используя простонародные выражения. Оказалось, что он за тысячу рублей отдал паспорт (на сутки) незнакомому субъекту, который так вместе с ним якобы и сгинул. Явный недостаток IQ вряд ли позволил бы ему стать миллионером на игре Максима Галкина.

— Как все это время вели себя захватчики? Искали встречи с вами? Пытались договориться «полюбовно»?

— Они нападали исподтишка. Открыто не светились. В то же время в теневых разговорах, в болтовне по бизнес-сообществу эти ребята держались орлами. Не скрывали, что все это делают они, и выражали уверенность в своей победе.

— А как вы относитесь к горе-директору, которого так долго искали?

— С сочувствием. Ему вкатили восемь лет по трем статьям УК, а он не заслуживал больше трешки. Но заказчиков он не сдал.

— Вадим Николаевич, так почему они все-таки на вас полезли? Не думали, что вы будете активно сопротивляться и сломаете всю игру?

— Мой юный друг... Есть три стадии развития бизнеса. На первой стадии человек сам бегаёт и все делает. На второй стадии он заводит себе человека, который бегаёт и все делает. Переход на третью стадию знаменуется тем, что порученец большого босса сам заводит себе людей, которые бегают и все делают. На этой стадии исполнители частенько выходят из-под контроля. В рейдерском ремесле они зачастую пытаются откусить кусок не по горлу. Так и произошло в моем случае.

— Откуда взялись эти корпоративные пираты, Вадим Николаевич? Кто их готовит?

— Я тебе отвечу, Никита. Я не раз об этом думал и, кажется, знаю ответ. Первые российские рейдеры — это крупнейшие современные корпорации. Скелеты спрятаны в шкафы. Кровь смыта с белоснежных манишек. А с чего все начиналось? Группы охочих до денег людей с помощью коррупционных связей распределяли между собой ресурсы, квоты, лицензии, республики, края и области. Таким образом, и сами «бароны-разбойники», и специалисты, стоявшие рядом и помогавшие им, получили первый опыт. Последние, конечно же, не вкладывали в рейдерские походы своих денег, зато они перехватывали мысли, воспринимали задачи, узнавали методы работы рейдеров и учились у них оптимальным способам достижения целей. Постепенно по разным причинам рейдерские компании стали распадаться, а их персонал растекаться, унося с собой знание разрушительных технологий. Причем у рейдеров второй ступени градус агрессии был выше, чем у отцов-основателей. Мы такие же умные, как... (вставить инициалы нужного олигарха), так почему же он в Государственной думе, на благотворительном приеме, в Давосе, Куршавеле, Ницце, а мы у разбитого корыта? Несправедливо! Разве все самое сладкое уже захвачено? Так они думали. Самой сладкой была, разумеется, нефть — ее и расхватали первой. Но рейдеры быстро утешились. Россия огромна, на ее территории десятки тысяч прибыльных предприятий. Всем места хватит. Специалисты начали тиражировать опыт грабежей и захватов...

— Извини, Никита, мне надо отлучиться минут на двадцать, у меня встреча с представителем следственных органов, — Ивахненко выходит.

— Не хотел хвалить патрона при нем, — говорит 60-летний седой консилиери, присутствовавший при разговоре, — но он боролся и победил. Ставка на правовые методы оказалась верной. Правильным решением было придание конфликту публичного характера. Нас сразу заметили, мы получили поддержку со стороны еще «несъеденных» коллег. Да и органам власти пришлось прислушаться к нашим мольбам о помощи. Только так и удалось выстоять. Да еще эти негодяи, не рассчитав сил, полезли было захватывать государственные предприятия. Тут им и дали по шапке.

— Хотел вас спросить... Думаю, ваш босс все равно не ответил бы на этот вопрос. Вы выстояли, вылечились от, казалось бы, неизлечимого недуга, попутно узнав тысячу и один способ, как «завалять», погубить, захватить вполне жизнеспособное предприятие...

— И в чем вопрос?

— Соблазна не возникает?

— Никита... — консьюльери корректен, но в голосе звучит металл. — У нас нет соблазна использовать этот опыт в грабительских целях. Следовательно, расследующий убийства и знающий изнанку этих дел, вряд ли захочет стать убийцей. Я не могу залезть к тебе в карман. Сама мысль об этом нестерпима. Вор-карманник, адаптируясь к своему ремеслу, переходит тяжелейший психологический барьер. Я не пойду воровать. Доходчиво объяснил?

— Вполне. У меня еще один вопрос. Когда вся эта история закончится, вы будете раскланиваться с чужими, не вашими, захватчиками на встречах и званных приемах? Руку им подадите?

— У меня нет однозначного ответа, — кажется, консьюльери обескуражен.

— Есть очевидный ответ: зло есть зло, с ним нельзя договориться. Или это неправильный ответ?

— Да как тебе сказать... Удивительная метаморфоза происходит сразу после успешного захвата. Рейдер — нападающий, пытающийся отнять. Когда он уже отнял и продержал награбленное в своих руках настолько долго, что оно стало своим, он уже не тот. Он полностью легализованный инвестор. Он послушно чтит закон. Он контролирует тысячи рабочих мест, десятки заводов, процеживает вузы в поисках талантливых и амбициозных самородков и предлагает им достойную оплату. Даже власть вынуждена вести с ними диалог как с представителями бизнеса. Кстати, ты в курсе, что О-в (называет фамилию известного рейдера) заканчивал Гарвард?

— Некругло как-то получается... — Никита по-детски разочарован. Отец наказывал ему иначе.

— А в жизни кругло не бывает. Ты это свое шахматное манихейство¹ брось. По-твоему, есть только белые и черные, а еще

¹ Манихейство — в Персии в III веке н.э. — религиозно-философское учение, основу которого составляет признание двух начал бытия (противоборствующих царств добра и зла, света и тьмы), борьба которых должна завершаться торжеством духа, восстановлением утраченной гармонии.

ведь встречаются и красные, и зеленые, и серо-буро-малиновые в крапинку. Завод от врагов отбей, потом поговорим. А Топ твой, кстати, мировой мужик!

Встреча окончена. Никита выходит на бульвар, солнце освещает ему дорогу.

ЧАСТЬ IV

ФИНАЛ

ГЛАВА 22

ЗАМЫСЛЫ СОПЕРНИКОВ ОТКРЫВАЮТСЯ

«Winning is not a sometimes thing, it's an everyday one»¹.

(Винсент Ломбарди)

В доме Савенко все было по-прежнему, словно десяти лет после перестроечной круговерти с момента последнего Никитино-го посещения как ни бывало. Никита с Аней изредка созванивались, он даже консультировал ее по вопросу авторского права (в связи с делом Аркадия Городецкого), но очная встреча постоянно откладывалась под какими-то нелепыми предложениями.

Никиту встретила Аня. Ее линии чуть округлились. В глазах появилось незнакомое Никите внимательное, чуть напряженное выражение.

— Проходи, шер ами. Папа укатил на какую-то конференцию в Дом ветеранов необъявленных войн. Рассказывает там истории про пребывание наших специалистов в Черной Африке. Ты не знал?

— Нет, откуда?

— Папа в принципе был неразговорчив. Со всеми кроме тебя. Что-то он в тебе нашел этакое... располагающее. — Аня улыбнулась.

— Ты-то сама как эти годы прожила?

— Прожила... Красный диплом. Замужество на пятом курсе. Развод через полгода: однокурсник оказался никчемным из-

¹ «Выигрывают не «иногда», а каждый день».

балованным мальчишкой. (Никита был уверен, что она замужем, поэтому и не осмеливался появиться. Что ему стоило лет пять назад задать вопрос и услышать ответ?) Аборт, после которого я не смогу иметь детей. Попытка бегства в православие. Разочарование. Работа помощником адвоката Ракитина. Его странная смерть, о которой ты читал в газетах, в разгар расследования «рыболовного дела». Частная адвокатская практика. Годы после смерти мамы идут быстро, Никита. Вижу только, как папа стареет... Расскажи лучше о себе. Вижу, что тебе давно хочется поделиться наболевшим.

— А чаем напоишь?

— Обижаешь! «Самый лучший в мире чай» — предмет нашей семейной гордости, его и твой отец ценил, когда к нам в гости заживал. — Аня достает из сервиза чашки с мещанскими пастушками, и Никита вдруг чувствует, что он дома. Он сбивчиво, путаясь в подробностях, рассказывает этой странной девушке все, что перевернуло его жизнь за последние полгода.

Никиту ждет несколько открытий. К его удивлению, Аня знает Редиску. А что тут удивляться, ведь компании московских япти перетекают одна в другую. По Аниной информации, у эксперта по клиентским отношениям «манеры великосветского повесы» и большие карточные долги. Что, впрочем, не криминал. Эта же страсть владела и Пушкиным, и незабвенным Федором Михайловичем Достоевским.

Аня оживляется, слушая экскурс в парижскую жизнь, ей хочется узнать фамилию того работника органов, который сначала разрабатывал Жюстин, а потом, перекрасившись, шантажировал отца Никиты ради коммерческой выгоды.

— Мне этот тип определенно кого-то напоминает, — заявляет она. Никита и рад бы удовлетворить ее интерес, но отец не называл ему фамилию «героя». Единственное, что помнилось про анонима: фамилия у него вроде какая-то цветочная. Впрочем, это могло быть ошибкой памяти.

Слушая рассказ Никиты о визите в инвестиционную компанию, Аня откровенно веселится:

— Женишок, а ты еще девственник в некоторых очень серьезных вопросах. Вся эта беседа — типичный вербовочный прием. Черноситов откровенно тебя прощупывал, таким об-

разом пытаюсь прогнозировать твоё поведение на случай разных поворотов сюжета. Ты, часом, не знаешь, что он делал до 19 августа? Агитпроп ЦК? Понятно! А ты, небось, уши развесил, когда он тебе дифирамбы плел, признайся?

Слушая предысторию приобретения Завода, Аня, против ожидания, не стала ругать заморского капиталиста:

— Не грязнее, чем у других. По крайней мере, без крови обошелся. Не пойму, за что его центральная пресса третий месяц полощет?

Тенишева не кажется Анне несущественным эпизодом «всеннего кобелирования» одинокого капиталиста. Напротив, она надолго останавливается на всех эпизодах, ставших причиной Никитиной отставки. Никита горячится и пытается объяснить, что Тенишева тут ни при чем. Аня закрывает ему рот теплой ладонью и просит:

— Дай сосредоточиться! Мне надо проанализировать позицию.

Неожиданно все встает на свои места. Никита сразу вспоминает, где впервые увидел эту девочку. На том самом шахматном мемориале. Причудливая жеребьевка свела в первом туре юношескую команду «Останкино», капитаном которой был Никита, со второй юношеской сборной «Динамо». На первой доске играла девчонка. Она боролась лихо, а Никита испытывал естественное недоверие к девчоночьим талантам. В защите Пирца-Уфимцева Никита был разгромлен в тридцать ходов прямой атакой на короля. Когда ходов за пять до поражения хитрый Никита предложил девчонке ничью, она, внимательно посмотрев на него исподлобья, произнесла те же самые слова: «Мне надо проанализировать позицию...» В последующих девяти партиях Никита отдал соперникам всего две ничейных половинки очка. Но из-за неявки четвертой женской доски команда в целом выступила средненько. Выходит, он знал Аню раньше, и они были близки, как могут быть близки два бойца в сражении.

Каким-то седьмым чувством Никита понимает, что Аня помнила их первую встречу и все ждала, когда же вспомнит и он. Какой самовлюбленный болван!

— Так вот, шер ами. Получай мой анализ. Кто-то ведет охоту на Топа и его бизнес. Кто-то нанял для этой цели инвестком-

панию господина Черносвитова и, вероятнее всего, завербовал Редиску. Эти люди сделали ставку и на тебя, — да-да, не перебивай, пожалуйста. — Они рассчитывали, что своей честностью и профессионализмом ты завоеешь доверие капиталиста, как, впрочем, и случилось, после чего они переманят тебя на свою сторону, проще говоря, купят. Видимо, шер ами, они переоценивали твою тягу к деньгам и не заметили некоей... реликтовой порядочности. — Анина рука порывисто взъерошивает Никите волосы. Он понимает, что этот монолог дается ей очень тяжело. — Они быстро поняли, что просчитались. Ты был исключен из списка агентов влияния. Тему колхозной земли вам подбросили, чтобы отвлечь. А затем начали методичное наступление по всем правилам рейдерской стратегии. Такое впечатление, что на вашей шахматной доске скоро совсем не остается фигур, защищающих господина Топы. И тогда... партия будет сделана.

Анна впервые позволяет себе намек на соединяющую их игру...

— Знаешь, что меня сейчас больше всего беспокоит?

— Что, Аня?

Где были его глаза? Она же все эти годы была рядом! Он мог позвонить, прийти, сказать... Он никому не должен был ее отдавать.

— Грамотный шахматист, начиная атаку, стремится вывести из игры самую сильную неприятельскую фигуру. Вывести окончательно и бесповоротно. А самой сильной фигурой в пештроем сборище Топовских помощников и менеджеров являешься, мой милый, ты.

— И что ты мне предлагаешь? Бегство на край света? То-то подивится Топ шахматным обоснованиям моего побега! Да и враги будут рады. Черносвитов решит, что малец испугался тени на стене.

— Черносвитов — обычный исполнитель. По-человечески, он тебе даже симпатизирует, но заказ есть заказ. Настоящий заказчик, ты прав, это пока что тень, но даже в таком виде он сильнее всех фигур на доске. Он ведет свою партию, и ты досадная помеха его игре. — Аня резко меняет тему. — Будь другом, не откажи мне в одном предложении, Никита.

— В каком?

— Сыграем в шахматы.

— Сыграем... и что дальше?

— Если ты проиграешь, то должен исполнять мои желания.

Я приказываю тебе остаться в нашем доме до утра. Охранять мой покой. (Краснеют оба.)

— А если выиграю? (Опять, как десять лет назад, эта дурацкая гордость! Ну что с ней делать!?)

— Если выиграешь... Хмм... Ну, у тебя желаний в мой адрес, как известно, нет и быть не может. Поэтому, если выиграешь, так и быть, отпущу тебя на все четыре стороны! Но, — Аня прыскает, — ты растренирован. Спорим, выиграю я!

«Как бы не так, — думает Никита, — мне иногда попадаются партнеры по ранжиру, как в тот раз, на переправе». А вслух спрашивает:

— А что скажет папа?

— А папа мне доверяет. Я ведь уже взрослая девочка. Или ты не заметил?

Никогда Никита так не желал проигрыша.

Удивительным образом они повторили партию, не доигранную Никитой и Василием на переправе. Дойдя до момента, когда игроки вынуждены были прерваться, Аня на мгновение задумалась и по-детски наморщила лоб, считая варианты. Потом просияла, взглянула на Никиту и взялась за белую фигурку.

16. Kf7!!

Никита минуту подумал, да и смешал в гневе фигуры.

Аня встала с дивана, сняла свои детские ботики, босиком подошла к вечернему окну и торжественно задернула шторы.

Никита спит. Ане не спится. Она сидит у окна и плачет. Жаль, что он сейчас не слышит, о чем она говорит сама с собой.

Я любила Никиту. Этого чурбана. Эту дубину стоеросовую. Смотрел на меня всю ту долгую встречу в девяносто четвертом своими невинными телячьими глазами и только хлопал длинными ресницами. Искренне не понимал, чего хочу я. А мне не хотелось его отпускать. Хотелось наброситься на него и зацеловать, и прижать к сердцу, и чтобы он был только мой.

Сбежал. А он всегда сбегал. На десять лет пропал. Да... мое короткое замужество могло охладить его чувства. Но если они были, неужто не мог дать о себе хоть знак, хоть весточку? Прибежала бы к нему на край света.

Только папа всегда был рядом. Выхаживал после аборта. Утешал, когда меня предавали мои немногочисленные мужчины, польстившиеся на номенклатурные блага и из-за этого закрывшие глаза на мою хромоту. Радовался, когда я, 18-летняя девочка, еще даже не поступившая в институт, на суде отспорила его деньги у ненавистой трастовой компании. Не деньгам радовался. Моему успеху! «Деввица-кавалерист», — так он меня называл.

Почему Бог не дал мне мужское тело? Почему не подарил легкую походку? Почему я обманом удерживаю милого, зная, что на него началась охота? Почему милый остается со мной из сострадания, а не из любви?

Мне казалось, что я полюбила адвоката Ракитина. Правдолюбец, искренняя и чистая душа, каких сейчас мало. Помогала ему, готовила материалы процессов сутками напролет. Восхищалась им, хотя и понимала, что он одиночка, Дон-Кихот, борющийся с Системой. В пятницу он попросил меня стать его женой. В воскресенье его нашли на старенькой подмосковной даче повешенным. Дело о коррупции, переданное им в суд, за какой-то месяц развалилось.

Отец побледнел, когда я, сквозь рыдания, рассказала ему о смерти Ракитина. «Дочка, невозможно долго плыть против течения в шторм», — сказал он мне и пригласил стать личным ассистентом в его фонде.

Отцовский фонд занимался важным государственным делом. В казну возвращалось украденное. Толстосумы, которые в годы приватизации за бесценок заполучили огромные куски государственной собственности, садились в тюрьму или отдавали награбленное. Вот только, в отличие от 1917-го, это происходило не в темных застенках, а в освещенных залах судов и арбитражей, в соревновательной процедуре.

Юридическую подготовку этих дел вела я. Как-то так получалось, что отставные силовики и ветераны пасовали перед демагогией высокооплачиваемых краснобаев, выступавших со стороны воров. Я не сразу научилась им противостоять. Но у

них была слабость. Моя идейная мотивация была сильнее их денежной корысти. Я очень редко проигрывала суды. Меня невозможно было подкупить, запугать, смутить. Я делала это для моего народа. И очень опасалась встретить Никиту на той стороне баррикад. Наконец, в один нерадостный день так и случилось.

Однажды в общественную приемную Фонда обратился Борис Всеволодович Рокотов, бывший заместитель директора Николаевского машиностроительного завода.

Досье Топа говорило само за себя. Временщик. Эксплуатор, но пустоголовый хозяин. Заполучил Завод в эпоху всеобщего развала. Госзаказ профукал. Квалифицированных рабочих распустил. Налоги не платит. Типичный кулак. Кулаков раскулачивают.

«Да пусть отдаст Завод государству и едет в свою Германию! — горячился папа за утренним чаем. — Мы, доча, не против, если он на полученные с Завода дивиденды золотые унитазаы на своей вилле установит. Просто сегодня Завод должен вернуться государству, народу. И работать на полную мощность».

Узнав, что Никита работает на Топа и, по сути, организует оборону, я словно сошла с ума. Уговорить отца отказаться от проекта было нереально. «Генералы своих намерений не меняют», — эту присказку я знала с детства. Поэтому я спешно отыскала Никитин телефон и придумала профессиональный предлог для встречи. Тем более что в партии, связанной с Заводом, появился новый игрок. Не просто аморальный капиталист, как Топ, а настоящий черный рейдер. Методы его работы были беспредельными. Мы с отцом стали изучать его почерк и оторопели. Топ боялся крови, а этот шел по ней к своим целям. Никиту надо было предупредить.

Господи, время никак не изменило Никиту! Все тот же «золотой мальчик». Никогда не скажешь, что у него за плечами столько успешных дел. И все такой же глупый. Я старалась объяснить ему реальное положение дел, намекала на нависшую над ним опасность... Все тщетно. Он был как в тумане. Он, правда, был очень странный в этот вечер. Смотрел на меня каким-то детским взглядом и, казалось, что-то вспоминал. Больше всего на свете я хотела тогда заснуть рядом с ним...

Никита сбежал на рассвете.

Никита сидит на подоконнике. Время — 5 часов утра. Где-то позади Аня и возможность счастья. Ее нежные руки и выстрадавшее в любовном изнеможении, одними губами: «Ми-илый»... Впереди — хмурый рассвет и неизвестность. Никита делает одновременно две давно забытых вещи. Он, как в детстве, грызет ручку и, как в ранней юности, курит чудом завалявшуюся пачку «Житан».

У него мало времени, но беседа с Аней, кажется, подвела его к разгадке, и он вот-вот нащупает решение и сможет защитить Топа и Завод.

Итак, что мы имеем?

Движение пешки состоит из 7 шагов.

Она может съесть фигуры и пешки соперника, двигаясь наискосок.

Она может двигаться прямо.

В любом случае она должна пройти этот путь, совершив ряд превращений.

Ее лица могут меняться.

Перед Никитой шахматная доска. Напротив белого короля, на поле e7, стоит черная пешка. Никита берет ее в руки и начинает размышлять.

Е7. Белобрысый молодой лейтенант, вербовавший Жюстин.

Е6. Шантажист, явившийся к господину Бирюкову (и, наверно, не к одному ему) в Париже.

Е5. Замдиректора по общественным связям одной инвестиционной компании.

Е4. Таинственный инвестиционный фонд, предлагающий за считанные месяцы прибрать к рукам полюбившееся клиенту предприятие.

Е3. Анонимный хозяин фирмы «Акапулько»

Е2. Непонятно откуда взявшийся Глазливый, столь удачливо играющий на инсайдерской информации о будущих проблемах предприятий.

Все это — теперь Никита был убежден в этом — звенья одной цепи. У человека было много лиц, но этот человек был

один. Никита еще не видел его в лицо, но чувствовал его дыхание у себя за спиной и знал: это дыхание врага. Надо успеть перехитрить и обыграть его.

Чтобы дать черной пешке пройти на последнее поле, Никите пришлось убрать белую пешку. Теперь перед таинственным незнакомцем оставалась только одна фигура — Николай Топ, хозяин Завода.

В 6 утра Топ в его гостиничном номере разбудил телефонный звонок. Голос, который заинтересованные лица быстро идентифицировали как голос его бывшего консильери Никиты Бирюкова, произнес слова, которые запустили колесо истории Завода в ускоренном режиме:

— Николай Отгович, мне нужно с вами срочно встретиться. Дело не терпит отлагательства. У меня тут есть кое-какие сообщения по поводу инвестиционной компании господина Черносвитова и его партнеров...

Когда через час распечатка этого разговора легла на стол одному немолодому солидному человеку, тот крякнул... привычным движением достал из-под кипы бумаг валидол... и проглотил его. Потом посидел минутку в пустынном поутру офисе, прошептал какие-то слова — то ли молитву, то ли богохульство — и набрал с купленного в азиатской турпоездке телефона труднозапоминаемый кривой анонимный номер. Он отдал короткие приказания и откинулся на кресле. Он не думал, что вот так ему придется становиться нелюдью.

ГЛАВА 23

ЗАПОЗДАЛОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

«В чем тайна победы? — Предугадать кризис партии»

(Эммануил Ласкер)

«Жил один благородный, но обедневший человек, и было у него три дочки. Нечем было ему прокормить дочерей, и начал он подбивать их на дурное дело, чтобы пошли они на улицу блудом зарабатывать себе пропитание. Услышал про это Николай Чудотворец. В день, когда первая из дочерей должна была пойти на блуд, утром просыпается отец трех дочерей, а на подоконнике у него лежит мешочек с золотыми монетами. И их хватило вровень, чтобы устроить жизнь старшей дочери...», — мерный голос нараспев по памяти читает жития святых. Никита с усилием приоткрывает глаза, он в больнице. Это Евдокия, мама Вовки. Вовка лежит с Никитой в палате. До двадцати восьми лет он дожил исключительно молитвами матери. В советских больницах лежат долго, и Никита вспоминает, что в очередной период светлого сознания познакомился с соседями по этажу — те на него смотрели как на диковинку.

Заходит медсестра. Укол снова бросает Никиту в сон...

Сон — единственное спасение. День да ночь — сутки прочь.

«В Евангелии сказано: не остановить мзду стражников. А я не могу понять, как офицер может продавать со склада оружие и патроны, зная, что завтра они будут стрелять нашим ребятам в спину. А у знакомой у дочки полюбовник охраняет пятак с па-

латками у входа в метро на окраине Москвы. Так он, выходя из запыля, со мной разоткровенничался. Я, говорит, пока утром свои законные три тысячи рублей не соберу, на государство работать и не начинаю. А женщины любят, когда мужик приходит с работы в форме, при оружии и из каждого кармана у него деньги. Только вот плохо, что награбленные они, эти деньги стражников...» — это Федор, иконописец. Он работает на постройке храма за похлебку. Дорогую операцию, третью по счету, согласился оплатить владелец иномарки, которая год назад смяла в лепешку «копейку» Федора. Согласился, но сурово предупредил, что эта оплата последняя, а дальше пусть уповает Федор только на помощь Божью.

«Я знаю, что почему в этой жизни, — думает Никита. — По всем канонам успешности я — все, а эти Божьи странники ничто. Почему же мне так неуютно под их взглядами, словно они знают что-то бесконечно важное, а я грязен и не достоин разделить с ними это знание?»

Одним утром (сколько с тех пор прошло времени — три дня или десять — Никита сейчас не может сосчитать), проснувшись засветло после вечернего коллективного отмечания дня рождения в заводской столовой, Никита не смог подняться с постели. Он почувствовал себя маленьким и беспомощным на краю разверзшейся пропасти.

Генерал-лейтенант Савенко сделал звонок кому надо.

Николай Топ прислал водителя с «пятитонкой зелени».

Любимая сказала по телефону, что будет за него молиться.

Главврач Главного военно-медицинского госпиталя отметил две бюджетные операции.

Охранники впустили каталку с больным без заполнения всех формуляров, презрев должностные инструкции.

Никита, не глядя, подписал отказ от претензий в случае неудачной операции.

Анестезиолог потратил две лишние минуты, чтобы выспросить все индивидуальные противопоказания Никиты.

Медсестра на вторую ночь после операции легла к Никите в постель и вернула ему эрекцию, а от благодарности гневно отказалась.

Отец спецпочтой передал из Парижа редчайший антибиотик нового поколения.

Спасение людей — войсковая операция. Лениться нельзя. Бояться нельзя. Надо делать дело, какой бы ни была вероятность успеха.

В бреду, в операционной нахлынувшей боли, в угаре отходняка Никите не было покоя. Его мучали лица: братья Майеры, Коля Серебро, Элина Тенишева, мэр города, бандиты, Еремей Санников. Всем будет выгодно исчезновение Николая Топа или потеря им контроля над Заводом. Разгадав игру соперника, обнаружив почти все его пешки и фигуры, Никита так и не вышел на настоящего противника. Заказчиком может оказаться любой. Промелькнула улыбающаяся физиономия Редиски — тот протягивал ему бокал со словами: «Ну, за сбычу мечт!» Откуда-то всплыло лицо партнера по шахматной партии на переправе... «Нет, — успокоил себя Никита, — надо сохранять ясную голову. Как в шахматной партии, есть с виду верные, обманчиво легкие, но ошибочные, ложные решения. Правильное решение одно — выбраться отсюда и довести до конца собственное расследование». Жаль только, что Топ дал ему на защиту Завода так мало ресурсов... и времени.

Никита снова впадает в забытие.

ГЛАВА 24

РЕШИТЕЛЬНОЕ ВСКРЫТИЕ ПОЗИЦИИ

«Прходная пешка, как я говорю в шутку, настолько опасный преступник, что ее ни в коем случае недостаточно взять только под надзор милиции; нет, ей место в тюрьме».

(Арон Нимцович)

Виктор Майер нервничал. Мэр отказался явиться за взяткой и потребовал, чтобы она была доставлена непосредственно в здание мэрии. Это было неслыханно и необъяснимо. Обычным местом встречи уже семь лет были Кавалерские бани.

Дело, по которому мэр должен был получить взятку (сто тысяч американских рублей), яйца выеденного не стоило. На восточной окраине Николаевска издавна располагалась воинская часть, занимавшаяся обеспечением радиолокационной безопасности аэропорта Шереметьево. Около года назад над ней взяли шефство присланные Минимумством коммерсанты, которые выкупили на себя все строения на территории части. Они стали разрабатывать проектную документацию на строительство на шестидесяти гектарах бывшей воинской части 450 000 квадратных метров жилья. По причине того, что земля была федеральной, Майер считал, что согласовывать ее выкуп коммерсантам придется на Ильинке или на Старой площади, и столь жирный кусок, к сожалению, пройдет мимо городских ртов.

Однако оказалось, что при определении цены выкупа федералы вынуждены руководствоваться местной ставкой, принятой в муниципальном образовании. Областное же руководство как раз в октябре приняло закон, согласно которому выкупные

ставки на следующий год индексировались с коэффициентом 1.20. по всей области. Мэр попросил «сотку» за то, что на очередном заседании депутатов местной районной Думы пройдет, якобы ошибочно, и вступит в законную силу постановление об индексации с коэффициентом 1.02, а не 1.20. Эта скромная опечатка должна была сэкономить военным коммерсантам около 650 000 долларов, за вычетом, естественно, комиссии мэра и Майера.

Мэра звали Игорь Теплаков, он приходился Ире Теплаковой родным братом. Это обстоятельство до поры до времени обеспечивало ему непотопляемость. Он всегда с искренним радушием относился к работодателю своей сестры, раз в месяц, распивая душистое пиво и распевая казачьи песни в Кавалерских банях, они решали все деловые вопросы.

В этот раз деньги должны были сменить хозяина прямо в мэрии, что, конечно, не могло не напрягать седовласого директора «Счетмаша». Он успокоил себя тем, что Теплаков, видимо, перебрал вчера горячительных напитков и по этой причине оказался сегодня нетранспортабелен.

После убийства Августа Майера, чиновники мэрии решили внести свою лепту в борьбу с мировым терроризмом. Массивные клумбы с цветами были выдвинуты на подступы к зданию и плотным кольцом окружили его, блокируя от возможного тарана автомобилистом-камикадзе.

На подходе к зданию мэрии шумели два пикета. На первом расхристанный полупьяный пролетарий разворачивал грязное от снега знамя с вышитыми словами «Мы немцев били и будем бить». Майера передернуло. Второй плакат, его держала пожилая женщина с лицом учительницы младших классов, был более аллегоричен: «Нет — Николаю Кровавому! Долой — Николая Второго! Наш кандидат — Ильич! Вся власть в Николаевске — народу!». Майер легко расшифровал предвыборный ребус. Николай Кровавый, разумеется, Коля Серебро. Попробовала бы девушка постоять с таким плакатом при жизни покойного... Николай Второй, похоже, Николай Оттович Топ. «Интересно карты пляшут», — невесело усмехнулся Майер. Совершенно случайно прихотливая фантазия московского пиарщика, готовившего эти митинги, ухватила и связала воедино два имени, двух людей, со-

ставлявших вместе модель власти в Николаевске: царя дневного и царя ночного — тугую мошну и крепкий кулак. Впрочем, альтернативный кандидат был не лучше. Ильич, иначе говоря, Федор Ильич Карнаухов, бессменный и неизменно неудачливый кандидат от партии коммунистов (харизматический критикан и душа компании) на всех николаевских выборах за последние десять лет, в этот раз бежал избирательную гонку в поддержку смеившегося Колю Серебро авторитета и должен был победить.

Раскол в криминальных рядах лишил нынешнего мэра поддержки и сузил денежные ручейки, которые текли в его сторону. Маеировские сто тысяч явно были очень нужны мэру. Как только Виктор вошел в кабинет, Теплаков неприветливо окинул его похмельным взглядом и бросил короткое: «Проектную документацию принес? Давай сюда». Майер, привыкший к хамским манерам подопечного, без лишних слов вывалил пачку купюр на стол, зная, что никто не зайдет и их не побеспокоит. Через двадцать секунд Виктор был немилосердно приплюснут носом к столу тремя невесть откуда появившимися мальчиками в штатском с явной воинской выправкой.

«Звони Топу, вызывай его сюда, скажи, есть к нему важный разговор», — приказали визитеры. Хозяин кабинета насупленно молчал, распространяя сивушный аромат по комнате.

Местные бандиты просчитались. Пост будущего мэра уже давно был выставлен на кон и выигран одним федеральным чиновником средней руки. Накануне его эмиссар навестил Теплакова с чудесной папочкой в руках. Посмотрев на некоторые фотографии и копии платежей, а также на аналитическую справку с уголовной квалификацией означенных в папочке шалостей, мэр погрузился и спросил, что от него требуется. Плата за судебный иммунитет оказалась невелика: взятие в первые заместители того самого федерала, уход с должности по состоянию здоровья за месяц до выборов (чтобы заместитель успел себя проявить перед электоратом добрыми делами), да, и последняя малость — попросить Майера доставить обычную мзду на работу.

«Бывает и хуже», — философски подумал мэр.

«Коррупции в нашем Северном районе поставлен непроходимый заслон, невзирая на лица и на прошлые заслуги», — заявил он, ничтоже сумняшеся, в интервью федеральному каналу

новостей. А у Виктора Майера в СИЗО ночью случился сердечный приступ, что может и лучше, потому что еще вопрос, хотели старик закончить свою жизнь на зоне, на игле выдавая последние секретные записки Коли Серебро?

А в городе Николаевске тем временем разыгрывался новый акт трагикомедии, которая затем получила освещение в радикальной прессе под заголовком «Покушение на Ильича».

Оседлав избирательную кампанию, наш федеральный чиновник, тем не менее, не решил всех проблем. Оставалась проблема Ильича. Харизматик был любим народом и каждый день выходил в народ общаться. Любительские экзит-поллы старушек на лавочках и работяг в гипермаркетовских очередях показывали, что Карнаухов намного опережал по голосам «московского белоручку». Одним выстрелом близорукой эсеровки было явно не обойтись.

— Мальчики, думаем!

Лучший номер Кавалерских бань был превращен в избирательный штаб. На столе стояла початая бутылка элитного «Кеглевича». В пепельнице нашли упокоение полдюжины бычков «Мальборо» разной степени помятости.

Женщину, точнее, девушку, которая председательствовала на собрании, узнали бы и Никита, и Василий. Один в свое время около полугода пребывал в ее штатных любовниках, а второй однажды достаточно удачно решал с ней электоральные вопросы.

Имидж-агентство Жанны Самойловой недавно прославилось в узких кругах тем пикантным обстоятельством, что, потеряв после обыска «черную кассу» одной радикальной партии в размере полумиллиона американских рублей (плюс-минус расходы), не спешило обращаться за пропажей. Стражей порядка это очень нервировало. Во-первых, потому, что при таком раскладе они лишались законных 10% от суммы возвращаемого «клада». Во-вторых, потому что через четыре дня после удачного гоп-стопа раздался звонок с высокого верха, и неназванный покровитель скрипучим голосом предложил доблестным оборотням отыграть операцию назад — или писать рапорты об увольнении по собственному.

Из одежды на Жанне было только полотенце, но для нее цель встречи в сауне была чисто деловой. Дома ее ждал выкупленный на неделю стриптизер из «Красной Шапочки», и разминиваться на лысину и брюшко федерального чиновника средней руки (и тем более на исколотое татуировками тело преемника Коли Серебро¹) она бы не стала даже за пятизначную сумму. Другое дело помочь клиенту выиграть предстоящие выборы. Про себя она уже все просчитала. Ситуация была типовой: «Новый русский, поддержанный криминалитетом, обходит на выборах замшелого патриарха. Надо что-то решать с этой проблемой. Нанимается очень недешевый специалист и рождает спектакль».

Сценарий был до примитивности подл, потому и сработал.

Ильича вызывают в избирком срочно отчитаться о записанной в декларации сенокосилке с мотором. И тут, откуда ни возьмись, в это же здание, по совместительству местожительство Сбербанка и колыбель исполнительной власти, приезжает инкассация, с личным оружием наперевес и в странной военной форме без знаков отличия. (Иного пути провести участников спектакля в цитадель местной власти политтехнологи в цейтноте не придумали.) Забегают на плечах Ильича в кабинет исполнительной власти и из-за его спины, под внезапно появившиеся телекамеры:

— Не дадим бюрократам забодать нашего Ильича! Костями ляжем, выжженную землю за собой оставим! Быть любимому Ильичу победителем!

Вечерний выпуск «Новостей» Ильич смотрел, рыдая.

Стараниями телевизионщиков инкассаторские мундиры смотрелись внушительнее, чем могли бы показаться бушлаты десантников или бандитские наколки, а «жареный» сюжет был выстроен с проплаченной отчетливостью. Объектив скользил по вооруженным людям в форме, останавливался на перекошенных злобой лицах визитеров, и логичным казался крик комментатора: «Доколе...?»

Прибалдели все. Икнулось и бандитам-спонсорам Карнаухова, чью связь с ним так изящно (хотя и с применением запре-

¹ И на него нашлась папочка, и его удалось переубедить. Человек – общественное животное, постоянно заключающее самые неожиданные контракты с себе подобными.

щенных приемов) сделали явной. Но больше всех прибалдел сам неудавшийся вождь пролетариата, которому, как в «Стоике» Драйзера, не оставили ни малейшего шанса отмыться от незванного криминала. Бледный, выходя, матерясь, проигрывая на ходу, он тонул в московской ловушке.

Для полноты картины ряженые псевдо-инкассаторы в тот же день уволились из местного Сбербанка. Прописка у них была московская, паспорта утеряны. Выяснилось это, правда, только ко дню инаугурации нового мэра.

ГЛАВА 25

НА ОСТРИЕ АТАКИ

«Я занял в нем 2-е место; однако досталось оно мне в остром соперничестве с гроссмейстерами... На финише борьба достигла своей наивысшей точки...»

(Василий Смыслов)

— Ленок, все идет по плану, — Василий ходил по офисной парковке, ловко лавируя между поставленными впритык машинами. — Сегодня тебе все должны привезти, не переживай. Вечером контрольный созвон. Пока.

Василий резко повернулся и посмотрел в сторону забора, огораживающего территорию бизнес-центра. Там кучковались сотрудники Инвестиционной компании «Индиго» и примкнувшие к ним лица (помощники по проекту). Василий направился к ним:

— Значит так, сейчас я с каждым отдельно побеседую, потом вернемся в офис. После разговора со мной можно идти, чтобы потом толпой не шарaxаться по коридорам. Света, подойди ко мне, пожалуйста.

— Пожалуйста, Василий Алексеевич, — Светлана была одета в обтягивающее платье, идеально скрывающее недостатки фигуры и, наоборот, демонстрирующее преимущества.

— Свет, завтра у нас очень важный день. Ни ребят, ни меня в офисе не будет, мы разъезжаемся на объекты. Твоей задачей будет обеспечение поддержки нашей работы. Что сюда входит? Прежде всего, кому-то может потребоваться какая-то информация. Не знаю там, телефон президента или время отхода поезда на Великий Новгород. Все что угодно. Разумеется, ты быстренько

смотришь по справочникам, в Интернете и сообщаем. Может возникнуть ситуация, когда кому-нибудь нужно будет что-то распечатать из компьютера. На этот случай тебе нужно взять у всех пароли доступа, чтобы ты могла включить любой комп. Кроме того, договорись с курьерской службой, у нас в офисе должно сидеть не меньше трех курьеров. Когда вернемся в офис, я тебе выдам денежку на случай, если понадобится тебе или ребятам. Сколько? Ну, думаю тысяч сто пятьдесят. Рублей конечно, а то еще сбежишь, ищи тебя потом где-нибудь на Алтае. Основное все, если что-то еще вспомню, поговорим дополнительно.

После разговора со Светкой Василий проинструктировал трех новых юристов. Он все время путал их имена и никак не мог запомнить фамилии. Юристам отводилась почетная роль добровольных помощников следствия. На завтрашний день были запланированы обыски в офисах Гоповских структур. Разумеется, лишние помощники с юридическим образованием доблестным органам никогда не помешают. Кроме того, ребята должны были помогать сортировать найденные в офисах документы, пытаясь найти интересующую Василия информацию. К тому же они могли выступить в качестве понятых, если вдруг потребуется.

Затем Василий поговорил с Кадышевым.

— Андрей, на тебе завтра будет лежать основной фронт работ. Ребята поедут по разным офисам Гоп-стоповских контор, это конечно хорошо в плане устрашения противника. Знаешь, когда сразу в трех местах работают группы захвата — это внушительно. Однако я не думаю, что они там что-нибудь наруют. Все-таки это обычные офисы в центре Москвы. Выполняют они чисто представительскую функцию — показать, как у людей все хорошо. Сидят они хоть и в серьезных местах, но не в собственных зданиях. Следовательно, охрана там стоит чужая, условий для безопасности никаких. Любая местная уборщица может закладку поставить, и потом вся Москва будет знать, что у немцев на уме. Да даже если бы у них эти здания были в собственности, в Москве подобраться к информации намного проще: подгоняй «газельку» с прослушкой, и вперед. Короче, основные документы хранятся на Николаевском заводе. Там у них и охрана своя имеется, и отбор сотрудников ведется. Больше чем уве-

рен: там и специальная комната есть переговорная, где прослушать вообще нереально...

— Там к администрации машины не подпускают, — хмуро начал Андрей, — мы когда с ветеринарами по бешенству туда заходили, наш автомобиль пустили на территорию, но к главному зданию только на двести метров подпустили.

— Вот видишь, там все по правилам. Там-то они и документы хранят. Все надежнее, чем дома. Хотя я бы на их месте в разных банковских ячейках все это хранил. — Василий посмотрел на сотовый. Телефон уже несколько минут вибрировал, звонок был отключен, Василий не хотел отвлекаться от инструктажа, можно и позже перезвонить. — Так вот, документы должны быть именно там. Каждую бумажку нужно изучать. Понимаю, это сложно, но поверь мне. Там, среди каких-нибудь учредительных документов фирм-пустышек, можно откопать и договор Топа с доверительным управляющим, и доверенности от каких-нибудь пока нам неизвестных офшорок. Нужно быть внимательным, Андрей. Обращай внимание на каждую мелочь. Многие вещи просто на виду лежат. Вот слушай две истории в тему. Первая случилась со мной в Воронеже. Мы тогда свой завод отстаивали. Противники из местных были, натравили на нас каких-то придурков ментов. В общем, мне нужно было уходить из кабинета. А сам понимаешь, у меня там лежали важные документы. Совсем важные я сжег, спасибо, охрана предупредила о заходе. Но был один, который жечь никак нельзя было. Я имею в виду договор купли-продажи какого-то офигительно дорогого станка. Его из Германии привезли, не один лям баксов за него отдали, и от того, в чьих руках он останется, зависело очень многое. Мы этот станок на законных основаниях продали дружественной структуре, но договор был у меня, оба экземпляра. Плюс протокол заседания совета директоров. Там ведь крупная сделка была, одобряли все по правилам...

— А потом нельзя было сделать договоры и протокол?

— Да сделать-то можно было, листы с печатью завода у нас были, но мы бы подписи от членов совета директоров уже не собрали. Там народ пуганый был, мы их еле уломали подписать протокол при нормальном раскладе, а тут нас с завода вышибли. Всё, отказ. Единогласного решения у нас бы больше не было.

Знаешь, как я, в конце концов, документы вынес? Закатал их в зонтик и внаглую пошел из кабинета, еще портфель взял с бумагами: устав там и прочая пурга, которая и так у нас была. В коридоре все уже на ушах стоят. Приказ ничего не выносить, никого не выпускать. Меня с портфелем завернули сразу же, бумаги конфисковали, а зонтик даже не посмотрели. Минут через двадцать разрешили уходить. Вот так вот.

— А вторая история?

— Слушай. Мне ее знакомый один рассказал, не знаю, правда или нет, но когда пришли налоговые полицейские в одну контору (их тогда еще не разогнали), то в столе у главбуха нашли толстую тетрадь, на которой аккуратно было написано «Чёрная касса». Смешно? А вот бухгалтерше, думаю, было не до смеха. В общем, Андрюш, я на тебя надеюсь. Примеры намотай на ус и сделай выводы. Где и с кем встречаешься завтра, я тебе через часик скажу.

Дальше Василий поговорил с ребятами. По его задумке они должны были проследить, чтобы ничего подозрительного вокруг завода во время обыска не происходило.

— Алик, иди сюда, — Панов замахал руками Алику. Тот сидел в своей «Волге», как обычно, погруженный в чтение очередного периодического издания.

— Василий Алексеевич, почему тут совещание проводите? В кабинете душно что ли? — водитель, прищурившись, смотрел на начальника.

— Душно, дорогой, душно. На всякий случай, мало ли, чужие ушки на макушке там притаились, — ответил Василий.

— А-а-а-а. В войнушку играете.

— Можно сказать и так. Алик, завтра заедь за мной часиков в семь утра. Поедем в Николаевск. Там будет одно мероприятие, но я из машины выходить никуда не буду. На всякий случай проверь, на месте ли в машине переходник, чтобы мой ноутбук от твоего прикуривателя работал. Лады?

— Хорошо, мне как одеваться? Форма парадная или походная?

— Обычная. Зачем выделяться? Все, пошли в офис.

— А чего я там забыл? — Алик презрительно хмыкнул. — Мой офис в машине. Я если только кофе попить.

— Пошли, кофе попьешь, я вперед, ты догоняй, — и Василий, на ходу проверяя пропущенные вызовы на телефоне, направился к входу в здание.

На следующее утро Василий Панов встал за полчаса до будильника. Не спалось. Поворочавшись, он решил вставать. Не нужно принимать все так близко к сердцу, но так уж он был устроен. К тому же в этот день решалась судьба всей партии, дебют которой так ловко разыграл Василий.

Алик приехал вовремя, встретил шефа, быстро направился к третьему кольцу, рассказал последние новости. Все вроде было как обычно, но что-то в облике и движениях водителя выдавало волнение. Видимо, он ощутил напряженность шефа и непроизвольно занервничал, ожидая, когда же станет ясна причина утреннего беспокойства.

В это утро Василий не был настроен разговаривать с Аликом. Конечно, можно было поболтать о новой структуре правительства, о свежих слухах из мира шоу-бизнеса, обсудить пробки и поведение на дорогах автомобилей с триколорами и спецсигналами. Но сегодня Василию было не до пустопорожних разговоров. Он слишком долго ждал этого дня. Именно сегодня будут сделаны шаги, после которых дороги назад уже не будет. Сейчас, пока черная «Волга» мчится к Николаевску, еще можно набрать несколько номеров и отменить всю операцию. Можно встретиться с Заказчиком и сообщить, что операция сорвалась по какой-нибудь глупой причине. Потом попробовать вернуть деньги (сложно, но все-таки шанс есть) и спокойно отправиться ликвидировать «Индиго». Василий знал, что ни при каких условиях не станет этого делать, однако его грела сама мысль о том, что в любой момент можно скомандовать отступление. Спустя несколько часов это будет уже невозможно.

Очень скоро к воротам проходной подъедет неприметная казенная машина, из которой выйдет несколько человек. К ним подойдет Андрей Кадышев, уже полчаса ждущий их приезда. Из неприметного фургончика, приехавшего вместе с легковушкой, выйдет человек семь (может и больше) физически крепких молодых людей, на их головах будут черные шапочки-маски с

прорезями для глаз. Все вместе они подойдут к проходной и после короткого разговора с охранниками пройдут на территорию. Кстати, скорее всего, они даже проедут на территорию, чтобы быстрее добраться до административного корпуса. Если охранники попробуют вести себя враждебно по отношению к обладателям красных удостоверений, их участь будет крайне печальна. Василий представил себе, как какой-нибудь охранник пытается набрать номер начальника службы безопасности, но не успевает, потому что трубка бесцеремонно вырывается из его рук, а сам он оказывается на полу. Вот она, сила государственного принуждения, которая стоит на защите законных интересов граждан и юридических лиц.

Потом, конечно же, возникнет заминка у входа в административное здание, но и здесь сработают ребята в масках. Ведь самый лучший способ открыть любую дверь — это показать закрывшему ее человеку гранатомет и продемонстрировать готовность применить его в самое ближайшее время.

Василий отчетливо представлял, как бригада следователей идет по коридорам здания, как опасно жмутся к стенам непутевые менеджеры Николаевского завода, начиная задумываться о том, что скоро придется искать новую работу. Затем будет обыск, горы документов, дрожащие руки главного бухгалтера, открывающего сейф с печатью и черной наличностью (пропали деньги, вряд ли точная сумма находившихся в сейфе денежных средств обретет цифровое выражение в протоколе). Андрей будет деловито ходить по кабинетам, кидаясь от одного вороха бумаг к другому. Кто знает, может, он и обнаружит там что-нибудь важное.

А в это время где-нибудь в центре Москвы господина Топа положат лицом на асфальт, грубо обыщут и запихают в казенную машину. У него изымут сотовый телефон, который еще часа два будет громко трезвонить на все управление, куда привезут предпринимателя. Потом звонки прекратятся: или сядет батарейка, или знакомые Топа узнают о его скоропостижном пленении.

Приблизительно в эти же часы курьер вручит секретарю директора реестродержателя завода письмо. Это будет очень важный документ из государственного органа, занимающегося

контролем рынка ценных бумаг. Когда директор вскроет конверт и ознакомится с содержимым, он сразу же вызовет юриста и начальника операционного отдела. Тогда и они смогут узнать, что вчера государственный орган вынес предписание о блокировке операций в реестре владельцев именных ценных бумаг ОАО «Николаевский машиностроительный завод».

В ходе осуществления следственных действий внезапно выяснится, что уважаемые обладатели красных корочек пришли к мнению о необходимости наложения ареста не только на акции, но и на все имущество акционерного общества. Что в принципе совершенно логично. Арестовать топовские акции довольно проблематично, они ведь надежно спрятаны, а вот с имуществом завода как-то попроще, всё на виду. Кстати, арестованное имущество, в частности, основные здания и сооружения, принадлежащие ОАО «Николаевский машиностроительный завод», будут переданы на хранение некоему обществу с ограниченной ответственностью.

Пройдет день, а вечером Василий специально забежит в какую-нибудь придорожную закусочную и попросит включить вечерние новости. Кто знает, может, про арест бизнесмена расскажут, а если повезет, то и покажут хоть по одному федеральному каналу. А в это время где-то в Москве господин Топ в мятом костюме, без галстука, с дрожащими руками будет общаться со следователем, балансируя на грани, которая отделяет подозреваемого от обвиняемого. Пройдет ночь, и к предпринимателю придет некий товарищ, который очень корректно сообщит весь необходимый перечень действий, который должен будет осуществить господин Топ в целях своего освобождения.

Василий знал, что Топ сначала заартачится, а потом, смирившись с тяжестью бремени, подпишет все необходимые документы.

В сущности, все случилось практически так, как и представлял себе Василий. Следователи сработали безупречно, реестродержатель вполне адекватно отреагировал на полученное предписание (благо, почва была подготовлена). Были накладки с курьерами, руководимыми Светланой, да сломался офисный ксерокс. Но это все чепуха и ничего не значащие мелочи корпоративных противостояний. Можно было считать, что день про-

жит не зря, если бы не одно но! Топ не был арестован. Василий, узнав неприятную новость, минут пять сидел в задумчивости, глядя перед собой. Потом наорал на Алика и приказал ему выметаться из машины. После этого он начал лихорадочно обзывать друзей и знакомых, пытаясь добыть информацию о причинах осечки.

Довольно скоро выяснилось, что, несмотря на назначенное на девять утра важное квартальное совещание, господин Топ в Москву не прилетел. Перепуганный Панов сначала решил, что Топ кто-то предупредил, то ли из стана нападающих, то ли из среды правоохранителей. Но, как впоследствии выяснилось, дело было не в этом. Просто-напросто господина Топ приглашали в гости влиятельный политический лидер ФРГ, которому в будущем прочили место во главе государства. Речь шла о планах грядущей приватизации бывшего ГДРовского военного аэродрома близ города Хемниц¹ и поисках инвестора на приобретение всей неразграбленной наземной инфраструктуры. Разумеется, Николай Оттович, как человек, выросший в Советском Союзе, прекрасно понимал, что от приглашений политических лидеров лучше не отказываться. Поэтому совещание было принесено в жертву GR. Все бы ничего, да господин Топ забыл предупредить своего российского секретаря об отмене совещания, поэтому никто и не знал, что предприниматель в Россию не прилетит. Кстати, такая барская забывчивость с Топом уже случалась. Временем наемной челяди он не дорожил.

Долгое время Василий ругал себя за то, что не предусмотрел контроля в аэропорту. Но кто же знал, что пунктуальный до тошноты Топ (по внешним признакам) в этот раз изменит себе. Кстати, Заказчик, выслушав рассказ о неуловимом Гоп-Стопе, предположил, что как раз немецкий политик, имея доступ к данным разведки, его и предупредил. Правда, Василий в эти бредни не верил.

В тот день Василий действительно заехал в придорожную закусную. Правда он не стал смотреть новости, а тихонько пристроился за столиком в плохо освещенном углу и, медленно поедая шашлык, анализировал ситуацию. В голове пульсирова-

¹ Это бывший Карл-Маркс-штадт, известный россиянам по одноименной песенке.

ло всего лишь одно слово: «Просрали». Когда-то, еще в школе, Панов читал книжку, посвященную Великой Отечественной войне. По словам автора, когда высшие чины государства впервые пришли к Сталину после начала войны, он им сказал именно это слово.

Слишком долго шел Панов к этому проекту, слишком многим он пожертвовал ради его успешной реализации. Успех комбинации давал не только деньги. Главными были те возможности, которые должны были перед ним открыться. Кто он сейчас? Уже не юрист, бывший менеджер проектов, мальчик, пытающийся всем доказать, что он в состоянии заниматься собственным делом. Только вот с доказательствами как раз пробуксовочка и вышла. Если Николаевский завод дожать не удастся, Василий, конечно же, оставит себе немного денег, оставшихся от абонентки заказчика, распустит часть юристов. Компания вновь впадет в спячку, пока он не притащит ещё какой-нибудь проект. Только притащит ли? Одно дело, когда у тебя за спиной успешная комбинация, когда люди видят, что с тобой можно иметь дело, что ты доказал свою состоятельность в одиночном плавании... Тогда отношение к нему изменится, тогда он вправе рассчитывать на серьезные заказы. А так, знакомые окончательно уверятся в том, что, несмотря на личного шофера и модные галстуки, Василий Панов на самом деле страдает фигней, показывая свое полное предпринимательское бессилие.

Эх, Васька, Васька. Может, действительно, ноша тяжеловата для тебя? Не стоило открывать собственный бизнес и ввязываться во все эти рейдерские игры? Работал бы спокойненько в каком-нибудь банке или иностранной конторе. Получал бы фиксированную зарплату, соцпакет, а иногда и премию. Брал бы потребительские кредиты на машину, квартиру и тому подобные радости жизни. На выходные ездил бы в подмосковный пансионат, а в отпуск летал бы в Тунис или на Мальдивы. Красота. И женился бы уже давно, а не дергал девок по клубам. Как там пел Егор Летов: «Все, как у людей». Вот оно тихое человеческое счастье.

Да вот только Панов с таким раскладом был не согласен. Работать наемным менеджером и вечно торчать в офисе, переключая бумажки? Участвовать в многочасовых совещаниях на

тему: укрепление корпоративного духа в нашей дружной интернациональной семье юридических консультантов? Слушать мат какого-нибудь выскочки-начальника? Нет уж, спасибо. В России достаточно юристов, готовых на все ради службы в офисе престижной компании, пусть они и занимают место Василия Панова, а он займется чем-нибудь другим.

Вот и занялся. Что же делать с этим Николаевском? Если все останется как есть, процесс захвата завода перейдет в вялотекущую стадию. В конце концов, Топ, возможно, и продаст завод, только цена будет не такой маленькой, как планировалось. И потом, кто знает, готов ли заказчик ждать лишние полгода? А ведь немец может еще и отбиться. Прекратить уголовные дела и вернуться в Россию. Кто его знает, как ситуация изменится через несколько месяцев. Нужно срочно найти какой-то нестандартный ход, который сводил бы на нет все усилия обороняющихся в этой игре..

Василий представил себе массивный стол, на котором стояла шахматная доска, он играл черными. Мысленно попробовал превратить ситуацию с Николаевским заводом в расклад на шахматной доске. Вроде бы получилось. Что же можно предпринять в этой позиции? Внезапно в его голове промелькнула мысль: «А с кем я играю? Кто сидит на противоположном конце стола? Топ? Нет, он, как и пановский заказчик, входит в число спонсоров матча. Тогда кто? Елки-палки... Ведь противник Панова — это тот самый пресловутый юрист Никита. Точно! Именно он изменил структуру акционерного капитала, разработал принципы защиты от поглощения! Именно он в курсе всего, что происходит внутри компании! Все просто до безобразия: нужно перетянуть на свою сторону противника, играющего белыми фигурами. Вот он, главный и победный ход. Это же так просто».

Василий по обыкновению вскочил со стула и начал было ходить по залу, но тут же вспомнил, что находится не в офисе, и сел на место. Теперь становилось ясно, как действовать дальше. Никита был в разработке у Панова, но потом выяснилось, что он заболел и отошел от исполнения своих обязанностей. Остается надеяться, что болезнь никак не сказалась на памяти и умственных способностях. Если все нормально, то с ним можно ра-

ботать. Да ведь возможность уникальная: Никита сейчас в больнице или дома, лишен новостей с Завода, организм ослаблен, это именно тот момент, когда лучше всего делать предложение о сотрудничестве.

Василий отыскал в кармане телефон и набрал номер Бузькова: «Алло, Игорь Иванович, это Василий. У меня срочное дело. Да, лучше по телефону. Мне нужна подробная информация, о том, где и в каком состоянии находится юрист завода Никита Бирюков. Как срочно? Ну, вы же знаете, традиционно: как можно скорее. Крайний срок — завтрашнее утро. Хорошо, буду ждать звонка».

ГЛАВА 26

MARKET TRAP¹

(ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ, ВЗЯТА ИЗ ЗАМЕТОЧЕК НИКИТЫ)

*На шахматной доске лжи и лицемерию нет места.
Красота шахматной комбинации в том, что она
всегда правдива.*

(Эммануил Стейниц)

Есть рынок. Он зол. Он разоряет. Он глух и слеп. Он возносит гениев посмертно и посредственность заранее. Никогда ему не вытащить Модильяни из ночлежки или Мандельштама из лагеря. Рынок котировает мой пот, мою образованность, мою честность, мои стертые руки, но безошибочно выплюнет мою симфонию, мою поэму, мои мечты. Ни к чему, странно, опасно, не признано полезным для улучшения пищеварения рыночного контингента. Я не взорву башен-близнецов: не та ментальность. Рынок ведь благодворит: дает нам дешевых лангустов на Севере и Санта-Клаусов на Юге. Он вертит нас в своем колесе, запугав западней кредитов, страховок и пенсионных планов. Идя против, сразу наказан: ты больше не знаешь своей цены. Человек, перестав быть шлюхой рынка, непривычно свободен, как домашняя рыбка без аквариума. На него не давит больше атмосферный столб. И он умирает от легкости небытия.

¹ В данном значении «ловушка рынка».

ГЛАВА 27

УЛЬТИМАТУМ

«Опыт прошел блестяще. Мощная пружина шахматного действия, сжатая до предельной возможности и спущенная в нужный момент с затвора, нанесла ошеломляющий, смертельный удар противнику».

(Петр Романовский)

Никита просыпается. На этот раз не от присутствия медсестры с уткой. Перед ним на стуле сидит, положив ногу на ногу, молодой человек лет двадцати семи в дорогом костюме. У Никиты чувство, что он его где-то уже видел.

— Доброе утро, Никита. Я Василий Панов. Мы с вами заочно, да вроде бы и очно, знакомы...

Незнакомец недоговаривает. Никита знает больше, чем он рассказал. Уже две недели Никитины знакомые, родственники и просто друзья не могли сдать кровь, которую ему должны были перелить. Официальная причина отказа — минздравовская проверка. Неофициальная причина — давние Никитины знакомцы, корпорация «Гиппократ», решили запустить в России частную монопольную систему банков крови, и проплатили широкомасштабную кампанию черного пи-ара против государственной системы переливания крови. Вот все станции вместо спасения людей и заняты отписками.

Вообще говоря, Никита думал о том, что после выздоровления хорошо бы застолбить за собой тему биологического гринмейла. А то сдается ему, что птичий грипп и коровье бешенство могут быть просто орудиями конкурирующих фирм на мировом рынке мясных продуктов. Возвращаясь к теме крови, два

дня назад, когда проверка закончилась, Никите на мобильный позвонили из геммо-центра и сказали, что его порцию внес некто Василий Панов.

— С чем пожаловали, товарищ кровный брат?

— Я просто хотел ввести вас в курс некоторых событий, происшедших в последние дни. Я не знаю, удастся ли вам получать здесь свежие новости. Все же, думаю, я смогу рассказать вам больше любого диктора. Итак, возбуждено несколько уголовных дел в отношении господина Топа и некоторых топ-менеджеров Николаевского завода. Вчера следственная бригада провела обыски и выемки документов не только в Николаевске, но и в ряде московских офисов. Практически вся недвижимость завода арестована и передана на ответственное хранение одному юридическому лицу. Ваш непосредственный работодатель остался в Германии. Но, я думаю, вам объяснять не надо, что он по большому счету никому уже и не нужен. Я понятно говорю, вы меня слышите? — Василий подошел поближе к застывшему в одной позе собеседнику.

— Да, я все прекрасно понимаю, не обращайтесь внимания на мой внешний вид. — Никита слабо пошевелил левой рукой, давая понять, что слышит гостя.

— Да не жалеете вы Топа! Он и так столько лет кормился с завода. — Василий проникновенно посмотрел на Никиту, словно читая его мысли. — Я видел ваше досье. Чисто по-человечески мне вас жалко. Блестящая карьера оказалась погублена из-за мелкой ссоры двух чиновников. Через вас свели счеты, и это стоило вам будущего. Кого и за что вам теперь жалеть?

Никита напряженно думал.

— У меня к вам предложение, Никита Валерьевич...

— Подписать акт о безоговорочной капитуляции? — Никита неожиданно развеселился. Он вспомнил, что за весь вчерашний день не смог сделать ни одного звонка по двум своим телефонам. Мелочь, а неприятно. Давненько хвостатый не улавливал нашу душу...

— Не совсем так, Никита Валерьевич. Просто помогите мне рассмотреть дилемму. Или молодой перспективный юрист, которому только фантазия победителя и лень прокурора помешают вменить изнасилование шимпанзе (респект Алешковскому),

отправляется сушить сухари в составе многонациональной организованной преступной группы. Или он помогает законному победителю разобраться в запущенных делах побежденного, разгрести накопившиеся косяки и висяки, по завершении получает бонус до трехсот тысяч долларов, меняет расстрельное место консилъери на уютный пост члена совета директоров, и вся жизнь у него впереди.

На больничном столике Василий видит карманные шахматы. «Немудрено, — думает Никита, — что мой визави не узнал соперника в изможденном болезнью доходяге, к тому же обросшем щетиной». Но почему сам Никита соперника сразу не признал?

«Ба, — думает Василий, — да он же искал пути выигрыша в нашей отложенной партии! И не нашел ничего лучше, чем на ровном месте пожертвовать коня! Сейчас мы этого Гастелло проучим!»

Никита, шатаясь, перемещается к доске. Следует быстрая серия ходов.¹

16... Кр: f7. 17. С:e4 Кре8. 18. Фf3 Кb6. 19. Фf7+ Кpd7. 20. Сg2 Фе8. 21. Ch3+ Кpd8. 22. Фf4! c5. 23. Сg7 Лg8. 24. Cf6 K8d7. 25. Кс3 а6. 26. Лаe1.

Теперь Василий, покраснев, смешивает черные фигуры. Партия проиграна.

Никита слабо кашляет. Василий приходит в себя и вспоминает свою роль:

— А знаете, как вас будут называть заводчане в случае вашего отказа от сотрудничества?

— Как??

— Свой среди чужих!

— Не пойму, это почему?

— А вот потому! — в глазах Василия искорки смеха мальчишки-Плохиша. — Потому, что *мы* проведем такую воспитательную работу среди персонала захваченного объекта. Вот и получится в глазах всех, кто вас знает, что с одной стороны, вы — верный паж и оруженосец Топа... Да что уж нам с вами лукавить — его цепной пес, готовый по приказу хозяина за сутки уволить хоть сто человек с нарушением Трудового кодекса и

¹ В книге использована партия Генкин — Злобинский, сыгранная по переписке в 1992 году.

потом попросить премию за сверхурочный труд. А вот наедине с собой — вы расчетливый шахматист, раскрутивший многоходовую партию, конечным результатом которой стала полная власть над Заводом.

— То есть — Никита сдерживает себя, чтобы не броситься на визитера, — вы распустите дезу, что захват Завода придумал и осуществил я??

— Именно, Никита Валерьевич! — Кажется, партия начинается доставлять Панову удовольствие. — Причем все будет складываться кирпичик к кирпичику, ложь к полуправде, слух к предположению, а все вместе окажется логично и убедительно.

— А то, что я тут в больнице, вашу постановку разве не разрушит?

— А это вы, создавая себе алиби, переборщили с одним препаратом. С кем не случается... Но перед этим — как мы скажем на Заводе, и люди нам поверят — вы, Никита, слили нам Топа и всю тему за оч-чень большие деньги.

— Вы... вы.... — Никите не хватает слов.

— Да, мы не ангелы. Но и не волшебники. Например, нам не хватает вашего присутствия с доверенностью для разблокировки счетов Завода. Нам недостает информации о расстановке сил внутри предприятия. Кому из его менеджеров можно доверять, а кто по-собачьи предан старому хозяину... Наконец, в городе привыкли к вашей физиономии, и новый человек вызовет вопросы... Так что нам без вас не жить, Никита, как, впрочем, и вам без нас. Одним словом, не прося от вас любви, предлагаю вам, Никита, взаимопользительный симбиоз!

— Когда вы хотите знать мой ответ на ваше... предложение?

— Сейчас вы мне ничего не отвечайте. Вижу, вам надо подумать. Когда я уйду, вы сможете по телефону убедиться в том, что вчерашние события развивались именно так, как я рассказывал. Вы должны дать ответ не позднее завтрашнего вечера. Я приеду к вам в больницу, — молодой человек осторожно жмет протянутую руку и уже направляется к выходу, но внезапно останавливается и, повернувшись, произносит:

— Поймите, это такая же игра, как и шахматы. Если бы вы каждый раз, жертвуя фигурой, начинали жалеть ладью или коня, вы бы никогда не стали кандидатом в мастера. Так и здесь:

без лишних эмоций пожертвуйте фигурой Топа и останьтесь в выигрыше. Если же не сможете этого сделать, то из игрока превратитесь в шахматную фигурку. И поверьте, будет совершенно все равно, в какую, пешку или ферзя. В общем, думайте... Если все сложится, как надо, мы с вами еще сыграем несколько партий...

— Не надо снова ко мне приезжать в больницу, господин Панов. Я уже принял решение. Ваши аргументы не оставляли мне выбора, правда?

ГЛАВА 28

ДО ГОЛЫХ КОРОЛЕЙ

*Стою на поле брани я.
Разрушена Швамброня.
С ней погиб имен набор:
Джек Пафнутий, Бренадбор,
Арделяр, Уродонал,
Сатанатам-адмирал,
Мухомор-Поган-Паша...
Точка — и ша.*

(Лев Кассиль)

Заказчик захвата тоже неплохо играет в шахматы. Он мысленно расчерчивает лист бумаги, рисуя диковинную партию, ставкой в которой был Завод. Первым стилизованным кругом он рисует себя.

Вначале он делает заказ Георгию Черносветову, тот нанимает Василия Панова, который набирает команду бойцов. Команда Панова всеми ресурсами (административным, силовым, юридическим и информационным) наваливается на Завод.

Сам Заказчик предпочитает грубые и эффективные решения. Он, усмехаясь, вспоминает агитку Владимира Маяковского: «Одного спойть, другого купить, третьего убить и в Совете царить!» Прав был классик, да только сейчас модно не в сельсовете царить, а в Совете директоров акционерного общества. А средства в ходу все те же.

Заказчик рисует стрелки от себя к Черносветову и тайному агенту Редиске, от Черносветова к Никите и Панову, от Панова к его команде, от них к коррумпированным ментам, инспекто-

рам, чиновникам... Это стрелки подкупа. Не беда, что в случае Никиты цель не была достигнута...

У них вся семья упертая, значит, надо применять другие средства.

Внизу слева Заказчик рисует второй кружок — своего брата Федора Столетова. Перед ним, правее, нарисованы топовские сподвижники и партнеры: Коля Серебро, Август Майер, Виктор Майер, мэр Теплаков... Подумав, отдельным квадратиком он дорисовывает незадачливого Ильича. За этими квадратиками Заказчик рисует круг и вписывает в него короткую фамилию: Топ. А потом привычно рисует стрелочки, идущие от Топа к квадратикам (долларовые и рублевые потоки), и от квадратиков к Топу (административный и силовой ресурс).

А следующим ходом, мстительно усмехнувшись, один за другим зачеркивает крест-накрест все эти квадратики. Потом и Никиту, и Редиску. Партия-с!

Топ остался один. Берлинская улица на Запад нас ведет...

Осталось взять красную ручку и нарисовать на диаграмме особенные связи между персонажами. Кровные. В прямом и переносном смысле...

Впрочем, мы увлеклись и забыли представить читателю самого скромного из главных героев. Барабанная дробь! Он перед вами.

Заказчик захвата не монстр. Не надо его демонизировать. Дабы избежать кривотолков и инсинуаций, он сам о себе расскажет. Вот он выходит из тени, закуривает. Огонек сигареты «Житан» освещает обычного, чуть усталого, светловолосого мужчину средних лет. Выглядит он респектабельно, его одежда неярких тонов сшита на заказ.

У него ничем не примечательная внешность и простая фамилия. Он наш, и этим все сказано. «Вышли мы все из народа», как поется в хорошей песне революционных лет. «Дети семьи трудовой». А иных детей в те годы в органы и не брали. Братский союз и свобода — вот наш девиз боевой. Это хорошо — про братский союз. Поначалу именно кровный брат, Федор Столетов, и помог: дал неформальную рекомендацию со Старой площади, и попал младший братец в сектор, заведующий отноше-

ниями с весьма лакомым куском заграницы. Самые сливки капиталистического Запада: Франция, Германия, Бенилюкс...

Если бы вы знали, уважаемые, какой богатый человеческий материал прошел через эти руки! И западные радикальные дурочки, вроде возникшей на первых страницах этой книги Жюстин, которые бросают свои либерально-бредовые взгляды ради первого же «крепкого сибирского парня», как в анекдоте. И наследственные советские дворяне, вроде Сергея Шурикова, которые на закрытых номенклатурных дачах рано узнают сомнительные прелести «Чивас Ригала», марихуаны и французской ль-амур-а-труа. Тьфу! Заказчик гневно сплевывает на землю, много всякой плесени прошло через наши руки. И обидно, что почему-то как раз плесень охотно соглашалась сотрудничать и выполнять мелкие просьбы и поручения. Например, как тогда, с сыном гордеца Бирюкова перед таможенной...

Хотя случалось всякое. По насквозь фальшивому свидетельству о воссоединении семей ехал на неметчину герр Николай Топ. Молодой и перспективный кадр в плане информационной работы по общине немецко-российских эмигрантов. Казалось бы, разговор будет взаимоприятным. Не тут-то было! В ответ на разумное предложение Николай Оттович покраснел, побледнел да и послал все сильного куратора на хорошем русском языке по матушке! Время, конечно, нынче вегетарианское, ничего ему за этот поступок не было. Кроме того, что призадумались о нем крепко в определенных кабинетах. И по возвращении бизнесмена Топа в Россию стала пухнуть его папочка. Не наш человек. Определенно не наш. А у кого папочка на столе, уважаемые? Правильно! Зачатки аналитического мышления и у вас имеются.

Новое время любит новые песни. И курит план, и чтит Коран, и продает не за рубли. Сделал правильные выводы. Несколько коммерческих проектов. Счет в латвийском банке. Коттеджик на Николиной Горе. Но не все товарищи вовремя осознали дух времени. Служба собственной безопасности попросила уволиться. Тихо, без шума, с сохранением персональных льгот.

Пошел к тем, с кем делал первые проекты. Это только в газетах тех лет черноморская группировка была страшным пугалом. На самом деле, ребята оказались неискушенные в аппаратных играх и административных интригах. Под защитой их

беспредельной репутации проектов стало больше. Новые счета. Домик в Карловых Варах. Германский паспорт — прежние знакомства. Теперь можно заехать в гости к Топу по-свойски, по-землячески. Объединенная Европа — свобода передвижения. Проехал по старым связям. Многие из выпущенных за рубеж разжирили, но страх остался. Вор всегда боится разоблачения. Где шантажом, а где по доброй воле сторон собрал неплохие суммы. Бирюков в Париже не внял голосу разума — и до сих пор непонятно, как он отмазал сына от тюрьмы после той истории на таможне. Воистину, добро должно быть с кулаками. Иначе это нищее добро, никому не нужное.

Елось сытно, пилось сладко, любилось, с виагрой, как в юные года, но нарастало беспокойство. Ходили слухи, что выведенный за штат генерал Савенко отлавливает конторских оборотней, использующих корочку в личных целях, и ... дальше даже думать не хотелось. Кураж уступал место дрожи. Заказчик запил и год праздновал кризис жанра. Необходимо было менять формат. Старый механизм зарабатывания денег дал сбой.

Второй раз братец наставил на путь истинный. Позвонил в контору Жорке Черносивову, которого в свое время накачал активами, и предложил проверенную кандидатуру на должность зама по связям с общественностью. Попробовал бы тот отказаться!

Стали собирать деньги с населения. Спали на мешках неучтенных рублей и валюты. Никто не беспокоил. Не торгуясь, покупали рекламное время на телевидении. Держали шесть инкассаторских машин. Продержались, в отличие от других, почти до августовского кризиса. После того, как Черносивова на денек закрыли в ведомственном изоляторе временного содержания, и Заказчик явился избавителем, появился неформальный понятийный договор о сотрудничестве и дележе прибылей инвестиционной компании. Там и доля брата была прописана.

Дальше больше. Кризис прошел. На затопленных полях российской экономики показали первые ростки нового. Наряду с поганками и мухоморами пошли в рост и съедобные грибы. А их надобно, уважаемые, что сделать? Приготовить и съесть!

Опять наш Заказчик на коне. Делаем ребрендинг. Инвесткомпания Жоры Черносивова, пережившая кризис, выполнившая

все свои обязательства (а если чьи деньги сгорели, так это банки виноваты, не мы), занимается оздоровлением промышленных и торговых предприятий в Москве и области. «Неэффективный менеджмент уступает место эффективному», — любимая Жорина хохма. Французы, немцы, скандинавы, как прежде российские бабушки, дают ему денег, не глядя, под проценты вдвое выше рыночных. Заказчик пересаживается на «Брабус», обзаводится квартирой на Пречистенке и начинает жить с огоньком. Тень генерала Савенко отогнана глубоко в подсознание.

Что же делает для Черносвитова наш Заказчик? Как, вы еще не догадались? Он чистильщик. Жора Черносвитов — респектабельный инвестор. Он не покупает имущество с бирками или следами крови от прежнего владельца. Все эти обременения, следы прошлого, устраняет-подчищает Заказчик. А Черносвитов, купив уже чистое краденое, получается добросовестный приобретатель, права которого защищает Закон.

Заказчик тяжело вздыхает и гасит сигарету. Его лицо снова в тени.

Завод поначалу внушил ему чувство эйфории. Наткнувшись в газете на самодовольную физиономию Топы, Заказчик не мог скрыть радости. Жив, курилка! По нашему региону ползает. Да еще и нечестным путем завладел такой жемчужиной, как Николаевский машиностроительный. Пора посчитаться.

На столе у Заказчика целую неделю валялась американская книжка. Автор — Ури Дан. Название — «Mogul of the Mob». Что-то вроде «Король мафии». Книга повествовала о жизни скромного человечка, который прятался за спиной самого раскрученного и известного мафиози Соединенных Штатов Америки — Лакки Лучано. Этот человечек, Меир Лански, придумал предлог (открытое судебное и уголовное преследование), чтобы спровадить грозного гангстера в Италию, а потом почти два десятилетия правил криминальным миром от его имени. Собирая многомиллионные дары за «решение вопросов», Лански исправно отправлял итальянскому беглецу несколько тысяч долларов ежемесячно.

Завода не будет, когда исчезнет Топ. Топ исчезнет, когда будет замарана его репутация. Репутация Заказчика должна остаться чистой. Ему должна сделать предложение победившая

сторона. Он должен быть вне игры, так, чтобы не привлечь никаких подозрений. Носы и скулы будут ломать в его отсутствие.

Тщательно изучив рынок молодых рейдеров, Заказчик сам выбрал компанию Панова... Ему нужна была некоторая невинность исполнителя в определенных вопросах. Так крупные синдикаты поручают самые знаковые убийства молодым, незаслуженным киллерам. Аванс, впрочем, был выдан честно. Доллары были настоящие.

Феликс Поливанов получил свое. Хороший, давний, ценный кадр. Но бизнес есть бизнес. Двойной агент, несмотря на талант, свое отыграл. Он ничего не сказал Никите. Не раскрылся даже Черносвитову. Помог сплавить Никиту в истории с Тенишевой. Снабжал информацией о Заводе изнутри. Вовремя отошел в сторону. Его единственный недостаток — прямая связь со мной. Он болтлив и выдаст меня. Заказчика. Поэтому он за городом полез купаться и утонул. Пьяный полез, а ногу свело судорогой. Странная нелепая смерть. О ней не сразу узнают. Ее не сразу свяжут с событиями на Заводе. Для выигрыша партии нескольких лишних темпов вполне достаточно. Будем бережливы. За три дня до поливановской смерти у оффшорной компании, на которую ему капали агентские деньги, сменился бенефициар. Чего ж добру пропадать...

Черносвитов вздрогнул, когда услышал предложение. Николаевский машиностроительный завод. Роли меняются. Чистить объект не надо. Исполнитель — компания Черносвитова. Заказчик — его бывший чистильщик и некоторые его друзья.

— Федор Столетов? Черноморские? Конторские? — автоматически начал вычислять Черносвитов, обмякая. Но заставил себя улыбнуться и спросил о предоплате.

Довершая удар, добывая Жору, на стол были вывалены двадцать пачек.

— Здесь двести тысяч долларов США. Это предоплата. Начинайте. Да... мою долю комиссии, согласно нашему понятийному соглашению, из общей выручки инвестиционной компании я уже изъяс.

Перед Черносвитовым стоял новый хозяин.

Заказчик блефовал. В проект он шел своими сбережениями, на свой страх и риск. Это была сладкая и давно ожидаемая месть. Делить ее он не хотел ни с кем.

Черносвитов жалел Никиту. Устранение Бирюкова лишило защитников последнего союзника. Жора упорствовал и изобретал все новые предлоги для затяжки с очевидным решением вопроса. Он выговорил себе право пригласить Никиту для вербовки. Заказчик мрачно согласился: «Но потом я умываю руки. За срыв сроков проекта платится неустойка, не забывай».

На обычно холемом Георгии Ивановиче не было лица, когда он вполз в кабинет и сообщил, что юрист отказался от сотрудничества.

Дальше подраздел проекта перешел в техническую стадию. Достижения современной боевой токсикологии малоизвестны широкой публике, но очень впечатляющи. Никита, если и выживет, на что один шанс из миллиона, то поймет, на чьей стороне правда. А Панова надо посмотреть и, возможно, сделать на него ставку. Мальчик эффективный.

Черносвитов до поры до времени нужен. Он должен воспитать комиссара и ввести его в курс дела. Он будет служить. Он сделает выводы из двух смертей молодых людей вдвое младше него, ставших на пути у Проекта. У Жорки у самого больное сердце. А страх всемогущ. Чем выше человек взобрался, тем больше в его воздухе страха.

Зато теперь никакая революция-национализация-гиперинфляция не мешает Заказчику ежедневно намазывать все растущий слой икры на свой бутерброд.

ГЛАВА 29

ПАРТИЯ...

«Нельзя играть на выигрыш, будучи в душе согласным на ничью».

(Анатолий Карпов)

— Ну, здравствуй, дорогой, что скажешь хорошего? — Человек улыбается и, затушив сигарету, протягивает руку Василию.

— Александр Сергеевич, вы же все и так знаете, — Василий присаживается на мягкие подушки ресторана «Узбекистан» и раскрывает меню.

— Ты прав. Давай заказывай, и поговорим о серьезных делах.

Сколько Василий знал Александра Сергеевича Столетова, директора Государственного Унитарного Предприятия, это была его любимая фраза. Что бы ни происходило, всегда у него находились более серьезные вещи для разговора. Они познакомились несколько лет назад, тогда Василий руководил группой юристов, отработывавшей один московский универмаг. Директор универмага, старый приятель Александра Сергеевича, попросил помочь разобраться с корпоративными хулиганами. Столетов приехал, пообщался сначала с Василием, потом с его руководством, навел справки и... отошел в сторону. Директора с потоков уже практически убрали, благополучно отлучив от розничной кормушки, а за бесплатно в наше время только птички чирикают. Контакты с Василием Столетов не терял, иногда встречались и общались. Молодому человеку была лестна компания директора ГУПа, хоть и не ахти какая должность, но, тем не менее, человек совершенно из другого мира, а это всегда притягивает.

— Ну что, какие теперь планы, а? — после шурпы Столетов откидывается на мягкую спинку диванчика и неторопливо закуривает.

— Как и договаривались, — Василий внутренне напрягается.

— Не переживай... Завод — это твой проект, никто тебя от него не отодвинет. Там сейчас нужно хорошо поработать, информацию собрать, а потом можно и денежку зарабатывать. Но я не о том, ты куда сам движешься, в каком направлении? — Столетов, прищурившись, смотрит на молодого человека, — где ты будешь через год, два?

— Это слишком большой промежуток. Время покажет. Сейчас хочу фирму развивать. Нужно еще несколько проектов взять...

— Проектов? — скривился Столетов. — Разве это проекты? Вась, не серьезно все это. Ты же прекрасно понимаешь, захваты — это мертвый рынок. Ну сколько он еще продержится? Года два не больше... Это по Москве. По регионам максимум лет пять погремит. А дальше все, засуха.

— Можно заниматься защитой... неплохой продукт, на рынке мало кто этим озаботился, — Василий пока не понимает, куда клонит собеседник.

— Защита, нападение, какая разница? Вась, ты пойми, слишком поздно выходишь на рынок. С нападением нужно было года три-четыре назад появляться, тогда бы уже давно в Совете Федерации заседал. Защитой уже занимаются ребята, не в пример тебе, — и с деньгами и с ресурсом. По крайней мере, щиты три на шесть могут на Кутузовском поставить. Ты не туда идешь. Ну, хорошо, отработал ты свой первый реальный заказ как самостоятельный игрок, стали тебе новые доверять, но ведь каналов-то у тебя хороших нет, будешь вместе с другими работать на субподряде. А потом подставят еще, знаешь ведь, как это делается, — острые карие глаза внимательно посмотрели на Василия.

— Допустим, — Панов лихорадочно думал, откуда Столетов знает про Антуана и подставы.

— Это гнилой бизнес, Вась, он не любит одиночек. Здесь два варианта: либо ты в команде, либо ты ее сам формируешь. Понимаешь? Заработаешь ты две-три сотни тысяч долларов. А дальше-то что? Чем будешь заниматься, когда рынок просядет?

На работу уже не захочешь идти, отвыкнешь от начальников, бизнес накроется, а деньги имеют свойство кончатся. Нет, ну в лучшем случае будешь заниматься обычными коммерсантами, юридическое сопровождение и тому подобная мелочевка. Тысяч пять-десять в месяц заработаешь, но ведь тебе не это нужно. Так ведь?

Василий молчал, изо всех сил стараясь хотя бы не кивнуть головой.

— На самом деле сейчас начинаются очень серьезные дела. Так уж вышло, что мне некоторое время пришлось этим ГУПом заниматься, были на то свои причины, но это в прошлом. Ты, я думаю, понимаешь, что деньги, которые вложены в николаевский проект, это не мои личные средства, это был пробный шар. Я не буду называть тебе фамилии, но можешь мне доверять — это люди серьезные. Сейчас в стране многое меняется. Скоро на рынке появится новый игрок, вернее он уже появился, правда, не все это заметили, потому что в нем никто игрока не видит. Я позавчера разговаривал с одним товарищем, а у него прямой выход. Надеюсь, понимаешь, на кого? Спасибо, что хоть кивнул, а то сидишь, только глазами моргаешь. Ну, так вот, нужна хорошая команда грамотных юристов. Я сказал, что у меня есть такие люди. Работы непочатый край. Про завод можешь сразу забыть — это детские игрушки...

— Что от меня требуется? — спросил Василий, крепко сжимая стакан со свежавыжатым яблочным соком.

— Ничего. Просто согласие работать вместе. Запомни, я тебя ни к чему не принуждаю, ты решаешь сам. Меня ты не подставишь, я сказал человеку, что у меня есть такие люди, но имен не называл. Юристов в России хватает. И не думай, что у меня ты один на примете. Я не требую от тебя доли в бизнесе. «Индиго» как было твоей фирмой, так и останется. Просто мы начинаем работать вместе. Разумеется, параллельные проекты можешь вести абсолютно спокойно, если захочешь, конечно. Единственное, ставь предварительно в известность, с кем и против кого играешь: вдруг это наши друзья. Вот и все, — Александр Сергеевич сделал несколько глотков ананасового сока.

— А если в какой-то момент я захочу переключиться на свои проекты? — спросил Василий.

— Не вопрос. Главное, заверши дела и предупреди заранее, а потом занимайся, чем хочешь. Это же не Коза Ностра. Тут не надо думать, что либо с нами, либо против нас. Или ты в команде или нет. Но поверь мне: быть внутри намного лучше, чем снаружи. Ну, так что, согласен? — в который раз Столетов пристально посмотрел на Панова.

— Да, — ответил Василий, чуть помедлив, и отвел глаза в сторону.

Потом улыбочивый повар подал плов. Было как всегда вкусно и сытно. Вскоре появились танцовщицы, извиваясь молодыми телами, они заигрывали с посетителями ресторана. Столетов шутил и рассказывал про свою давнюю командировку в Мозамбик и африканских женщин. На душе у Василия стало спокойно. Расслабившись, он уже без опаски смотрел на Столетова. Зачем его бояться, ведь теперь они вместе, теперь они команда. Но где-то далеко-далеко в глубине души мелькнуло сомнение сразу же подавленное рассудком: а ведь шахматные фигурки тоже называются командой...

ГЛАВА 30

ПОСЛЕДНЯЯ

Белый Король Николай Топ нанял Никиту Бирюкова. Тот сделал все, что мог, но не отстоял Завод.

Черный Король Заказчик нанял Георгия Черносвитова. Его пешка Василий Панов сделала победный ход в партии. При этом шахматную партию Василий Никите проиграл.

Федор Столетов, федеральный чиновник средней руки, после смерти Коли Серебро и одного из братьев Майеров посадил в тюрьму второго брата, договорился, где надо, запугал мэра и обеспечил себе Николаевский трон.

Одна элита сменила другую. Нет, это для кабинетных социологов. На самом деле, новая элита в грязи, кровище и пыхтении, не чураясь любых приемов, подмяла под себя старую.

Помешать мог бы только Николай Топ, но угроза тюрьмы не позволит ему пересечь российскую границу. Так что лучше ему смириться с потерей кровного имущества. Творческое осмысление российского опыта развивает эмпатию, а страдание после утраты дензнаков очищает душу. Глядишь, и станет Николай Оттович советником руководства своей новой Родины по российской демократии. Он не первый и не последний Буратино на этом Поле чудес.

Вася Панов молодец. Свою работу выполнил с огоньком. На него можно списать все издержки революционного периода захвата Завода. Это его работа, его гонорар, его риски. Благими намерениями профессионалов вымощено сами знаете что.

Неправ был консьильери господина Ивахненко. Если каким-то навыком овладел, то использовать его в жизни непременно захочется. Сколько в России народу ежегодно пополняет СИЗО и остроги по статье «превышение необходимой самообороны»? А все почему? Потому что ружье, висящее на стене, само хочет выстрелить. «А когда стрельба пойдет — пуля дырочку найдет», — как пел незабвенный Окуджава.

При рубке леса щепки никто не считал. А так всегда бывает.

Маски сброшены. Где гвардейцы кардинала? Где доблестные мушкетеры? Где интересы Франции? Какая, вообще, к черту, Франция? Нельзя всю жизнь брать примеры с героев прочитанных в детстве книг.

Вы привыкли читать романы, где добро побеждает зло.

Вам с первых же страниц подсунули Никиту Бирюкова. Он молодой, благородный, добрый, богатый — «прынец на выданье». Однозначно, положительный герой.

Вы в него влюбились, как это сделала несчастная хромоножка.

Партия сыграна.

Почему не спешат чувствовать победителя?

Генкин А.С., Молотников А.Е.

ЗАХВАТ

Корпоративные шахматы:
игра на выживание

Электронное издание книги –
издательство «Стартап»
books.strtp.ru
books@strtp.ru